

МЫСЛЯЩАЯ РОССИЯ

**Интеллектуально-
активная
группа**

Под редакцией
Виталия Куренного

Редакционный совет
**ЕЛЕНА КОЗИЕВСКАЯ,
ВИТАЛИЙ КУРЕННОЙ,
ЕЛЕНА ЯЦЕНКО**

Некоммерческий фонд
«НАСЛЕДИЕ ЕВРАЗИИ»
Москва, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
1. Эмпирическая база исследования	15
2. Морфологические критерии выделения интеллектуально-активной группы	19
3. Основные социальные понятия	23
3.1. Интеллигенция	26
3.2. Интеллектуал, эксперт, профессионал	33
3.3. Безымянные	40
4. Трудности самоидентификации	43
5. Социальные роли и модели поведения	49
5.1. Фрагментированность и проблема коммуникативной инфраструктуры	49
5.2. От советского к постсоветскому контексту	51
5.3. Автономистская модель	56
5.4. Интернациональная модель	62
5.5. Национальная модель	66
5.6. Республиканская / областная модель	74
5.7. Городская модель	78
6. Институты	86
6.1. Журналы	87
6.2. Университет и академия	95
6.3. Интернет	99
6.4. Некоммерческие организации	103
7. Интеллектуальные пространства: историко-географические и культурно-идеологические аспекты	109
7.1. Периферийно-центристские пространства	109

7.2. Пространства интеллектуального обитания	119
7.3. Пространства повседневных дел	121
8. МИРОВОЗЗРЕНИЕ	129
8.1. Свобода как мировоззренческая рамка	129
8.2. Латентный авторитаризм	132
9. Оценки общественно-политической ситуации	137
9.1. «Удалось восстановить государственность»	139
9.2. «Нет у государства позиции к культуре»	141
9.3. «Деградация обратных связей»	144
9.4. «Свободы печати вообще нет!»	145
9.5. «Имитационная программа»	147
9.6. «Авторитаризм процветающий» и «обвинения в авторитаризме смешны»	149
9.7. «Социальные группы находятся в состоянии безмолвия»	152
9.8. Социальная стратификация: влиятельные социальные группы	154
CASE STUDIES	163
<i>Дмитрий Rogozin</i> В поисках уральской интеллигенции	165
<i>Александр Никулин</i> Религия и интеллигенция	203
ОБ АВТОРАХ	235
О ФОНДЕ «НАСЛЕДИЕ ЕВРАЗИИ»	237

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание представляет результаты исследования, реализованного фондом «Наследие Евразии» в 2008 году. Проект «Интеллектуально-активная группа: мировоззрение, специфика социальных функций и идеологические дифференциации в контексте постсоветской трансформации» продолжает серию исследований интеллектуальной среды в России и является частью программы «Мыслящая Россия», которую Фонд развивает с 2005 года¹. Эмпирическую часть исследования дополняет работа «История и теория интеллигенции и интеллектуалов», выпускаемая отдельным томом².

Интеллектуальные традиции русской интеллигенции имеют длительную историю. Долгое время интеллигенция играла важнейшую роль в жизни российского общества, формулируя мировоззренческие и ценностные программы, отвечая на вызовы, стоящие перед Россией. Однако в настоящее время голос интеллигенции (или, используя не менее популярный сегодня термин, интеллектуалов) мало различим в обществе. Имеет ли сегодня понятие «интеллигенция» какой-то смысл? Какие мировоззренческие и ценностные позиции она разделяет и отстаивает? Как устроена российская интеллектуальная среда? Что недостает интеллигенции для того, чтобы играть в российском обществе полноценную роль? Эти вопросы и побудили нас к масштабному исследованию.

Над проектом работали две рабочие группы, обеспечивающие проведение полевого исследования и написание историко-теоретических материалов. В первой части «Интеллектуально-активная группа» представлены результаты качественного социологического анализа материалов проекта «Интеллектуально-активная группа: мировоззрение, специфика социальных функций и идеологические дифференциации в контексте постсоветской трансформации», собранных в 13 городах России (Архангельск, Владимир, Дубна, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Калининград, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Тула) в период марта — августа 2008 года. Анализ эмпирических материалов осуществлен с позиций нескольких методологических подходов — дискурсивного анализа основных социальных понятий, социологии знания, конверсационного анализа и биографического анализа. Использование нескольких подходов позволило нейтрализовать возможность грубых ошибок,

¹ См., в частности: Мыслящая Россия: картография современных интеллектуальных направлений. Сб. под ред. В. Куренного. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2006.

² История и теория интеллигенции и интеллектуалов. Сб. под ред. В. Куренного. М.: Фонд «Наследие Евразии».

обусловленных концептуальной предвзятостью или возможной методологической нерелевантностью одного подхода,— опасность, которая угрожает любому качественному социологическому исследованию.

Методологическое содержание, которое исследовательская группа вкладывала в понятие «интеллектуально-активная группы», разъяснено в тексте исследования (§ 2). Тем не менее следует пояснить сам мотив выбора термина «интеллектуально-активная группа». Он, кстати, изобретен не нами, а предложен Институтом общественного проектирования. Мы сочли его удобным с инструментальной точки зрения, поскольку он позволяет уйти от таких понятий, как «интеллигенция», «интеллектуалы», «эксперты» и т.п. Последнее было важно по двум причинам. Во-первых, современное интеллектуальное и публичное пространство России (и не только России) находится в процессе изменений, зафиксировать которые можно, на наш взгляд, лишь выходя за пределы категориального языка, обремененного исторической традицией и очевидными оценочными коннотациями. Во-вторых, любая аналитическая активность по отношению к перечисленным группам не является нейтральной— как показывает весь исторический опыт рефлексии и исследований в этой сфере.

Однако в исследовательскую задачу, которая здесь реализовывалась, менее всего входила попытка каким-то образом участвовать в борьбе за символический капитал этих понятий. В нашей выборке мы старались следовать заявленным формальным критериям, заданным содержанием понятия «интеллектуально-активная группа», вынося за скобки вопрос, состоит ли она из «интеллигентов», «интеллектуалов», «экспертов» и т.п. Эту же роль выполняет, помимо прочего, и принцип анонимности, который принят в рамках цитирования материалов круглых столов и интервью (к этому остается лишь добавить сакраментальную фразу, что всякое сходство с реальными людьми является здесь случайным). Исключение сделано лишь в одном параграфе (§ 5. Институты) по отношению к институтам, где такая анонимность не позволила бы структурировать изложение. Но и здесь упомянутые институты выступают лишь в роли репрезентативных примеров.

Исследовательский проект «Интеллектуально-активная группа: мировоззрение, специфика социальных функций и идеологические дифференциации в контексте постсоветской трансформации» реализован фондом «Наследие Евразии» в 2008 году частично на средства гранта Института общественного проектирования в рамках Президентской программы поддержки проектов некоммерческих неправительственных организаций, имеющих социальное значение, в сфере проведения социологических исследований и мониторинга состояния гражданского общества «Проблемы развития современного российского общества» (2007).

Хотелось бы выразить благодарность всем вдохновителям и участникам настоящего проекта. К ним, в первую очередь, относятся президент Фонда «Наследие Евразии» Елена Яценко и директор по развитию Фонда «Наследие Евразии» Елена Козиевская, обеспечивавшая сложнейшую организацию проведения проекта на всех его этапах.

В полевых исследованиях принимали участие: Александр Бикбов, Тимофей Дмитриев, Денис Ким, Александр Никулин, Дмитрий Rogozin, Александр Толмач и Анна Турчик. Сбор подготовительных и сопроводительных материалов, а также обработку результатов осуществляли Анна Кургузова и Нина Пономарева. Мы также хотели бы поблагодарить за участие в обработке материалов проекта Екатерину Егорову и Елену Самкович.

Ирина Крапивникова оказывала нам неоценимую помощь в организации всех круглых столов, проводившихся в Москве. Организацию региональных мероприятий взяли на себя: Роман Громов (Ростов-на-Дону), Константин Иванов (Тула), Илья Калинин (Санкт-Петербург), Анна Карпенко (Калининград), Ирина Корокина (Дубна), Андрей Макарычев (Нижний Новгород), Виктор Мартыанов (Екатеринбург), Ольга Попова (Архангельск), Михаил Рожанский (Иркутск), Сергей Сергеев (Казань), Андрей Сидоров (Владимир), Галина Солодова (Екатеринбург). Всем им, а также организациям, предоставившим нам площадки для проведения круглых столов, мы выражаем особую благодарность.

Мы благодарны также сотрудникам Института общественно проектирования за живую заинтересованность в реализации и результатах настоящего исследования, прежде всего, Михаилу Тарусину и Дмитрию Дасюку.

С большим удовлетворением мы выражаем свою признательность Владимиру Виноградову за талантливое оформление и кропотливую подготовку к печати книг по проекту «Мыслящая Россия», первая из которых была опубликована в 2006 году.

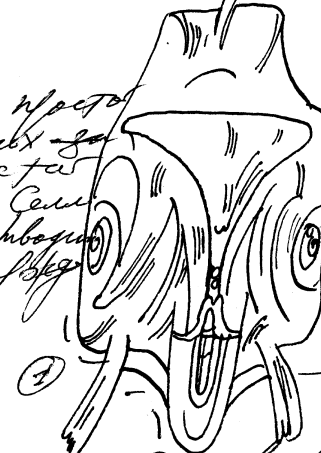
Евгению Телишеву за предоставленную возможность выбрать серию его работ, использованных при оформлении настоящего издания.

Наконец, но далеко не в последнюю очередь мы благодарим всех участников круглых столов и наших собеседников по интервью, выразивших заинтересованность в проблематике настоящего исследования. В жестких временных рамках, отведенных на проект в целом (меньше года), мы не могли, разумеется, с равной степенью скрупулезности обработать все полученные в ходе его материалы. Однако работа над этими материалами продолжается, и результаты этой работы, мы надеемся, также будут опубликованы.

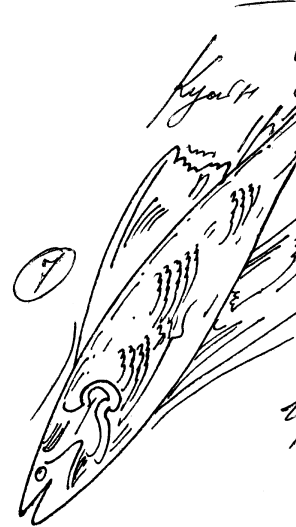
Виталий Куренной

Надпись: просто
 обуха - за
 оверкост
 и Семе
 Зиниуан обвои
 унвев

споса
 кожене по
 арокн Р
 апа на
 он реде
 март

4 - Покрытие не

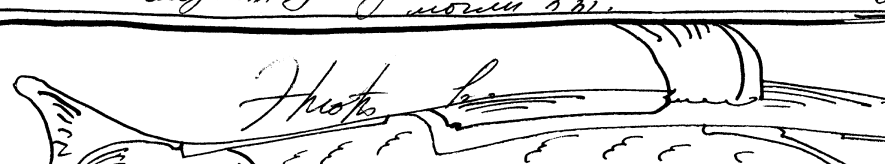

как
 перед
 и что
 нос по
 гора
 отхо
 ружее
 до кан
 елем

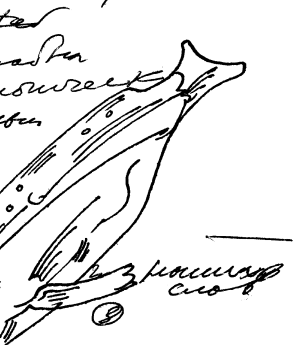
располож
 гримос
 смит

как
 мест

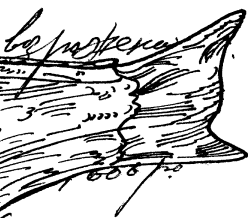
Нот

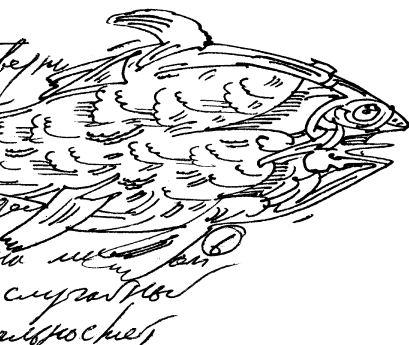
миссия¹³

миссия
слю

миссия
слю

миссия

миссия
слю

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО- АКТИВНАЯ ГРУППА

1. ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование включало в себя проведение 20 круглых столов в 13 городах России (Москва — 7, Петербург — 2, Архангельск — 1, Владимир — 1, Дубна — 1, Екатеринбург — 1, Иркутск — 1, Казань — 1, Калининград — 1, Нижний Новгород — 1, Новосибирск — 1, Ростов-на-Дону — 1, Тула — 1). Среднее число участников круглых столов — 7 человек. Кроме того, с некоторыми участниками круглых столов проведено более 100 глубинных интервью. Все исследования проводились в период марта — июля 2008 года.

Всего в исследовании было анкетировано 152 человека. Согласно анкетным данным, более 60 % участников имеют несколько высших образований или ученые степени. Только пять человек, или 3 %, не имеют высшего образования. Большинство, 73 %, закончили гуманитарные факультеты. Средний возраст участников — 45 лет. Из них до 30 лет опрошено 8 %, от 31 до 40 лет — 31 %, от 41 до 50 лет — 37 %, старше 51 года — 24 %. Подавляющее большинство наших собеседников были мужчины — 72 %.

Учитывая высокую неопределенность понятия «интеллектуально-активная группа», а также субъективную нагруженность таких традиционных понятий, как «интеллигенция» и «интеллектуалы», в основу принципа приглашения участников круглых столов и, соответственно, выбора собеседников для интервью был положен *институциональный принцип*.

Собственно институционально-дифференцированными были московские круглые столы¹, которые имели соответствующий тематический характер и включали в себя следующие группы:

- политические публицисты, журналисты и фрилансеры;
- представители редакций «толстых» литературно-публицистических журналов;
- представители редакций новых (постсоветских) интеллектуальных и общественно-политических журналов;
- представители университетов и академических институтов (администрация и научные работники);
- представители общественно-политических интернет-порталов и блогов;
- представители неправительственных организаций;

¹ Разумеется, институциональный критерий не мог быть соблюден в чистоте по причине высокой плотности совмещения в одном лице сразу

множества ролей — преподаватель, редактор журнала или интернет-портала, представитель нко и т. д.

— представители Русской православной церкви и вписанные в церковные структуры интеллектуалы (непосредственно работающие в церковных учреждениях).

Региональные круглые столы проводились в институционально разнородной аудитории² по единому гайду, включающему следующие основные блоки вопросов: «Имеет ли сегодня понятие «интеллигенция» какой-то смысл? Что современная интеллигенция может предложить обществу? Какие мировоззренческие и ценностные позиции она разделяет и отстаивает? Как устроена российская интеллектуальная среда? Чего недостает интеллигенции для того, чтобы играть в российском обществе полноценную роль?» Изначально круглые столы позиционировались как не являющиеся информационным поводом (PR-непривлекательные), деперсонифицированные по конечным результатам и, следовательно, мотивирующие к участию в них преимущественно гражданским, коммуникативно-дискуссионным или исследовательским интересом. Что, собственно, и служило косвенным подтверждением их статуса как представителей интеллектуально-активной группы. Фактор достижимости участников позволил выявить различную степень открытости этих групп для взаимодействия в публичном коммуникативном пространстве. Наибольшую открытость демонстрируют представители академического сообщества и неправительственных организаций, наименьшую — представители РПЦ.

Актуальный рекрутинг осуществлялся по сетевому принципу, основываясь на контактах и информированности членов исследовательской группы, аффилированных участников и институтов (первый этап), затем — на основании рекомендаций людей, отобранных на первом этапе. По возможности соблюдался принцип нескольких рекомендателей. Тип выборки методологически определяется как выборка, поддерживаемая респондентами (respondent-driven sample).

Наиболее представительными группами оказались: 1) преподаватели вузов, научные сотрудники и 2) представители неправительственных организаций, соответственно, 39 % и 30 % от всех участников (табл. 1). По этим группам установились незначительные различия между столичными и региональными городами, что косвенно указывает на однородность процедуры формирования выборки.

²Приводим выдержку из инструкции по рекрутингу, эксплицирующую принцип отбора участников: «По составу участники круглого стола „Интеллектуально-активная Россия“ должны по возможности включать в себя представителей академического сообщества и образовательных институтов, помимо собственно научной деятельности выступающих в медийном пространстве; публицистов и журналистов, пишущих на общественно-политические темы; представителей редакций общественно-политических журналов; представителей редакций литературно-

публицистических журналов; представителей региональных теле- и радиокomпаний (если они достижимы), редакторов «умных» программ или передач; представителей местной православной интеллигенции (принадлежащих к церкви или вписанных в образовательные церковные институты). Данный набор не является строгим и, разумеется, может быть проигнорирован в пользу приглашения ярких представителей местной интеллигенции, к какой бы группе они формально ни принадлежали».

Таблица 1. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ
СРЕДИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТОЛИЧНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ
ГОРОДОВ, %

Группы занятости участников исследования	Москва и Санкт-Петербург	Региональные города	Всего
Публицисты, журналисты, фрилансеры	13	17	15
«Толстые» литературно-публицистические журналы	13	0	5
Постсоветские общественно-политические журналы	16	4	9
Администрация университетов и нии	9	13	11
Преподаватели и научные сотрудники	40	39	39
Интернет-порталы и блоги	13	2	6
Неправительственные организации	27	32	30
Русская православная церковь	0	9	6

Кроме институциональной принадлежности участников исследования к интеллектуальным профессиональным группам, для нас была важна их публичная активность, заинтересованность в медийной продукции. Контрольными переменными вовлеченности участников в публичный дискурс послужили вопросы о регулярно просматриваемых печатных и интернет-сми. Любопытно, что московские и петербургские интеллектуалы практически не называли печатные сми, ссылаясь на то, что основную информацию они находят в Интернете. Участники наиболее часто называли следующие издания (в порядке убывания частоты упоминаний): 1) «Коммерсант», 2) «Эксперт», 3) «Ведомости», 4) «Независимая газета», 5) «Российская газета», 6) «Новая газета». Интернет-издания регулярно просматриваются практически всеми участниками исследования. Среди наиболее популярных порталов назывались следующие (в порядке убывания частоты упоминаний): 1) новостные разделы поисковых порталов, 2) www.polit.ru, 3) www.gazeta.ru, 4) www.lenta.ru, 5) www.apn.ru, 6) www.russ.ru. (См. табл. 2.)

Таблица 2. ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ В ПЕЧАТНЫХ
И ИНТЕРНЕТ-СМИ

Группы занятости участников исследования	Назвали хотя бы одно издание		Среднее количество названных изданий	
	печатные СМИ	Интернет	печатные СМИ	Интернет
	%	%		
Публицисты, журналисты, фрилансеры	57	52	1,5	1,1
«Толстые» литературно- публицистические журналы	86	71	1,7	1,6
Постсоветские общественно- политические журналы	85	85	2,3	1,3
Администрация университетов и нии	71	71	1,9	1,0
Преподаватели и научные сотрудники	68	76	2,8	2,0
Интернет-порталы и блоги	100	89	2,9	2,0
Неправительственные организации	78	76	2,4	1,9
Русская православная церковь	67	44	1,6	1,1
Итого	73	73	2,3	1,6

Виталий Куренной, Нина Пономарева, Дмитрий Rogozin

2. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-АКТИВНОЙ ГРУППЫ

Использование в проекте понятия «интеллектуально-активная группа» продиктовано необходимостью методологического дистанцирования как от традиционного российского понятия «интеллигенция», так и от понятий, ассоциирующихся с теориями «интеллектуалов». Как было указано в описании эмпирической базы исследования, в основу выборки был положен институциональный принцип, который позволяет структурировать объект исследования. Он же позволяет сформулировать морфологические критерии выделения интеллектуально-активной группы.

Институциональный принцип, использованный в ходе исследования, является не плоской шкалой рядоположенных структур, но матрицей, имеющей два измерения: причастность центрам производства знания (формальный критерий «интеллектуальности») и причастность общественным, медийным¹ и культурным институтам (формальный критерий «активности» (публичности), понимаемой здесь как ориентация на аудиторию помимо профессиональной сферы деятельности). Если концептуализировать предмет исследования в этих институциональных терминах, то он может быть определен как «публичная интеллектуальная сфера», структурированная в соответствии со следующей открытой матрицей, в которой по вертикали задан критерий «интеллектуальность», а по горизонтали — «активность» («публичность»):

Таблица 1. Публичная интеллектуальная сфера

		Центры производства знания	
		+	–
Публичные пространства	+	Сильная позиция	
	–	Слабая позиция	

В социально-деятельностных терминах эту же ситуацию можно описать как совмещение (гибридизацию) агентом нескольких социальных ролей — научного и публициста и т. д. Пространства

¹ Понятие «медиа» здесь используется в широком смысле: от печатной продукции (книги) до телевидения и Интернета.

публичности, расположенные на вертикальной шкале (сми, Интернет, открытые семинары и лекции), являются также основной категорией «заказчиков», формирующих спрос на интеллектуальную продукцию.

Предложенная матрица не является исчерпывающей—это лишь один критерий, посредством которого можно попытаться формально выделить представителей интеллектуально-активной группы (в данном случае—через доступ к публичности). В качестве более фундаментальной характеристики интеллектуально-активной группы можно было бы назвать *социальную эксцентричность*, т. е. склонность выходить за пределы только той социальной логики, которую предписывает принадлежность к определенному институту, социальной группе («классу») и т. д. Момент такого рода эксцентричности отмечают многие классические социологи интеллектуалов и интеллигенции, в частности, К. Манхейм² и Н. Кареев³. Эту интуицию в какой-то степени подтверждает и анализ биографий респондентов настоящего исследования: во многих случаях они отмечены биографическим сломом: сменой профессии, сложными и даже авантюрными жизненными траекториями. В этом своем фундаментальном смысле социальная эксцентричность, однако, не поддается формализации по четким критериям, и принятые в настоящем исследовании критерии выделения интеллектуально-активной группы являются лишь одной из возможных ее интерпретаций.

В предложенной матричной типологии отдельные позиции формально обладают различной интенсивностью качества «публичная интеллектуальность». Среднюю позицию («интеллектуальность» и минимум публичности) здесь занимает, например, ученый, адресующийся только к аудитории своих коллег-профессионалов⁴. В эквивалентной

² Согласно Манхейму, представители интеллигенции «проявляют в поведении характерные отклонения от образа действий своих собратьев, не занятых интеллектуальным трудом. Этот объединяющий их интерес является альтернативным источником мотивации, в силу которой поведение индивида отклоняется от норм, предписываемых его классовой принадлежностью» (Манхейм К. Эссе о социологии культуры // Манхейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 113).

³ Кареев, в частности, пишет, что интеллигентом человек является в той мере, в какой его интеллектуальная активность не является оправданной с точки зрения экономической рациональности. Интеллигенцию составляют люди, которые «в силу чисто альтруистического интереса и сознания гражданского долга тратят и свое время, и свои средства на развитие и распространение просвещения» (Кареев Н. Идеалы общего образования. 2-е изд. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909. С. 114). (Цитируемая

работа, кстати, уведомляет, что «чистый доход от издания поступит в пользу недостаточных слушательниц С.-Петербургских женских курсов».) Критерий, предложенный Кареевым, представляется вполне операциональным, поскольку позволяет подсчитать, насколько тот или иной человек является «интеллигентным».

⁴ Этот критерий является обычным основанием для отказа от отнесения к группе интеллектуалов. Например, Ричард А. Познер следующим образом объясняет свой отказ включать Джона Ролза в категорию интеллектуалов: «Я не стал бы вздорить с тем, кому хочется называть Джона Ролза одним из наших ведущих интеллектуалов. Но только не в том смысле, который я придаю этому понятию, поскольку для моих целей, которые главным образом затрагивают анализ рынка интеллектуальной деятельности, тот факт, что Ролз не пишет для широкой публики, является критическим» (Posner Richard A. Public Intellectuals. A Study of Decline. Harvard University Press, 2004. P. 25).

средней позиции («публичность» и минимум интеллектуальности) находится телеведущий или политик, весьма опосредованно связанный с интеллектуальными центрами (через полученное в прошлом образование, сотрудников редакции, готовящих материалы для его передачи, или консультантов, занятых подготовкой политических выступлений). Но решающим фактором в последнем случае является даже не опосредованность (в конце концов, политик может писать свои работы или мемуары самостоятельно), а то обстоятельство, что внимание к ним полностью подчинено их функциональной и карьерной позиции⁵. На фоне этих средних позиций «сильной» публично-интеллектуальной позицией обладает, например, историк, адресуемый к широкой аудитории по актуальным политическим, идеологическим и общественным вопросам,— именно из такой позиции выступал Дмитрий Лихачев. Наконец, самую слабую позицию занимает человек, профессионально не причастный ни к институтам производства знания, ни к функционированию основных институтов публичности (сми и т. д.)⁶.

Представленная открытая матрица дает также представление о том, насколько сложной является публичная интеллектуальная сфера, поскольку обозначенные здесь позиции — как по вертикальной, так и по горизонтальной оси — могут быть весьма глубоко дифференцированы, скрывая под собой очень сложные структуры. Для того чтобы приблизиться к научному объяснению особенностей существования и функционирования этой сферы, необходимо опуститься на очень низкий, высокодифференцированный тип объекта исследования: редакция отдельного журнала, постоянно действующий семинар и т. д., что предполагает намного более локальный формат исследования, чем то, что было предпринято. Поэтому результаты настоящего исследования в силу своего как институционального, так и регионального масштаба могут претендовать лишь на дескриптивный характер, в котором сочетаются, с одной стороны, некоторые типологические обобщения и, с другой стороны — описание и анализ отдельных примеров. Результаты, разумеется, не могут претендовать на *репрезентативность* — учитывая комплексный характер группы и невозможность установления четких критериев ее выделения — по признаку образования, профессиональной принадлежности, критериям взаимного признания и т. д.⁷

⁵ Ср. замечание Познера: «...исключены ряд публичных интеллектуалов, таких как Теодор Рузвельт, Вудро Вильсон, Ричард Никсон (помните ли вы все его книги о внешней политике, написанные после того, как он оставил свой пост?), Ньют Гингрич и Уинстон Черчилль, чья публичная интеллектуальная деятельность полностью погружена в тень, отбрасываемую другими аспектами их карьеры» (Posner. Ibid. P. 171). В такой позиции в нашем контексте находятся, например, Михаил Горбачев, Вячеслав Сурков и т. п.

⁶ Это не означает, что речь идет о позиции, которая является пренебрежительно маловажной. Напротив, если обратиться к традиционному образу интеллигента в России, то окажется, что она представлена весьма широко. Достаточно вспомнить нелицеприятное высказывание Михаила Салтыкова-Щедрина: «Интеллигенцией смехотворно называют у нас всякого не окончившего курс недоумка» («Пошехонские рассказы»).

⁷ См. также историко-теоретический раздел настоящего издания.

Учитывая качественный характер исследования, которое по ряду критериев можно было бы отнести к культурно-антропологическому или этнографическому подходу⁸, анализ результатов осуществлялся в перспективе различных методологий — дискурсивного анализа специфики употребления социальных понятий, социологии знания, конверсационной методологии исследования, просопографического (биографического) анализа. Тем самым исследовательской группой был по возможности — насколько это вообще позволяли отведенные на обработку результатов сроки проекта⁹ — реализован принцип триангуляции¹⁰. Он позволяет до определенной степени нейтрализовать возможность грубых ошибок, обусловленных концептуальной предвзятостью или возможной методологической нерелевантностью одного подхода, — опасность, которая угрожает любому качественному социологическому анализу.

Виталий Куренной

⁸ Разновидности «понимающего» этнографического подхода используются в том случае, если не существует возможности прибегнуть к более точным методам исследования (См.: *Angrosino Michael. Doing Ethnographik and Observational Research. SAGE Publication, 2007. P. 20*). Но это, на наш взгляд, и есть тот случай, когда речь идет о таких группах, как «интеллигенция», «интеллектуалы» и в нашем случае «интеллектуально-активная группа».

⁹ К сожалению, они были минимальны, поэтому следует сказать, что проанализирована лишь крайне незначительная часть собранного полевого материала. Например, весьма ограничено был задействован биографический материал.

¹⁰ «Триангуляция предполагает, что исследователи исходят из различных перспектив применительно к одной изучаемой теме или, более широко, в ходе ответа на поставленные исследовательские вопросы. Эти перспективы могут быть реализованы путем использования нескольких методов и/или нескольких теоретических подходов,

которые являются или должны быть взаимосвязаны. Кроме того, триангуляция предписывает сочетать различные виды данных на фоне различных теоретических перспектив, используемых по отношению к этим данным. Настолько, насколько это возможно, эти перспективы должны обрабатываться и применяться по отношению к одному материалу равно последовательным образом. В то же время триангуляция (различных методов и типов данных) должна предусматривать принципиальное приращение знания. В частности, триангуляция должна давать знание на различных уровнях, что означает выход за пределы того типа знания, который можно получить в рамках одного подхода, и таким образом содействовать росту качества исследования» (*Flick Uwe. Managing Quality in Qualitative Research. SAGE Publication, 2007. P. 41*). Эти требования не были реализованы в полной мере лишь потому, что в фокусе различных методологических подходов, используемых в настоящем исследовании, не находился весь объем эмпирического материала.

3. ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ

Предложенная матричная морфологическая типология проверялась в ходе полевого исследования на предмет как дискурсивной, так и социально-фактической (на уровне самопонимания респондентов) групповой консолидированности интеллектуально-активной группы. Соответствующий исследовательский вопрос можно сформулировать следующим образом: *в каких сферах социальной активности формально выделяемая интеллектуально-активная группа является реально социально интегрированной и активной за пределами своей профессиональной (институциональной) сферы и своих корпоративных лояльностей?*

Для решения первой задачи участникам семинаров и собеседникам по интервью предлагалось, в частности, сформулировать свое понимание как традиционного российского понятия «интеллигенция», так и понятия «интеллектуалы». Это определение предполагало введение других социальных категорий, позволяющих уточнить семантику понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы» в современном социально ориентированном дискурсе. В качестве дополнительного вопроса предлагалось отнести себя самого к некоторой (самостоятельно определяемой) социальной группе. В совокупности эта методика позволяет определить семантику и контекстуальную специфику дискурсивного употребления данных понятий, их социально-интегрирующий потенциал.

Основные понятия, используемые социально-активной группой, — «интеллигенция», «интеллектуал», «эксперт», «профессионал», профессиональные, а также профессиональные и деятельностные самоидентификации («университетский преподаватель», «поэт», «художник»). В исключительных случаях употребляются другие социально-стратификационные понятия («средний класс»). Использование данных понятий зависит от актуального контекста коммуникации и во многих случаях не является устойчивым.

Прежде чем приступить к описанию способа функционирования этих соционимов, отметим, что предмет настоящего исследования исторически и культурно ассоциирован с содержанием традиционного российского понятия «интеллигенция». Существенной особенностью этого понятия является то, что начиная с конца XIX — начала XX века оно функционирует как социально значимая «метка», консолидирующая («снизу» или «сверху») определенную социальную группу, маркирование которой в качестве именно «интеллигенции» выступает как действенный фактор ее активной и добровольной или подневольной и формальной интеграции, содействуя ее превращению либо в активный субъект социального действия, либо в пассивный объект

социально-административного управления. Одна из исследовательских задач состояла, следовательно, в том, чтобы выяснить, можно ли в настоящее время говорить о современной российской интеллигенции, воспринимающей самую себя как социальную группу, обладающую хотя бы номинальной консолидированностью. Применительно к данному понятию нет иного способа выяснения его социальной значимости, кроме фактического дискурсивного употребления.

Методологическое пояснение

Данному способу анализа, ориентирующемуся на фактическую социально-дискурсивную специфику употребления понятий, может быть противопоставлен подход, в рамках которого социально-маркирующий и социально-прагматический смысл этого понятия игнорируется, а самому термину придается нейтральное значение социально-научного термина. В рамках настоящего текста авторы-аналитики также иногда прибегают к употреблению этого понятия, называя «интеллигенция» тех или иных представителей интеллектуально-активной группы. Такое словоупотребление продиктовано лишь фактором лексического удобства и не несет в себе никакой особой аналитической или ценностной нагрузки. Настоящее исследование как таковое не ставило себе целью отнести кого-то к «интеллигенции» или к «интеллектуалам», а лишь прояснить фактическое состояние публичной интеллектуальной сферы.

Однако в отечественной практике исследований интеллигенции (и даже целого направления «интеллигентоведения») возник целый пласт литературы, построенной на систематическом совмещении и смешении двух различных способов использования понятия «интеллигенция»: как нейтрально-научного термина и как социального маркера, имеющего определенную культурно-символическую цену в социально-статусной конкуренции. Проиллюстрируем это на примере обширного исследования В.А. Беляева, посвященного отечественной интеллигенции, в котором этому понятию придается социально-функциональный смысл. А именно: интеллигенция — это «социальный слой работников, профессионально осуществляющих особые функции интеллектуального труда и живущих за счет этой функции».

В свою очередь под «функциями интеллектуального труда» автор понимает «функции управления людьми и /или развития культуры»¹. Исходя из таких определений, автор, разумеется, сталкивается со множеством неожиданных вопросов о том, кого же теперь следует отнести к группе интеллигенции. Например, с таким: «Сложнее вопрос со *сверхсрочным* составом военнослужащих (рядовыми и младшими командирами), с прапорщиками и старшинами, а также с рядовыми будущей кадровой армии. Несомненно одно, их социальная принадлежность определяется возложенными на них функциями. Если они управляют людьми, то это интеллигенция (причем практики — в случае отсутствия специального образования), если заведуют складом, где у них нет подчиненных, — служащие-неспециалисты»². Помимо прапорщиков и старшин, автора беспокоит проблема социально-функциональной идентификации и других профессиональных категорий: «В сфере духовной жизни нуждаются в социальной идентификации спортсмены, каскадеры, духовенство, часть эмигрантов из числа художественной интеллигенции». Как же решается вопрос о принадлежности, например, спортсменов к группе «интеллигенции» на основе используемых автором функционально-профессиональных критериев? «Критерием выделения интеллигенции является профессиональное исполнение функций управления или совершенствования (развития) важнейших сторон общественных сфер, включая и самого человека. Последнего совершенствуют не только учителя и врачи. Появились люди, чьим основным предназначением является совершенствование своего организма, испытание его возможностей (в качестве „образца“ для ориентации остальных людей). Поэтому надо признать, что спортсмены-мастера стали отрядом интеллигенции»³.

¹ Беляев В.А. Отечественная интеллигенция и ее роль в политике. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. С. 121.

² Беляев В.А. Указ. соч. С. 134.

³ Беляев В.А. Указ. соч. С. 135.

Разумеется, при объективно-функциональном подходе использование понятия «интеллигенция» для группы управленцев и усовершенствователей общества и культуры не могло бы вызывать никаких вопросов — для этого может быть выбран любой термин. Но только в том случае, если это понятие действительно используется как технический термин социально-научного исследования. Критерием такого использования — в соответствии со стандартным логико-семантическим принципом *salva veritate* — является возможность замены этого понятия любым другим, имеющим то же значение. Допустим, что через дефиницию мы определяем значение выражения «Fз» так же, как и значение выражения «интеллигенция». Но фактически в анализируемом исследовании нельзя заменить выражение «интеллигенция» на выражение «Fз», сохраняя осмысленность тех же самых высказываний. Это легко проверить, проанализировав, например, следующее предложение (отвлекаясь от проблемы его нормативной формы): «Настало время покончить с унижительной социальной небезопасностью бывших и нынешних мастеров спорта, и начать необходимо с признания их составной частью интеллигенции»⁴. Это предложение потеряет свой смысл, если мы заменим в нем понятие «интеллигенция» на формальное и нейтральное выражение «Fз» с тем же социально-функциональным значением. Буквально получится: чтобы покончить с унижительной социальной небезопасностью спортсменов, «начать необходимо с признания их составной частью „Fз“». Прагматический и ценностный акцент этого высказывания становится совершенно непонятен в такой форме, поскольку в первоначальной форме за понятием «интеллигенция» закреплён не функциональный, а социально-ценностный смысл, в соответствии с которым признание какой-то группы «интеллигенцией» уже само по себе является социальным поощрением. Иными словами, подведение под это понятие — не просто социально-научная операция, а акт признания, соответствующий, например, награждению медалью. Если же мы заменим выражение «Fз» на закреплённую за ним социально-функциональную дефиницию

(«управление людьми и/или развитие культуры»), то получится тавтология: «Спортсменов, поскольку они развивают культуру, следует отнести к группе тех, кто выполняет функцию развития культуры» (тот же тавтологический результат мы получим и применительно к первому примеру: «Прапорщиков, поскольку они выполняют управленческую функцию, следует отнести к группе тех, кто выполняет управленческую функцию»). Ничего, кроме недоумения, такого рода умозаключения не вызывают. Они содержательны лишь постольку, поскольку включают в себя определённую социально-статусную составляющую, ассоциированную с понятием «интеллигенция». А это означает, что признание спортсменов (а также каскадеров, служителей культа и т.д.) «интеллигенцией» является для автора не социально-научным отношением к определённой группе, а актом практическим — наделением их социальным бонусом, благом, способным, как считает автор, улучшить их социальное самочувствие и самооценку⁵. Понятие «интеллигенция» в цитируемом социальном исследовании выбрано не случайно. Оно, так сказать, паразитирует на социально-статусном характере понятия «интеллигенция», изымает символическую «прибавочную стоимость» этого понятия и использует ее в научном тексте. Или, говоря словами Александра Кустарева, символически и статусно нагруженное понятие «интеллигенция», заимствованное из обыденной общественной жизни, в данном случае используется в дискурсе, стилизованном под научный.

Если сравнить этот подход с нижеследующим параграфом, то для нас представляет интерес типические формы использования понятий «интеллигенция», «интеллектуал» в современной обыденной социально-дискурсивной практике интеллектуально-активной группы, а не социальная или научно-социальная инструментализация этих понятий. Объектом анализа являются высказывания собеседников, фиксирующие смысл рассматриваемых понятий и сформулированные как личные, обобщающие собственный опыт или как экспертно-нейтральные суждения.

⁴ Там же.

⁵ Реальная социальная прагматика является, на наш взгляд, обратной: за стремлением включить в группу «интеллигенции» новые профессиональные страты (менеджеров, «звезд» спорта, командный состав силовых структур и т.д.), здесь обнаруживается прагматическая потребность в повышении символической значимости «интеллигенции» как формы социально-понятийной самоидентификации.

3.1. Интеллигенция

«Интеллигенция» не является нейтральным социальным понятием. Оно окружено ценностной «аурой», сохраняющейся и до настоящего времени. Несмотря на то что, как будет показано ниже, эта аура в современной России имеет отчетливую тенденцию к рассеиванию, она не исчезла совсем и, по меньшей мере, сохраняется в ракурсе исторически недавнего прошлого. Этот специфический ценностный характер будет проиллюстрирован характерными или яркими вариантами его употребления, что позволяет также в целом, хотя и схематично, очертить поле социально-дискурсивных напряжений, задающее способы, контексты и границы актуального использования этого понятия.

3.1.1. Непонимание, отрицание и травма

Распространенной реакцией собеседников на вопросы, касающиеся интеллигенции, является просьба к интервьюеру или модератору разъяснить это понятие, указать его точный смысл, определить критерии интеллигентного человека и т.д. Такого рода речевая стратегия собеседников не является случайной. Как показывает более широкий контекст разговора, эта реакция непонимания обусловлена травматическим опытом собеседника, сталкивающегося с агрессивной внешней средой, идентифицирующей его в качестве именно интеллигента. Сходный опыт может выражаться не только в демонстративном непонимании, но и в реакции отрицания какого-то смысла, стоящего за понятием «интеллигенция»:

Ну какая интеллигенция? Это же странно — вообще произносить эти слова. Уже нет давно никакой интеллигенции. <...> Конечно, остаются люди. Но в общественном сознании нет. Общественное сознание стало значительно хуже по отношению к интеллигенции, чем было. Я даже не могу сравнить с каким-то временем. Может быть, еще при Сталине в послевоенное время такое было. Однажды я шел в Тольятти, где помогал тогда создавать университет, по улице, и человек мне кричит: «Вот, а еще в шляпе». И еще у меня плащ был... Видимо, я выглядел как-то независимо. И хочет он как-то меня оскорбить, но не может придумать — как. И знаете, что говорит? «Профессор». Понимаете? (Александр А., Ростов-на-Дону)

...Жуткие отношения были с епископом местным, задолбал меня вконец. <...> Я попал в такой приход, когда еще в начале перестройки было модно, чтобы интеллигенция брала какой-то храм и создавала свой, интеллигентский приход. Но

не получилось там интеллигентского прихода. Хотя были какие-то писатели, как-то группировались. А владыка — шофер. И никак он не мог с этой интеллигенцией найти общего языка, а я между ними. Но я понял, что идея интеллигентского прихода не верна, церковь тем и хороша, что в нее приходит любой — и академик, и бабулька там встречаются. (отец Андрей)

Актуальное состояние внешней среды по отношению к интеллигенции собеседники нередко склонны обобщенно диагностировать как более враждебное, чем в советское время:

...Среда для нее, конечно, крайне агрессивная. Причем и сверху, и снизу. <...> Я человек, который может сравнивать советский и постсоветский опыт. И я согласен, что со стороны власти эта среда стала агрессивной. Снизу, конечно, тоже. Я думаю, что ни для кого не секрет, что интеллигент, образ интеллигента — это для обывденного сознания нечто карикатурное. Достаточно уничижительное. (Сергей, Ростов-на-Дону)

3.1.2. Недоверие, подозрение и символическое присвоение

Такого рода непонимающую или негативную реакцию на понятие «интеллигент» дополняет позиция подозрения и недоверия. А именно недоверия относительно того, что за этим понятием стоит какое-то подлинное, а не показное содержание:

Я такой классический офисный планктон, менеджер среднего звена и все такое, что никак не предполагает, что я интеллигенция. У нас принято считать, что есть такая нагрузочка — подрабатывать совестью нации, а я на себя эти функции не беру. Я полагаю, что это как-то вырожденный дискус. (Павел, Калининград)

Подозрительное и недоверчивое отношение может приобретать обобщенный социально-критический характер: в таком случае интеллигенция в целом рассматривается как группа, систематическим образом вводящая общество в заблуждение:

Я не могу говорить об интеллигенте как о ком-то беззащитном и беззубом. Они умеют маскировать себя под беззащитность и беззубость, но так ли это на самом деле? Давайте разберемся. Мне кажется, что интеллигенция в общем-то — это идеологическая конструкция, созданная самими интеллигентами для того, чтобы принести себе какую-то символическую

пользу, понимаете? На мой взгляд, здесь есть узел более хитрый, чем тот, что лежит на поверхности и бросается в глаза. (Константин, Тула)

Молодежь и студенчество не были охвачены выборкой исследования. И попадали туда лишь в исключительных случаях пересечения («гибридизации») социальных ролей. Но есть и такое небезынтересное, хотя, возможно, и по-юношески максималистское наблюдение представителя молодежи:

Я журналист, но я больше, наверное, студентка, потому что я еще учусь и могу сказать с этой позиции. Например, в среде студентов нет такого термина «интеллигент», это скорее какое-то такое ругательное слово. Потому что придумать какие-то мало-мальские человеческие определения — добрые, позитивные и вызывающие какое-то доверие — к этому слову мы не можем. (Ирина, Калининград)

Объяснить такое недоверчивое и подозрительное отношение можно попытаться действием, по крайней мере, двух факторов: 1) критикой интеллигенции, широко распространенной как в публицистике, так и в ряде социальных и социально-политических теорий; 2) использованием самонаименования «интеллигенция» теми, кто не вызывает доверия. В последнем случае речь может идти, в частности, о практике символического присвоения какой-то группой самонаименования «интеллигенция». Тем самым осуществляется своеобразная ситуация самозахвата того символического капитала, которым располагает данная социальная категория в системе взаимоотношений с другими группами — чиновниками, бизнесменами и т. д. Прием грубый, но эффективный: в системе социальных коммуникаций на месте аморфной группы возникает тем самым субъект, к которому могут адресоваться другие социальные группы, испытывающие потребность во взаимодействии с «интеллигенцией». Например, в Петербурге существует объединение, которое называется «Конгресс петербургской интеллигенции», возглавляет его ректор Гуманитарного университета профсоюзов А.С. Запесоцкий. И хотя в петербургской интеллектуальной среде предсказуемой реакцией на подобную практику является злая ирония⁶, такой символический самозахват имеет свои выгоды⁷ и не смущает тех, кто, очевидно, испытывает потребность в понятном субъекте коммуникации, а не в аморфной и дисперсной среде «интеллигентов» / «интеллектуалов». Механизм прост: когда возникает

⁶ См., например, статью Льва Лурии «Запесоцкий как воплощение русской интеллигенции» [<http://www.fontanka.ru/2007/11/15/103/>].

⁷ Глава «Конгресса петербургской интеллигенции» возглавил, например, оргкомитет такого статусного форума города Петербурга, как Международные Лихачевские научные чтения.

организованная группа, «представляющая интеллигенцию», представителям городской администрации, например, становится наконец понятно, «кто отвечает за интеллигенцию» и к кому надо обращаться, если возникает потребность в коммуникации с ней. Описывается он, например, следующим образом:

Многомерность общества сведена к вот этому. С интеллигенцией такая же ситуация. <...> Есть люди, которые персонализируют или представляют интеллигенцию. Они как бы должны фигурировать как люди, которых слышат, которых собирают, с которыми надо посоветоваться. Не потому, что действительно что-то будет услышано. А потому что нельзя не посоветоваться. Значение которых нужно подчеркнуть. Роль которых нужно подчеркнуть. А поскольку это тема вообще очень тесно, предельно тесно и плотно связана с тем, что называют культурной политикой... этим как раз очень удобно оказывается. Потому что тем самым ты демонстрируешь свою связь с интеллигенцией, вводя знаковые фигуры, почетных граждан, опираясь на их высказывания в избирательной кампании, выделяя огромные бюджетные деньги на песни и пляски в течение нескольких дней. (Михаил, Иркутск)

Один из наших собеседников, уверенно оперирующий социологическими понятиями, следующим образом связал свое отрицание наличия в обществе таких групп, как «интеллигенция» и «интеллектуалы», со своим неприятием борьбы за символическое присвоение этих понятий:

Номинация, чистая номинация... Скажу, во-первых, что их просто нет как реально существующих социальных групп, а во-вторых, как определить их роль в обществе? Даже такая постановка вопроса приведет нас к вопросу: как воспринимается интеллигент в обществе? <...> Это такая игра в номинации, не имеющая под собой никакого реального основания. И скорее, это такая попытка освоения символических ресурсов: «Мы интеллигенты», «Мы интеллектуалы». Ну так что ж, флаг вам в руки, людям, играющим в такие номинации. Я стараюсь не присутствовать тут ни таким, ни таким образом. (Виктор В., Москва)

Таким образом, наличие группы связывается здесь с системой социального признания (как воспринимается интеллигент в обществе?). Отрицая наличие такого рода социальных групп, наш собеседник не просто констатирует факт. Приведенное высказывание имеет перформативный характер: утверждая, что такого рода групп нет, он

самим своим высказывание лишает указанные группы права на существование. Это мотивировано, видимо, неприятием попыток присвоения теми, кто использует эти понятия, определенного символического ресурса. Эмоциональность высказывания, в свою очередь, указывает на зафиксированную выше ценностную нагруженность обсуждаемых понятий: это не спокойное высказывание социолога о том, что есть или чего нет⁸, а энергичное речевое действие в пространстве символической социальной борьбы.

Осуждение символического присвоения, «самозахвата» рассматриваемых понятий может быть отчасти объяснено тем, что оно идет вразрез с некоторыми устойчивыми практиками использования понятия «интеллигенция» и «интеллектуал».

3.1.3. Табу самонаименования / категория признания

Распространенной реакцией на использование понятия «интеллигенция» является указание на неуместность или недопустимость такого самонаименования:

Никто никогда не признается, что он интеллигент. (Екатеринбург, круглый стол)

А для меня, например, если кто-то называет себя: «Я из интеллигенции» — это признак явной неадекватности. Это похоже на то, что психологи говорят, как отличить святого от остальных людей: святой не идентифицирует себя как святого. Все вокруг говорят, что он святой, и только он сам говорит: нет. Аналогично с интеллигенцией. (Елена, Калининград)

Никогда не назову себя ни интеллектуалом, ни интеллигентом. <...> Это часто маркер, символ некоторой снобистской позиции. (Оксана, Петербург)

Но то, что недопустимо для самого себя, может оцениваться как высокая и лестная оценка признания со стороны других:

Но в принципе, не называя себя интеллигентом... мне было бы приятно, если бы люди, чьим мнением я дорожу, считали меня интеллигентным человеком. (Тимур, Калининград)

⁸А борьба за символическое присвоение, коль скоро она ведется (что признается в цитированном высказывании), указывает на то, что такой социальный феномен есть. Даже если автор этого высказывания отказывает такого рода

группам в праве на существование, это не означает, что другие группы и индивиды поступают так же, — иначе не было бы никакой потребности вести борьбу за символическое присвоение этих понятий.

Аналогичный статус имеет для некоторых из наших собеседников и понятие «интеллектуал»:

Такие вещи, как интеллектуал,—я думаю, это не должно быть самооценкой. Другие люди могут так нас описывать, или не описывать, или отказать в таком описании. (Андрей, Нижний Новгород)

Таким образом, интеллигент (а в некоторых случаях и «интеллектуал») — это не субстанциональное и объективное качество индивида, который он может констатировать применительно к самому себе или которое может объективно установить исследователь на основании определенных объективных критериев, но категория из лексикона социального признания, использовании которого говорит о наделении его носителя определенным социальным статусом. Из этого, в частности, можно сделать вывод, что группа «интеллигенции» существует лишь постольку, поскольку признается другими людьми. Таким образом, она обладает социальной реальностью в той мере, в какой можно наблюдать борьбу за символическое присвоение этого понятия какими-то группами или индивидами.

3.1.4. Понятие из прошлого

Несмотря на сохраняющуюся высокую ценностную нагрузку, понятие «интеллигенция» рассматривается как связанное с досоветским, и прежде всего с советским прошлым российской истории:

Мне кажется, что рано или поздно это слово перейдет в разряд историзмов. И когда мы будем описывать советскую эпоху, мы будем употреблять термин «интеллигенция» и «интеллигент» к целому кругу людей, там, может быть, оппозиционно настроенных, но вот употреблять его в современном контексте — вряд ли. (Ирина, Калининград)

Да вы знаете, я ничего не думаю на эту тему, честно скажу, потому что что-то мне на эту тему как-то и не думается. — А раньше думалось или никогда не думалось? Когда-то может быть. В восьмидесятых годах и так далее. (Марк, Новосибирск)

Не знаю, для меня интеллигенция — это что-то там во второй половине XIX века, в XX веке. Это какой-то класс старого общества. (Круглый стол, Петербург)

...Есть, конечно, такая идеология, «интеллигенция», которая была очень сильна в позднесоветский период, она сейчас гораздо меньше обладает мобилизационным потенциалом, хотя не исключено, что нас ждет некоторое оживление этой самоидентификации. (Николай, Петербург)

Уход в прошлое интеллигенции связывается с двумя процессами — социальной дисперсией этой группы («растворение») и утратой влияния:

В советское время слой интеллигенции представлял собой обособленный и, скажем, респектабельный класс, который имел влияние на определенные сферы общественной жизни. В принципе, он был движущей силой, так сказать, всех обновлений, но в настоящее время интеллигенция начинает растворяться. (Сергей М., Москва)

Связь с уходящим прошлым препятствует использованию понятия «интеллигенция» в качестве категории социальной самоидентификации:

Я, честно говоря, тоже не припомню ни одного случая, чтобы я себя назвал либо интеллектуалом, либо интеллигентом. По-серьезному, а не в шутку и не по пьяни, к кому я себя отношу? Не знаю, но к интеллигенции, наверное, точно не отношу. Согласен, интеллигенция, наверное, какая-то существует. Но это люди, которые стали интеллигентами когда-то давно, а не в то время, когда я начал себя идентифицировать с какой-то группой. (Круглый стол, Петербург)

К этому следует добавить, что в обсуждениях продолжал регулярно всплывать официальный советский социально-стратификационный смысл понятия «интеллигенция», введенный и санкционированный еще Сталиным в его докладе на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года, на котором была принята вторая Конституция СССР:

Если раньше была такая прослойка между рабочими и служащими [так в записи] — интеллигенция, то сейчас, по-моему, вообще такое слово-то употребляется крайне редко. (Ирина, Тула)

Интеллигенция как явление уходящей социальной реальности вступает в диссонанс с современными представлениями об уровне жизни человека, претендующего на определенный уровень интеллектуальности:

То, что у нас называлось интеллигенцией, это во многом реликт советского времени. Тогда огромная группа людей причислялась к этой категории. Кроме профессиональной интеллектуальной занятости, им приписывалась озабоченность судьбами страны. Этот класс вымирает, часть уходит в бизнес, молодых нет. Им все труднее говорить о судьбах России, поскольку им постоянно дают понять, кто они такие. Потому что когда ты ходишь с отвалившимися подметками, то сам начинаешь чувствовать себя немного смехотворно, продолжая говорить на исторические темы. (Владимир М., Москва)

Если обобщить затронутую здесь тему, то в качестве сквозного мотива многих размышлений об интеллигенции проходит ее неуспешность, «лузерство», неспособность найти аудиторию, «клиента», потребителя своей продукции.

3.2. Интеллектуал, эксперт, профессионал

Ценностный характер понятий «интеллигенция», «интеллигент» эксплицитно обнаруживается при попытках семантически развести их с понятием «интеллектуал». Во множестве случаев (но, как будет показано ниже, далеко не всегда) последнее определяется как понятие новое, лишенное ценностных оттенков и увязанное преимущественно с набором нейтральных умственных, профессиональных компетенций, а также с прагматической установкой:

Интеллектуал — человек, который ощущает, что у него есть много знаний, много понимания, много умения. Но интеллигенция — она связана с какими-то определенными категориями. Например, с чувством вины за собственную страну, с чувством, что он интеллигент, скажем, в третьем поколении. Вот основные понятия, которые связаны со словом интеллигент, но они не могут относиться к слову интеллектуал. (Наталья, Архангельск)

Интеллектуал не обязан быть интеллигентом... Интеллигент — это человек, как принято считать (не факт, что я так считаю), у которого, кроме всего прочего, есть некое понятие о совести. Может быть, у него и совести-то у самого нет, но он, по крайней мере, знает, что она есть, и он как-то к ней подступает, имеет в виду, что она существует. (Александр, Казань)

Интеллигент, в свою очередь, связывается с моральной, покайной позицией, совестью, социальной озабоченностью, защитой

слабых, борьбой с неправдой, отстаиванием свободы, что не обязательно связано с наличием умственных добродетелей:

Можно было бы определить интеллигентов как людей действительно склонных в этом мире к определенной моральной позиции, которая является для них главной. Она в данном случае не обязательно подкрепляется какой-то серьезной аналитической работой или критической работой мысли. Это моральная или этическая позиция, которая во многом предполагает защиту униженных, и оскорбленных, и обездоленных. По крайней мере, в российской традиции, мне кажется, имеет смысл таким образом определить интеллигента. И тогда мы должны сказать, что интеллигенция собственно возникает примерно с николаевской эпохи, когда Достоевский говорит, что мы все вышли из гоголевской «Шинели». Таким образом, имеется в виду, что все интеллигенты вышли из гоголевской «Шинели». (Виктор, Петербург)

Попробуйте вспомнить хоть одного интеллигента, который бы создал нечто в общественных науках, имеющее какое-то значение до сего времени. <...> Противопоставление интеллигенции и интеллектуала... это противопоставление этики и познания. (Андрей, Петербург)

[Интеллигента отличает] общественное беспокойство, беспокойство за общество, за социальные проблемы. (Александр, Казань)

Интеллигент — это совесть народа, совесть нации, способный это выразить. И активно, ну или хотя бы как-то выступать против неправды. Это все-таки, я считаю, борец с неправдой. (отец Олег, Казань)

В России эти понятия [интеллигент и интеллектуал] немножко разводятся. Интеллигент в России все-таки обладает какой-то моральной позицией, интеллигент, он не может быть против свободы, а интеллектуал может быть, так сказать, за что угодно. (Сергей М., Москва)

Одно из устоявшихся уже в дореволюционную эпоху представлений об интеллигенции как вполне определенно политически ориентированной группе, а именно ориентированной социально (защита «слабых», «угнетенных», отстаивание социальной справедливости) и при этом либерально и эмансипаторно (сторонники «свободы»), таким образом, сохраняется, хотя и в заметно потускневшем виде, как

некое воспоминание о прошлом. Объяснить это обстоятельство можно тем, что в настоящее время, по-видимому, не существует идейно-идеологической позиции, способной интегрировать весь комплекс данных установок—социальная ориентация, согласующаяся при этом с либерально-индивидуалистическими взглядами и поддержанная, кроме того, определенной моральной позицией,—в рамках одной непротиворечивой и при этом убедительной и практически привлекательной позиции.

В противоположность этому позиция «интеллектуала» описывается как связанная с оплачиваемым интеллектуальным трудом, определенным рынком труда, и, следовательно, зависящая от конъюнктуры этого рынка:

Интеллектуалы—это люди, которые действительно способны зарабатывать своим умственным интеллектуальным трудом. В России они есть, конечно, но их мало, и мне кажется, что их меньше даже, чем на Западе. Потому что интеллектуальный труд, умственная деятельность, время, потраченное на эту умственную деятельность, ценится чрезвычайно низко. (Юлия, Нижний Новгород)

Интеллектуалы—это люди, которые успешны на рынке идей и мозгов, а этот рынок сейчас структурируют исключительно государственные заказы. <...> Интеллектуал не может не дружить сегодня с властью. В противном случае он переходит из разряда интеллектуалов в разряд [оппозиционной власти] интеллигенции, потому что он немедленно лишается заказа. (Дмитрий Д., Петербург)

А интеллектуалы отличаются от интеллигенции тем, что это люди, которые, по сути, так же, как простой рабочий, обслуживают это государство. Только выполняют некие специфические роли, где требуется определенный уровень интеллекта. (Максим, Архангельск)

Интеллектуал «работает», а интеллигент—«служит»:

Если говорить о различии интеллектуала и интеллигента, то приведу такое сравнение. Говорят: в театре не работают, в театре служат. Так же и здесь: если интеллектуал работает—хорошо работает, прекрасно работает—то интеллигент служит. А служить чему-то важному и нужному, видимо, какой-то идее. (Александр Семенович, Ростов-на-Дону)

Противопоставление, которое используется в приведенном высказывании, может акцентировать положительный момент работы, занятия «делом», отличающего интеллектуалов:

Что касается интеллектуалов, то мне кажется, сейчас это слово встречается все чаще [в отличие от слова «интеллигент»], чаще встречаются люди, которые стремятся развивать свой интеллект, стремятся что-то узнать, у которых есть стремление к обогащению, не только к материальному, но и интеллектуальному. Сейчас мы видим их больше, и мне это очень симпатично. <...> Их не воспринимают как чудаков, а как людей, которые занимаются делом. (Ирина, Тула)

Это очень устойчивая система оппозиций, но стройная семантическая структура нарушается, причем нарушается вмешательством территориального фактора. Представители интеллектуальной среды Москвы и Петербурга менее склонны противопоставлять моральных, идейных и мессиански настроенных интеллигентов нейтральным и прагматичным интеллектуалам. Территориальный фактор, однако, не является здесь решающим. Успешные (воспринимающие себя как успешные) собеседники в регионах также склонны придавать понятию интеллектуал, которое противопоставляется тому же интеллигенту, особый и при этом позитивный качественный смысл. Например, за ним закрепляется функция публичного критика идеологии:

Интеллигенция—слово в духе XIX века. Для меня это люди, находящиеся между наукой и политикой, стремящиеся принести в политику какие-то культурные идеалы, стремящиеся как-то исправить общественную жизнь. Для России сейчас это не очень актуально. Таких людей почти нет, а если они есть, то они занимают очень незначительное место. Что касается интеллектуалов, то они имеют большее значение. Я считаю, что интеллектуал—это важнейший элемент общества, западного современного общества. Именно он выполняет роль интеллектуального критика, критика идеологии. Если интеллигент—это в какой-то степени идеолог, то интеллектуал—это критик идеологии. Это человек, который обязан любую идеологическую конструкцию, которая, как вирус распространяется в обществе, подвергнуть систематической интеллектуальной критике. И представить эту критику читателю. Эта функция в России не вводилась, ее практически нет, и вообще очень мало людей реагируют на эти вирусы. Но сейчас все-таки это немного появляется, реакция какая-то существует. Раньше что угодно могло

появляться в стране — книги, идеологии, движения, журналы, и ни один уважающий себя интеллигент на это внимания не обращал. (Борис, Москва)

Или способность к нахождению аудитории и клиентуры для своих интеллектуальных услуг:

Есть одна существенная деталь, по которой лично я отделяю от интеллектуалов: интеллигенция совершенно не умеет работать с клиентами. Если человек демонстрирует свою направленность на некую просвещаемую аудиторию, которую юмористически можно назвать паствой, народом — как угодно, но не способен вступить в отношения «клиент — заказчик», то от него тогда сильно, так сказать, за версту начинает пахнуть интеллигенцией, интеллигентностью. <...> Если человек умеет работать с клиентом, и не важно, что это будет: корпорация, власть и прочее, то для меня совершенно однозначно речь идет об интеллектуализме. Группа интеллектуалов... во многом определяется умением работать с клиентом, с заказчиком. А интеллигент — он с завязанными глазами ходит, ищет для себя аудиторию.

— Это умение работать? Договариваться? Или зарабатывать деньги?

Во-первых, понимать заказ. И, совершенно верно, зарабатывать деньги. Любят говорить, что интеллигенты занимаются производством смыслов. Интеллектуалы тоже занимаются производством смыслов. Но они умеют, способны это делать в соответствии с определенным заказом, работать с клиентами под определенную задачу, под определенную цель. (Сергей Ш., Иркутск)

Интеллектуал может противопоставляться интеллигенту как носитель более глубоких интеллектуальных компетенций, что придает ему некое новое качество:

Но что-то, наверное, объединяет с интеллигенцией интеллектуалов. Примерно одни и те же книжки читали, но те люди, которых можно отнести к интеллектуалам, прочитали плюс к этому еще какие-то дополнительные книжки, ну а те, которые интеллигенция, только этими и ограничились. (Круглый стол, Петербург)

Интеллигент и интеллектуал могут объединяться в одно понятие, и тогда появляется возможность говорить о недостаточно интеллектуальных интеллигентах:

Конечно, у нас интеллигенция, к сожалению, бывает очень поверхностная. Вот почему для меня важна эта связка [«интеллигент-интеллектуал»]. Наш интеллигент бывает недостаточным интеллектуалом, как Чичиков говорил, «фу-фу»⁹. Вот на «фу-фу» я так и думаю, что мы проиграли на самом деле девяностые годы. Именно потому, что больше, заметнее всего были те интеллигенты, которые «просто фу-фу», а не интеллектуалы, не те, за которыми стояла серьезная интеллектуальная работа, интеллектуальное творчество. Я фамилии называть не буду, я думаю, вы сами можете себе представить. (Наталья, Москва)

Интеллектуал при этом может рассматриваться не просто как человек, проделавший большую интеллектуальную работу, но как носитель особых интеллектуальных и коммуникативных техник, используемых в публичном пространстве, т. е. как носитель принципиально новых качеств:

...Форма активности [интеллигента] более морализаторская, больше ориентированная на униженных и оскорбленных, хотя он часто не знает этих униженных и оскорбленных, часто придумывает себе народ, чтобы потом в него пойти и потом его защищать и видеть свои собственно функции вот в этом противостоянии власти в пользу униженных и оскорбленных. Моральное противостояние, прежде всего.

Для интеллектуалов же очень важна возможность и способность действия словом и мыслью в некоем публичном пространстве, которая требует определенных навыков и техник мышления, слова, письма, анализа. (Виктор, Петербург)

В таком случае противопоставление интеллигента как носителя некоторых позитивных качеств и интеллектуала как нейтрального носителя неких когнитивных компетенций также смещается. Место интеллектуала в таком случае занимает «специалист», «эксперт»:

Очень важна здесь публичная и гражданская составляющая этой деятельности словом и мыслью. И в этом смысле интеллектуал не сводится к специалисту или к эксперту, который может продавать себя государству... (Виктор, Петербург)

⁹ Имеется в виду эпизод «Мертвых душ», когда, торгуясь с Собакевичем, Чичиков говорит: «Ведь предмет просто фу-фу. Что ж он стоит? Кому нужен?» — Прим. ред.

В подобных контекстах синонимично слову «эксперт» используется и понятие «профессионал»:

С одной стороны, можно занимать такую позицию: в конце концов, я живу в этой стране, у меня есть набор способностей, я могу их продать, и продать выгодно. В принципе, мне все равно, какой здесь режим. Главное, чтобы я мог нормально реализоваться как профессионал. Отдыхать, в конце концов, я всегда могу поехать на Мальдивы. Это одна позиция. Она является вполне умной и интеллектуальной.

Другая позиция такая: Пелевин где-то пишет, что для него современная Россия напоминает организм, в котором функции головного мозга взяла на себя раковая опухоль. Очень жесткая метафора. Но она исходит от человека, которому не все равно, в какой стране он живет. (Сергей, Ростов-на-Дону)

Потребность во введении понятия «интеллектуал» с некоторым положительным качественным значением объясняет, по-видимому, и потребность в возведении его генеалогии к весьма отдаленному прошлому российской истории. Речь идет о появлении мотива, идущего вразрез с реальной историей использования понятий,—о возведении истоков русских интеллектуалов (или «интеллектуалов-интеллигентов») к XVIII веку:

...Я считаю, что уникальность России состоит в том, что у нас интеллигенция и интеллектуал—связанные понятия, родственные. И даже, я бы сказала, неотделимые друг от друга. Потому что нашим первым интеллектуалом в российской истории, был... ну, наверно, Чаадаев. Интеллектуал, да? Но он же был и интеллигентом, который на самом деле встал в оппозицию, написал свои письма, терпел всяческие поношения и чуть ли не объявления себя сумасшедшим и так далее. Это была судьба интеллектуала в России. Но он же был и интеллигент. У нас почему-то интеллигенты—это обязательно разночинцы, считается, что интеллигенция в России начинается с разночинства. Нет, я ее начинаю гораздо раньше, я считаю, что и Новиков был интеллигент-интеллектуал, и Пушкин был интеллигент-интеллектуал, а не только поэт. Я могу сказать почему. Потому что журнал он свой издавал. Журнал издавал не потому, что ему так вдохновение велело, а значит, он хотел как-то проводить определенную длинную мысль свою и доводить ее до читателя не только в виде художественных своих произведений. (Наталья, Москва)

Интеллектуалы же появляются немножко раньше [чем интеллигенты]. Правда, это может быть несколько спорная генеалогия, но я бы ее предложил в качестве дискуссионной. <...> Интеллектуалы появляются, собственно, вместе с русским, российским просвещением, начиная с екатерининской эпохи. Публичный интеллектуал — новая антропологическая фигура для русской культуры в екатерининскую эпоху. Державин — поэт и гражданин — вот образец интеллектуала. Пушкин — это также образец интеллектуала... (Виктор, Петербург)

3.3. Безымянные

Один из примечательных сюжетов, который не регулярно, но в разных контекстах и очень выразительно звучал в ходе наших встреч, — проблема отсутствия социального маркера для наименования новой российской интеллектуальной группы, возникающей на месте «интеллигенции», ассоциирующей с уходящей реальностью советского и досоветского прошлого. Понятийная сложность обусловлена в данном случае сложностью социальной — только складывающиеся очертания этой новой группы (групп) не вписываются в прежний набор профессий, родов деятельности и типов активности прежней интеллигенции. К сложностям здесь стоит отнести, по-видимому, и высокую коммуникативную фрагментированность современного российского общества, где одни социальные группы очень плохо осведомлены о том, что происходит с другими. Не удивительно, что этот мотив возникал, например, не у представителей академической среды, довольно жестко, особенно в регионах, замкнутых в своих институциональных рамках, но у людей с широкой и динамичной сетью контактов — редакторов преуспевающих региональных газет, у тех, кто имеет реальный опыт взаимодействия с новой политической и предпринимательской средой и т. д.

Да, интеллигенция существует. Но только в новых формах. <...> У нас достаточно молодой коллектив. И я общаюсь просто по роду работы с самыми разными людьми. Я вижу, что какой-то период, который начался с начала девяностых, когда абсолютно все категории и слои населения, представители самых разных возрастных и профессиональных групп были растеряны, этот период проходит. Люди все равно обретают, не знаю, какой-то смысл своего существования. И они не чувствуют себя растерянными. Мне кажется, что с точки зрения даже возрастной появилась новая группа людей, новой молодой российской интеллектуальной части общества. Но я не могу их называть интеллигенцией, у меня существует какой-то барьер.

—А почему?

Это, наверное, все-таки историческое понятие. Интеллигенция—это, да, лучшая духовная часть советского общества. Но для меня это все-таки пятидесятые—восемидесятые годы. А затем пришли другие люди, другое поколение. У них другое отношение к жизни, друг к другу. И они терминологически должны называться иначе. То есть нельзя... в эти новые меха вливать старое вино. <...> Они достаточно сложно относятся к моральным вопросам, как все люди. <...> Я думаю, что сам этот вид нового молодого интеллектуала стал более разнообразен. Они, относясь серьезно к вопросам морали, нравственности, развития своей страны, более активны, более прагматичны. <...> Но это не значит, что они подонки—люди, которым не дорога история, не дорога страна, в которой они живут. (Ольга, Ростов-на-Дону, редактор делового еженедельника)

Я очень благодарен судьбе за то, что исчезли во мне вот эти столь нелюбимые мной ныне высокомерие и брезгливость, которые свойственны российской—советской и постсоветской интеллигенции. С каждым годом они казались мне все более необоснованными. Из личного опыта, из опыта очень многих коллег, с которыми я сталкивался, я просто абсолютно достоверно знаю, что среди этих, условно говоря, новых олигархов, новых управленцев, среди адвокатов, психоаналитиков, всяких там креативщиков и вообще того поколения, которому меньше сорока,—среди них огромное число интеллектуалов и вполне себе образованных людей, вполне себе мыслящих и склонных, скажем так, к метафизическим тревогам. И вовсе это не привилегия учителей или преподавателей вузов и так далее. (Дмитрий, Нижний Новгород, писатель, PR-консультант)

Эти высказывания, таким образом, отмечают структурное изменение интеллектуальной среды, по отношению к которой советское понятие «интеллигенция» больше не является релевантным. Проблема, однако, заключается в том, что эта новая форма интеллектуальности до сих пор не нашла ни понятийных способов своей артикуляции, ни устойчивых социально-коммуникативных структур, имеющих публичный характер. Похоже, современное российское интеллектуальное общество в какой-то мере вновь воспроизводит то положение, о наступлении которого в 1910 году Павел Милюков писал: «Как бы ни были слабы и несовершенны начала новой нашей общественности, необходимо признать, что принципиально они создают для деятельности русской интеллигенции новую среду, новые

способы, новые цели»¹⁰. Эта сложность новой общественной ситуации в полной мере обнаруживается при переходе от описания смыслов, связанных с основными социальными понятиями, к проблеме самоидентификации.

Виталий Куренной

¹⁰ Миллюков П. Интеллигенция и историческая традиция // Интеллигенция в России. Цит. по: Анти-Вехи. М.: Астрель, 2007. С. 92.

4. ТРУДНОСТИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Вопрос о социальной самоидентификации, отнесении себя к какой-то (самостоятельно определяемой) социальной группе, адресуемый представителям интеллектуально-активной группы, породил множество разношерстных ответов, которые с большой долей гипотетичности могут быть скоррелированы с профессиональной или иной позицией.

Наиболее экзотические способы социального самоопределения демонстрируют те представители интеллектуально-активной группы, которые имеет наиболее слабую институциональную привязку. Эта позиция отличается рассредоточенной профессиональной занятостью, гибридизацией множества институциональных ролей. Но есть и некоторые исключения. В первую очередь это касается представителей сми. Очевидный, казалось бы, ответ «журналист» на практике встречается редко. Приведем примеры этих самоопределений с указанием сферы профессиональной занятости: *контркультурищик* (журналист); *интернационалист левого толка* (редактор журнала, публицист); *активный интернет-блогер* (художник, публицист); *нет, социально я себя идентифицировать не могу* (редактор газеты); *я себя определяю как творческий человек* (зам. редактора газеты); *у меня довольно своеобразная позиция, то есть я стою в стороне и ехидничаю* (фрилансер); *типичный представитель так называемых свободных профессий. Пиар-консультант. Сейчас я фрилансер* (писатель, PR-консультант). Что касается журналистов, то редактор, выступающий в роли организатора, может следующим образом охарактеризовать свой коллектив: *мне нравится, что я собрал вот такой вот коллектив интеллектуалов* (редактор петербургской газеты).

Члены творческих союзов определяют себя по профессиональному признаку: *художник* (художник); или с определенными поправками используя советский стратификационный классификатор «творческая интеллигенция»: *я отношусь, по сути, к творческой интеллигенции, но я не воспротивлюсь, что я не творческая интеллигенция. Могу себя скромно назвать мастером. А нескромно — Мастером с большой буквы. Мастер с большой буквы бывает, а чиновник с большой буквы не бывает* (художник).

Представители университетского и академического сообщества также склонны определять себя в терминах профессиональной занятости. Сравнительно устойчива данная корреляция у профессоров и преподавателей, занимающих административные позиции: *я функционер учреждения, которое нельзя отнести ни к госслужбе, ни к частному сектору тоже. То есть некоторая зависшая гибридная структура. Мне, собственно, университет этим и нравится, что он занимает*

промежуточное положение (преподаватель университета, занимающий административную позицию); я готов побороться и за то, чтобы считаться интеллектуалом, и за то, чтобы считаться интеллигентом. А также — могу, что называется, трудовую книжку показать — являюсь университетским профессором. <...> Я историк (преподаватель университета, занимающий административную позицию); я себя отношу к историкам, к исследователям-историкам. Или же — к профессорско-преподавательскому составу (преподаватель университета). Через принадлежность к профессиональной группе определяют себя и служители РПЦ, выбирая, например, для этого понятие «сословие»: я не отношусь к какой-то социальной группе. Я как раз счастлив тем, что я отношусь к сословию. К духовному (священник).

Сотрудники университета, не занимающие административных позиций, но при этом ведущие активную публичную деятельность, склонны к более комплексным самоидентификациям, для описания которых используются понятия «интеллектуал», «эксперт»: *у меня классовая позиция — карьерный интеллектуал. <...> В чем-то, по габитусу, я примыкаю к офисным работникам — по образу жизни, по доходу. Но все-таки у меня специфическая позиция, конечно (преподаватель университета с высокой публичной активностью); мне больше подходит понятие эксперт — в очень ограниченном числе вопросов (преподаватель университета, активно пишущий на политологические темы); с одной стороны, имею отношение к академической среде — занимаюсь преподавательской работой, исследовательской работой; с другой стороны, я ангажирован государством как профессиональный специалист, как политтехнолог (преподаватель университета, вовлеченный в политико-партийную деятельность).*

Понятие «интеллигенции», однако, остается весьма распространенным прибежищем для самоидентификации, хотя зачастую это самоопределение имеет ироничный характер: *отношусь к научно-технической интеллигенции (сотрудник научно-исследовательского института); сам принадлежу все-таки к этой пресловутой интеллигенции (активист, публицист, главный редактор журнала); я скорее к этой самой интеллигенции отношусь (главный редактор газеты); все-таки себя к интеллигенции отношу (сотрудница журнала); мелкобуржуазная интеллигенция (преподаватель университета, руководитель НКО); отношу себя, в общем, к интеллигенции, конечно (редактор журнала, преподаватель, публицист).*

В качестве самоидентификации используется, хотя и в исключительных случаях, такое современное стратификационное понятие, как «средний класс»: *я себя сейчас отношу к среднему классу. По тем признакам, которые вообще даются в нашей научной литературе (преподаватель университета). Обращает на себя внимание гиперэкспертный характер этой самоидентификации, а именно: на основании критериев, приводимых в научной литературе.*

Представленная палитра социальных самоидентификаций в своей совокупности позволяет сделать следующий очевидный вывод: социальная структура современного российского общества, воспринимаемая с позиций представителей интеллектуально-активной группы, все еще пребывает в подвижном, окончательно не сложившемся состоянии. И все же эти многообразные способы установления собственной социальной идентичности, несмотря на их существенную подвижность и аморфность, позволяют выдвинуть ряд гипотетических обобщений и объяснительных гипотез. Во-первых, высокая частотность использования понятия «интеллигенция» и его разновидностей («творческая», «техническая») указывает на высокую степень социально-культурной инертности этого легального советского стратификационного понятия. Хотя сам феномен интеллигенции связывается с уходящей в прошлое советской социальной реальностью, самому понятию «интеллигенция» пока не найдено устоявшейся и более адекватной замены. Пусть и с извиняющимся оттенком самоиронии, но эта самоидентификация продолжает быть в ходу.

Экзотические самоидентификации, к которым прибегают подвижные в профессиональном и институциональном отношении представители интеллектуально-активной группы, можно объяснить потребностью в позиционировании себя не в качестве представителей определенной «группы», а, напротив, как ярких индивидуальностей.

Сравнительно устойчивый тип самоидентификации демонстрируют представители академического сообщества, ограничивающиеся профессиональной рамкой. Эта социальная позиция, по-видимому, уверенно воспринимается как достаточная для опознания другими социальными группами. Те, кто ее занимает, не испытывают серьезной потребности в отождествлении с более широкими и менее определенными социально-групповыми маркерами. Эта позиция, кроме того, предполагает длительную и континуальную историю профессиональной социализации. Склонность к выходу за пределы такой профессиональной самоидентификации демонстрируют лишь представители университетского и академического сообщества, стремящиеся играть, помимо профессиональной, также определенную публичную роль.

Для объяснения, напротив, высокой неопределенности самоидентификации сотрудников масс-медиа можно предложить следующие версии. Во-первых, установку на подчеркивание собственной авторской «индивидуальности». Во-вторых, дискретность профессиональной истории (большое число современных журналистов, включая вошедших в выборку исследования, пришли в профессию из других (не журналистских) специальностей).

Некоторые из наших собеседников изложили также мотивы, по которым они предпочитают тот или иной режим самоидентификации, который оказывается обусловлен коммуникативным контекстом. В качестве примера приведем высказывание петербургского поэта

(43 года), не являющегося, поясним, членом какого-то официального творческого союза:

На каких-то коллективных или официальных мероприятиях для простоты дела я предпочитаю говорить, что я интеллектуал, а не поэт. Потому что идентификация себя как поэта в сегодняшней ситуации для меня еще более проблематична, нежели чем интеллектуала.

—А почему интеллектуал оказывается более удобным словопотреблением?

Потому что это более выгодно, социально более престижная и релевантная позиция, более вменяемая. Идентификация себя как поэта оказывается неким безумием. Социально тебя сразу выбрасывает в маргиналы.

Поэзия как поле профессиональной деятельности не воспринимается, таким образом, как приемлемая и комфортная в «коллективном или официальном» современном российском коммуникативном контексте форма самоидентификации. Снять этот дискомфорт позволяет отнесение себя к менее определенной, но социально опознаваемой как более «престижная» группе «интеллектуалов».

Самоидентификация в качестве интеллигенции является приемлемой для множества наших собеседников практикой, выступая в качестве своеобразного убежища для тех, кто испытывает внутреннюю сложность с отнесением себя к социальным группам, которые, по их мнению, отличаются более строгим и определенными критериями. Например, молодая сотрудница журнала (29 лет), не оставляющая надежды вернуться к занятиям наукой, следующим образом мотивирует свое предпочтение в выборе самоидентификации:

...Все-таки себя к интеллигенции отношу. К ученым — нет... если только я серьезно буду заниматься научными исследованиями. Есть ученые, и есть более широкое понятие интеллигенции. <...> Это понятие [ученого] завязано на социальных структурах, которые, так сказать, жестко ограничены. (Александра, Ханты-Мансийск)

Насколько сложно и динамично устроено поле конкуренции социальных идентификаций, с которыми имеют дело представители интеллектуально-активной группы, показывает следующее рассуждение одного из наших собеседников — университетского преподавателя и сотрудника нескольких аналитических центров:

Если говорить об интеллигенции как о традиционно русском феномене, культурном скорее феномене, то интеллигенция

никогда не была политически ориентирована. Все-таки, с моей точки зрения, это составной элемент скорее культуры, чем политики. А если мы говорим о сфере политики, то тогда, наверное, имеет смысл говорить об интеллектуалах. И о влиянии интеллектуалов на политический курс. Я, на самом деле, думаю, что разные группы интеллектуалов облепили власть со всех сторон. Некоторые смогли внедриться в нее. Вроде того же самого центра социально-консервативной политики или клуба «4 ноября», допустим...

С точки зрения функциональной какой-то принадлежности я бы себя описал как... эксперт. Эксперт в очень ограниченном числе вопросов. <...> Это чуть более профессионально выраженная позиция. Интеллектуал—это что-то широкое. Условно говоря, если ты интеллектуал, тебе можно задать любой вопрос вплоть до того, в чем смысл жизни. А вот эксперт—это эксперт в чем-то. Я бы даже не сказал о себе как об эксперте в политологии, потому что политология гигантская. Несколько сюжетов я могу, допустим, описать как предмет своего профессионального интереса, предмет своей экспертизы. Когда я встречаю людей широкого профиля, меня это иногда смущает. Хотя, конечно, я не могу сказать, что я не занимаюсь какими-то более широкими вещами, иногда такая необходимость возникает. Эксперт—это позиция, как мне кажется, политически не ангажированная. Хотя это не означает, что эксперт не может оказывать экспертные услуги органам власти. Он может работать. На определенных условиях, по определенному контракту, на каких-то договорных основаниях.

Кстати говоря, люди читающие—по крайней мере, у нас в регионе—прекрасно понимают, кто уже является составной частью властных структур, а кто не является. Раньше, в девяностые годы, говорить от имени власти было очень выгодно—люди гордились этим. Потому что считалось, что если ты при власти, то это демонстрация твоей профессиональной состоятельности. Ты допущен. Это было одним из маркеров, одним из критериев карьерного успеха, продвижения, роста, признания. На каком-то этапе я поймал себя на том, что это стало проблемой. На какие-то дискуссии, мероприятия, в проекты стали приглашать людей, которые демонстрируют более автономный взгляд и позицию. Которые представляют самого себя или саму себя, свою голову, свои мозги, а не властные структуры. Принадлежность к власти стала обузой. Почему это произошло? Я думаю, потому, что дискуссии стали все-таки более профессиональными. Ведутся дискуссии по конкретным сюжетам, которые касаются того, сего, пятого,

десятого. Это гипотеза, я не могу сказать, что это везде так, не могу сказать, что эта тенденция универсальная, но мне кажется, что она отчасти присутствует. Стал востребован типаж эксперта, не обязательно говорящего от имени и по поручению власти. И даже не имеющего влияния на власть, но имеющего определенный набор суждений, определенные знания. Так что мне кажется, что независимость стала плюсом. Раньше независимость была признаком маргинализации: ты независим, потому что от тебя ничего не зависит—условно говоря. Сейчас медленно, но ситуация начала меняться. (Андрей, Нижний Новгород)

В этом продуманном развернутом высказывании четко проявляется социальный смысл различных соционимов—интеллигент, интеллектуал, эксперт и контекстный мотив их предпочтения. Понятие «эксперт» выбирается в силу более высокой востребованности профессиональных знаний, неангажированности идеологической или властно-административной позиции. Эта позиция непосредственно конвертируется в коммуникативную востребованность (приглашения на «дискуссию, мероприятия») и вовлеченность в проектную деятельность. Последняя, кстати, имеет уже не только статусный, но и непосредственно экономический аспект. Самостоятельность здесь имеет свою социальную «стоимость», а идеологическая нейтральность, неангажированность «профессионала» позволяет легко вступать в контрактные, договорные отношения с различными, в том числе и политическими структурами.

Таким образом, несмотря на аморфность и плохо структурированный характер самоидентификации у представителей интеллектуально-активной группы в целом, существуют контексты—прежде всего, пространства высокой коммуникативной плотности, связанные, в частности, с рынком оказания экспертных услуг и рынком проектов,—где выбор самоидентификации имеет вполне определенную социальную прагматику, а различные соционимы, используемые для этого, опознаются как имеющие различный символический вес престижности / непрестижности. Поэт может избирать в таких случаях понятие «интеллектуал», а преподаватель университета—понятие «эксперт». Важным аргументом в пользу того или иного выбора является опознаваемость данного соционима. В особенности же важное значение имеет такой дискриминирующий фактор, как идентификация в качестве «маргинала», порождающая отчетливое стремление избежать идентификации себя именно в таком качестве.

Виталий Куренной

5. СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ И МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ

5.1. Фрагментированность и проблема коммуникативной инфраструктуры

Анализ социально-фактической интегрированности интеллектуально-активной группы осуществлен на основании диагностирования собеседниками интеллектуальной среды в аспекте ее способности самоорганизации, а также актуальных способов коммуникации. Общий вывод, который позволяют сделать материалы исследования, является в данном случае следующим: основной особенностью интеллектуально-активной группы является ее фрагментированность. Не останавливаясь на конкретных диагнозах этой ситуации, выделим основные типы причин, называемых источником данной ситуации:

- отсутствие материальных и темпоральных ресурсов для самоорганизации, активности за пределами профессиональной сферы;
- индивидуализм как доминирующая стратегия поведения;
- нарастающая профессионализация и специализация интеллектуальной деятельности;
- сверхэксплуатация собственных интеллектуальных ресурсов (преподавательские подработки и т. д.);
- отсутствие городской (локальной) коммуникативной инфраструктуры;
- отсутствие социального запроса, а иногда и прямой антиинтеллектуализм («бескультурие») общества и властных структур.

Если проанализировать эти диагнозы в социально-коммуникативном аспекте, то ситуация может быть представлена следующим образом. Для реализации публично-значимой интеллектуальной функции должен существовать образованный слой, обладающий досугом (что гарантирует определенный уровень его автономии, необходимой для постановки и решения социально значимых вопросов), а также должна наличествовать социально-коммуникативная инфраструктура, без которой невозможна социальная самоорганизация этого слоя.

Интеллектуально-активный слой в России не является бедствующим в экономическом отношении (усредненный показатель оценки собственного благосостояния, по данным анкетирования, занимает промежуточное положение между оценками: «Покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей, однако покупка квартиры недоступна» и «Денег хватает на продукты питания и одежду, на более крупные покупки приходится откладывать»). Но во многих

случаях этот показатель социально приемлемого уровня жизни достигается за счет высокой самоэксплуатации, что негативным образом сказывается на возможности внепрофессиональной самоорганизации. Что касается социально-коммуникативной инфраструктуры, то здесь, во-первых, необходимо отметить отсутствие «городских пространств» в российских городах как таковых¹. Развивающаяся в настоящее время инфраструктура собственно городских пространств ориентирована на определенные типы проведения досуга (прежде всего, потребительского) и не создает сколько-нибудь комфортных условий для интеллектуальной коммуникации — по тому образцу, который известен по работам Ю. Хабермаса или К. Манхейма, описывавших, например, феномен кафе в качестве важнейшей площадки формирования пространства публичности. Исключение составляет, пожалуй, ряд мест в Москве (клуб «Билингва», магазин «Фаланстер»² и т. п.) и Петербурге (сеть кофеен и клубов, инициативы некоторых университетов), которые выступают в этой роли городских коммуникативных пространств. Режим доступа к университетскому пространству (сложная пропускная система, загрузка аудиторий, необходимость в административной санкции³) в большинстве случаев исключает также и это паллиативное решение вопроса (проблема режима доступа, что характерно, была недавно поднята и в связи с публичным обсуждением ситуации на социологическом факультете мгу). Кроме того, наличие множества публичных мероприятий (семинаров, конференций, круглых столов и пр.) не является показателем публичной городской инфраструктуры, о которой в данном случае идет речь. Основная часть таких мероприятий проводится определенными организациями и институтами, т. е. является институционально ангажированными. Эту проблему уместно резюмировать так: для существования публичной интеллектуальной сферы в полисе нужен не только Сократ, но еще и афинская площадь, на которой он может вести свои диалоги.

В то же время к указываемым причинам фрагментированности интеллектуально-активной группы следует относиться с определенной долей критичности: помимо внешних причин существуют,

¹ См., например: Глазьев В. Представление о городе и технологии управления средовым развитием. Типология городов // Прогнозис. 2005. № 1. С. 233–247. Автор, в частности, отмечает: «...на территории Российской империи до 1870-х гг. не было ни одного города, были лишь поселения, имевшие внешние признаки города... После 1928 г. его в Советском Союзе уже не существовало» (С. 236).

² Упоминаем места, к которым в качестве референтных отсылали региональные собеседники.

³ Имеет значение даже такой простой фактор, как местоположение университета: одно дело — в центре города, а совсем другое — окраинное положение. Показательно высказывание казанского социолога, который по причине политического активизма (движение за сохранение российского гражданства в Татарстане) был фактически вытеснен из Казанского государственного университета и перешел на работу в другой вуз: «Университет — это центр города, а здесь все-таки периферия. Вся общественность вокруг университета [была сосредоточена]. Там у меня лаборатория была, приходили разные люди...» (Александр, Казань).

очевидно, и внутренние факторы. К ним можно отнести автономную модель поведения, в пределе приобретающую характер социального эскапизма; отсутствие социальных навыков самоорганизации (что в какой-то мере объяснимо инертностью советского опыта⁴); привычка апеллировать к государству или (уже в постсоветский период) опираться на фактически благотворительные средства различных фондов; дефицит, наконец, тех же самых интеллектуальных ресурсов, позволяющих справиться с неблагоприятной социальной ситуацией. Отсутствие навыков самоорганизации констатируется также и применительно к профессиональной сфере деятельности в рамках существующих корпоративных институтов. В частности, как выразился один из наших собеседников:

Что может предложить интеллигенция? <...> Требовать она ничего не будет, потому что сидит себе и даже ректора собственного выбрать не в состоянии. (Михаил, Дубна)

В продолжение процитированного высказывания можно заметить, что тема потери интеллигенцией мало-мальски значимой социальной роли весьма часто всплывает у сотрудников университетов в связи с невозможностью решить даже собственные, внутрикорпоративные вопросы.

Ситуация фрагментированности и дефицита коммуникативной инфраструктуры не является, однако, повсеместной. Современная российская среда порождает и воспроизводит широкий спектр моделей публичных интеллектуальных практик, которые и будут описаны ниже. Но сначала совершим небольшой экскурс, связанный с изменением некоторых рамочных, контекстуальных условий существования российской интеллектуальной среды, сопровождавших переход от советской к постсоветской ситуации.

5.2. От советского к постсоветскому контексту

Образ советской интеллигенции, мощный ценностный потенциал самого понятия «интеллигенция», выражавшийся в напряженном обсуждении этой темы в позднесоветский период, в конкуренции различных групп за право называться («подлинной») интеллигенцией — все это уходит в прошлое. Несмотря на свежесть этого образа у поколений, занимающих в настоящее время лидирующие социальные позиции в современном российском обществе, мы имеем дело с радикальным переопределением функций интеллектуального слоя, формированием

⁴Более точно это можно сформулировать так: советские навыки самоорганизации (наличие которой в «тоталитарном обществе» можно от-

рицать лишь с очень идеологических позиций) перестали работать, тогда как новые не выработаны или только вырабатываются.

новых моделей его социального поведения. Для понимания этого сдвига и необходимо небольшое историко-компаративное отступление.

Советская интеллигенция является — в определенных отношениях — уникальным историческим феноменом⁵, для существования которого в прежнем виде отсутствуют необходимые и достаточные условия. Не углубляясь в историческую аргументацию этого тезиса, отметим основные, на наш взгляд, моменты, специфичные для советской социальной и культурной ситуации.

Во-первых, беспрецедентное вытеснение религии из общественной жизни, в результате чего именно интеллигенции в советском обществе досталась роль хранителя моральных образцов поведения⁶. Сейчас эта функция в значительной мере возвращается религии (вне зависимости от глубины и «подлинности» воцерковления людей, относящих себя, например, к категории православных⁷). Такая социокультурная роль религии соответствует и актуальному самопониманию, в частности, православного клира. Как отметил один из наших собеседников, представляющий эту группу: «Задача Церкви, на мой взгляд, свидетельствовать о морально-нравственном эталоне, если говорить об отношениях светского общества и Церкви» (иерей Владимир). В ряде случаев наши собеседники называют именно представителей церковного клира интеллигенций — согласно тому определению, которое они вкладывают в это понятие. Ср.:

...Интеллигенция отвечает на вопрос: что есть жизнь и какова [ее] цель? Если затронуть религию, митрополит Смоленский Кирилл... он, безусловно, относится к интеллигенции. (Алексей, Калининград)

Взросшее значение православия, в том числе в форме общественных инициатив на городском уровне, отмечают и вполне светские наблюдатели:

⁵ Это не полная исключительность, и здесь вовсе не выдвигается тезис о полной самобытности отечественной интеллигенции. Многие ее черты, нередко выдающиеся за неповторимые особенности советской и особенно досоветской интеллигенции, вовсе не являются уникальными. Но нельзя отрицать, что советский проект обладал своими неповторимыми чертами в том, что касалось отношения к научно-технологическому знанию, табуированию или вытеснению на периферию альтернативных форм когнитивного освоения действительности.

⁶ Ср. с суждением одного из наших собеседников: «Интеллигенция — переходная такая среда, пытавшаяся заместить духовенство. Она какую-то часть комплексов на себя переняла и долго

тащила, хотя, может быть, в этом не было рациональной нужды. Но тем не менее именно это и давало авторитет у народа» (Артем, Иркутск).

⁷ Формальные критерии глубины «воцерковленности» (частота посещения служб, регулярность выполнения обрядов и т.д.), которые часто используются для того, чтобы критически снизить высокие показатели прямых самоидентификаций в качестве, в частности, «православных», не учитывают то простое обстоятельство, что в современных условиях сам характер формирования такого рода идентичностей является иным, более слабым, чем в обществе традиционном. Современная религиозная идентичность и не может удовлетворять традиционным критериям, подходящим для крестьян позапрошлого века.

В последнее время группа православных активизировалась. Осваивают активно всякие формы консолидации, презентации себя в Интернете и не только.

— Это заметно и на городском уровне?

Да. В нашей Калининградской области заметно, безусловно. Если еще пять лет назад никто и слышать об этом не мог, а последние два года это превратилось в уверенную общественную силу, часто с шумными проявлениями своей активности. <...> Инициировали целый ряд общественных кампаний по ключевым социальным проблемам. По игорной зоне в Калининградской области, по сексуальному просвещению в школах, по непристойным культурным проявлениям—шоу лесбийские, спектакли русофобские и все такое. Сейчас к игорной зоне добавилась тема застройки города. Она многих волнует. Это тема вне конфессий, вне партий. Она связана с тем, что зеленые насаждения уничтожаются. Калининград, который был городом-садом, и в советское время удерживал этот имидж, а сейчас рынок все безнадежно закатывает в асфальт и бетон. Этот повод для общественного протеста многих объединяет, в том числе становится поводом и для православной группы. <...> Они достаточно плотно работают с молодежью, и там большое количество молодых активистов. Это не какая-то группа бабушек в платочках, которые по какому-то недоразумению попали в эту социальную политику, это—социальная группа, которая обрела свою идентичность. (Илья, Калининград)

Второй фактор, отличающий советский проект и оказавший влияние на специфическое положение интеллигенции,— особое отношение к научному и техническому знанию, которое должно было сыграть решающую роль в деле реализации проекта построения коммунистического общества (что выражалось в соответствующей структуре образования, начиная со школьного)⁸. Несмотря на фактическую декларативность этой установки, которая на практике переходила в «охоту на ведьм», в том числе и среди ученых, принципиальная критика знания, антиинтеллектуализм, после Ф.Ницше являющийся неотъемлемым элементом «буржуазной» культуры,— все это было исключено из санкционированных советской властью способов критики (поэтому даже слабые формы антисциентизма в советской культуре однозначно

⁸Применительно к данному суждению лучше сослаться на восприятие этой ситуации со стороны. В своей работе об американском антиинтеллектуализме, удостоенной Пулицеровской премии, Ричард Хофштадтер пишет: «Спутник [запущенный СССР] шокировал не только аме-

риканское тщеславие: он привлек колоссальное внимание к последствиям антиинтеллектуализма в американской школьной системе и американской жизни в целом» (Hofstadter Richard. Anti-Intellectualism in American Life. New York: Vintage Books, 1962. P. 5).

прочитывались как интеллектуальная оппозиция, что объясняет, например, культ «Сталкера» братьев Стругацких). И хотя современную ситуацию нельзя каким-то образом однозначно обобщить⁹, можно тем не менее заметить, что в постсоветский период в российском обществе прокатилась мощнейшая волна *антиинтеллектуализма*, отторжения науки и рациональности. Эта тенденция имеет множество модификаций — начиная от специфического неприятия мнения научного сообщества политической властью, стремящейся формировать собственные центры экспертизы, до, например, особо не дискутируемой переориентации отношения к знанию с ценностного (образование как самостоятельная ценность) на потребительское («образовательная услуга»), журналистское представление о том, что о любых проблемах можно рассказать обыденным языком, занимательно и в объеме одной страницы и т. д.

Третий фактор состоит в том, что в советском обществе — в силу общего идеологического прессинга — был утрачен навык *публичной* интеллектуальной состязательности, в особенности же — конкуренции идейных (идеологических) интеллектуальных продуктов. Закат и кризис института интеллектуалов констатируется многими западными исследователями — Расселом Якоби, Ричардом А. Познером и др. В институциональном отношении факторы, обуславливающие кризис фигуры интеллектуала, в современной России также присутствуют в полной мере. Однако проблема усугубляется именно указанным отсутствием традиции и исторически складывающихся навыков публичной интеллектуальной дискуссии в советский период истории¹⁰, равно как и поддерживающих ее навыков, например, навыков написания текстов, адресованных широкой публике, у представителей академического сообщества, навыков аргументированного ведения публичной дискуссии и т. д. В свою очередь, у публики (аудитории) отсутствует

⁹ В особенности это касается «управленческого соблазна», представления о том, что современное общество может и должно максимально эффективно управляться из единого центра. Этот тезис в свое время был поддержан в американском интеллектуальном бестселлере Джеймса Бернхэма «Революция менеджеров» (1941) и продолжает разделяться некоторыми представителями современной российской элиты и их интеллектуальными консультантами. Неудача советского планового общества рассматривается в таком случае как историческая случайность, обусловленная тем, что правильная идея не была обеспечена технически, тогда как современные техники управления позволяют справиться с этой задачей. Ср. со следующим высказыванием одного из наших собеседников: «И в капиталистических, и в советских организациях люди научились управлять. И сейчас управленческая

машина настолько сильна, что она способна управлять государством. Хорошо сказал Сергей Чернышев, что Госплан — это была постмодернистская организация, которая просто опередила свое время. Немного не дожила. Китайцы показали, что это работает» (Михаил, Москва). Таким образом, притягательность модели инженерного знания, составляющая основу менеджериальной идеи, продолжает сохраняться для некоторых влиятельных интеллектуальных кругов современного российского общества.

¹⁰ В советском обществе существовали конфликтующие интеллектуальные группы, однако этот конфликт имел эндогенный характер, выходивший наружу отнюдь не в форме публичной дискуссии, а в форме других социально-коммуникативных практик — взаимное игнорирование и т. д.

способность восприятия и оценки такого рода публичной дискуссии и т.д. Отсутствие этих дискуссионных коммуникативных навыков выливается в индивидуалистический атомизм, выступающий как доминирующая стратегия поведения, причем поведения коммуникативного, распространенного в самых различных средах, включая Интернет:

Кстати, проблема, что опять же в медийной среде люди не обращают внимания друг на друга. Я, как правило, цитирую, обращаю внимание на то, что говорят другие. <...> Общество так атомизировано, что кажется, что все стараются прокричать в какую-то пустоту, вместо того чтобы обратить друг на друга внимание. Очень много злобы, агрессии. Это форумы особенно показывают. (Сергей М., Москва)

Следующий фактор: структурные изменения в доступе к образованию. Речь идет о том, что современное общество в целом переживает очередную волну массовизации образования (включая Россию, где, несмотря на постсоветский экономический спад, сектор высшего образования не только не сократился, но, напротив, вырос). На этот раз нормой становится уже высшее образование. Влияние этого социокультурного фактора проявляется слишком многообразно, чтобы можно было его резюмировать каким-то однозначным образом. Однако очевидно, что все структурные сдвиги в этой системе ведут к существенным социальным и политическим последствиям, что прекрасно иллюстрирует история России, где появление слоя «разночинской», профессионально неустроенной интеллигенции предшествует процессам, происходившим в 1905–1917 годах, а введение всеобщего среднего образования предваряет «застой» и последующий слом советской системы. Какова реальная роль этого фактора в этих социально-политических катаклизмах — вопрос, требующий глубоких и сложных исторических исследований. Обобщая, однако, можно заметить, что каждая следующая волна массовизации образования ведет к размыванию сложившейся системы культурных авторитетов, нарушает отлаженные каналы формирования и распространения господствующих идеологий, фрагментирует и нарушает существующие модели культурных канонов и культурных «образцов».

Наконец, в качестве пятого фактора следует отметить масштабный сдвиг коммуникативной инфраструктуры современного общества, резко снизивший роль и, соответственно, статус образованных групп, занятых производством идейных продуктов и их трансляцией по вполне определенным медийным каналам — прежде всего, каналам печатной прессы и в форме образовательных практик. В частности, приход телевидения «в каждый дом» фактически делает ненужным многие сектора социально-коммуникативной организации и контроля общества — это касается как партийной системы, так и структур

формирования и распространения идейных и идеологических продуктов. Властные и политические элиты перестают нуждаться в опосредующих структурах для взаимодействия с массами. Этот сдвиг прекрасно осознавали и некоторые наши собеседники:

Численно сократились даже не те, кто занимается интеллектуальным трудом, а те, кто занимается, я бы сказала, духовно-идеологической деятельностью. Почему? Потому что у нас теперь совершенно по-другому связывается высший класс с низшим. У нас теперь есть телевидение, у нас теперь есть Интернет, у нас есть все что угодно. То есть не нужно такого количества людей, которые транслируют идеи в низшие слои общества. Именно с этим связано массовое обнищание российской интеллигенции. Они получают мало и получать больше уже не будут. За исключением каких-то единиц. (Юлия, Нижний Новгород)

Таким образом, изменение коммуникативной и медийной системы, обеспечившее новые, более экономичные и эффективные способы коммуникации и контроля, делает ненужным прежнюю систему, обслуживанием которой занималась интеллигенция. Эта группа или обречена на рассеивание и ассимиляцию другими видами социальной деятельности, или же должна найти для себя новые ниши и формы деятельности, выработать новые модели социальной активности, которые отличаются от ее прежней функции необходимого опосредующего звена между «властью» и «народом».

5.3. Автономистская модель

Следствием социальной фрагментированности является позиция интеллектуальной и культурной автономии. Пластично и последовательно эта позиция выражена в следующих словах, прозвучавших на одном из круглых столов:

Слушая вас, я только утверждаюсь в том, что ничего не изменилось. Мы говорим: что произошло с интеллигенцией, что изменилось? О том, что было в шестидесятые годы, я сужу лишь по каким-то фильмам и так далее. Но мне кажется, в том, как мы осознаем себя сейчас, с тем временем принципиальной разницы нет. И я бы так сказал: интеллигент — это образованный человек, который ощущает себя проводником или хранителем культуры в варварской стране. Это варварство, конечно, можно понимать по-разному, но я, например, ощущаю себя так. И никуда эта интеллигенция не исчезла. Просто она сошла со сцены. Интеллигент сегодня — это не какой-то

культурный герой, а летописец в монастыре. И он ведет эту свою летопись, которую прочтут лет, может быть, через сто или двести. Но он все равно исполнен неким мессианским самосознанием, и у него действительно есть некая мессианская функция. Он, несмотря на варварство, современное варварство, осознает себя носителем и хранителем культуры. И эту функцию каждый выполняет на своем месте. Некая общность распалась. Теперь мы не идентифицируем себя как интеллигенты, как члены какой-то неделимой общности, которые понимали друг друга с полуслова, слушали одни и те же песни и, скажем, вместе ругали на кухне эту власть. Да, этой общности нет. Но сознание этой особой роли осталось. Потому что, если нет интеллигенции, тогда, по большому счету, нет и культуры. А культура у нас последние годы сохраняется, развивается именно вот таким незримым путем. Благодаря альтруистам, вот этим монахам культуры, которые незримо, несмотря ни на что делают свое дело. (Роман, Ростов-на-Дону)

В этой модели «монаха культуры» обращает на себя внимание момент индивидуализма, принципиальной автономии субъекта, выполняющего свою особую миссию. Позиция «интеллигента» как автономно, «уединенно» мыслящего индивида восходит к одному из рациональных нормативов исторического Просвещения. В формулировке Канта он звучит так: «Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого». А вот как выражает сходную идею наш современник:

В общем, я не представляю интеллигента, интеллигентов, которые выстроились и идут стройными рядами в указанном направлении. Каждый идет своим путем, естественно, эти пути разные, и у нескольких интеллигентов могут совпадать — число идей может быть меньше, чем число людей, так что идеи совпадают. Но во всяком случае, каждый из них приходит самостоятельно к этой идее, во всяком случае, он не пристраивается, он не идет в толпе. А поэтому, как правило (хотя это в принципе не обязательно, но фактически так получается), интеллигент — это и диссидент, в той или иной степени диссидент. Правоверие и интеллигентность, мне кажется, не то что принципиально несовместимы, но фактически редко совместимы из-за того, что у этого человека свое мнение и оно не может во всем совпадать с мнением другого человека, в частности у человека, стоящего у власти. Так что,

наверное, так: интеллигент — это совесть, самостоятельное мышление и даже это мышление, проявляющееся, хорошо это или плохо, в диссидентстве. (отец Олег, Казань)

И все же это уединение переживается не как одиночество, а как причастность определенной, пусть и незримой, социально невыраженной общности:

Фундаментальные проблемы, стоящие перед образованным человеком, или человеком, который стремится сохранить какие-то моральные формы жизни, они остались теми же самыми. Отношение к власти. И отношение власти к интеллигенции. Отношение к обществу. Положение в университете. Что? Мы обрели какие-то свободы в университете? — Нет. Положение университетского преподавателя сейчас даже более зависимо, чем положение советского университетского преподавателя. <...> И все эти фундаментальные проблемы, которыми задавались, мучились люди в шестидесятые, пятидесятые, семидесятые годы, для меня они столь же актуальны. Изменился социальный статус, социальный рельеф, может быть, какие-то социологические характеристики этих образованных сообществ, но самосознание, на мой взгляд, вот это интеллигентское самосознание, оно осталось прежним, никак не изменилось. И вот что я думаю: интеллигенция, русская интеллигенция существует, но существует незримо. (Роман, Ростов-на-Дону)

Органичной формой реализации автономистской модели социального поведения является профессиональная деятельность — будь то в рамках образовательных и научных институтов, будь то в рамках деятельности на почве организаций культуры. Именно включенность в институциональную деятельность позволяет автономному актору сохранять определенную дистанцию по отношению к окружающей его социальной реальности, которая нередко воспринимается как агрессивно антиинтеллектуальная. Эта позиция позволяет создавать ограниченную когнитивную среду (лекции, семинары, участие в конференциях, возможность поездок в другие российские и зарубежные научные и культурные центры) достаточной степени сложности, для того чтобы интеллектуальная проблематика воспринималась как релевантная. С мотивационной точки зрения следует добавить, что автономистская модель поведения поддержана весьма мощными культурными образцами, сформированными в эпоху исторического Просвещения.

Что касается институциональной позиции, релевантной для автономистской модели интеллектуального поведения, то определенное преимущество здесь имеет позиция преподавательская или

академическая (в частности, в силу отсутствия здесь идеологического давления¹¹), а также деятельность в рамках учреждений культуры, хотя здесь необходимы дальнейшие уточнения¹². Эти институализированные позиции обладают преимуществом, поскольку в данном случае профессиональный императив деятельности педагога и ученого совмещается, например, с одним из традиционных императивов русской интеллигенции — призванию к просвещению¹³. Иного рода возможности предоставляют и другие институты, в частности, СМИ.

С учетом сделанных уточнений относительно необходимости наличия институциональной позиции «автономизм» автономистской модели не следует преувеличивать: такого рода модель *имеет своим субстратом систему институтов* — образовательных и культурных, которые являются естественной средой реализации автономистской модели интеллектуальной активности, а сама эта активность, в свою очередь, может представлять собой максимизацию соответствующих институциональных норм, явно или латентно вписанных в профессиональный кодекс поведения преподавателя, журналиста и т.д. Реализация определенных публичных инициатив на базе этих институтов (организация семинара или регулярных лекций на базе музея, библиотеки, университета и т.д.) в этом отношении является не чисто автономным, а *институционально-фундированным* типом публичной социальной активности. Институциональная предпосылка накладывает и существенные ограничения на сферу активной значимости автономистской модели, поскольку в этом случае она во многом *задана их профессиональной интеллектуальной деятельностью*. По этой причине анализ автономистской модели поведения должен учитывать те тенденции, которые можно зафиксировать на уровне тех институтов, которые являются ее социальным субстратом.

¹¹ Ср.: «Как преподаватель университета я получаю зарплату от государства, как известно. Но я не знаю, какой заказ я должен за эти деньги выполнять... я с государством на этот счет не договаривался. Может быть, для кого-то это покажется удивительным, но я со всей полнотой ответственности могу сказать, что преподаватель гуманитарного факультета провинциального, по крайней мере, вуза, никаких заказов от „подпутинского“ авторитаризма или от „медведевского“ не получал. И не получает. Вот. Хотя работает за государственные, бюджетные деньги» (Сергей Ш., Иркутск).

¹² Отсутствие идеологического давления не означает, что здесь нет другого рода зависимости, а именно — административной. В простейшем случае эта зависимость выражается в невозможности сменить место работы. Ср.: «Когда последний раз нас лишили надбавки, я зашла

к коллегам на соседнюю кафедру русского языка, и все коллеги мне говорят: „Нам полторы тысячи сняли, но это же безобразие“. Я говорю: „Давайте все уволимся, вот давайте все сейчас напишем заявление и уволимся“. [—И что вам ответили?] Мне сказали: „Ну и куда мы пойдем, что мы будем делать?“» (Наталья, Нижний Новгород, профессор университета).

¹³ Одно из интереснейших и информативных дореволюционных статистических исследований роли интеллигенции в сфере образования принадлежит Александру Степановичу Пругавину: *Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания*. 2-е изд., значительно дополненное. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1895. Работа посвящена памяти Н.И. Новикова.

Следует добавить, что различные институциональные позиции дифференцированы в отношении возможных автономистских публичных инициатив, выходящих за пределы профессионального круга обязанностей. Возможности инициирования публичных событий или акций у провинциального библиотекаря, очевидно, отличаются от возможностей телеведущего. В ряде случаев автономная инициатива способна достигать уровня социально-воспроизводящейся практики. Например, сотрудник программ регионального телевидения может выступить инициатором долгосрочной программы меценатской поддержки:

Мы пытались собрать людей, которым это так же дорого, как и нам. Мы начали это делать спонтанно, абсолютно без всякой поддержки — в момент перелома, в момент, когда все разваливалось. В 1992 году ко мне обратились музеи с просьбой организовать поддержку реставраторов. <...> Я предложила сделать серию программ. Если правда найдутся такие «идиоты», которые захотят помочь музеям, я вам обещаю на Рождество их собрать в красивом зале и как-то наградить. И вот мы 15 лет уже делаем эти программы. <...> Оказываем поддержку музейщикам, библиотекарям, тем людям, которые занимаются охраной национального достояния и получают копейки. Это святые люди. <...> Мы вручаем медали меценатам года... я их сама за свои деньги заказываю, мой муж мне помогает. <...> Но не в этом дело. И получается, что мы собираем таких людей, они сами собираются вокруг нас. Всем важно знать, что не ты один такой «идиот» в этом предпринимательском мире, в котором на минуту показалось, что рынок кого-то спасет. (Любовь, Ростов-на-Дону)

Сильная институциональная позиция в масс-медиа позволила в данном случае реализовать долгосрочную программу поддержки местных работников культуры. Возможна ли реализация такого рода инициатив без использования специфической привлекательности телевидения? Есть, конечно, основания для сомнений в том, что аналогичной привлекательностью может обладать, например, ограниченное пространство университетской аудитории.

Автономную позицию индивида, одиноко противостоящего окружающему «варварству» и ощущающего — в предельном случае — свою причастность лишь «незримой» общности, трансцендирующей физическую и историческую реальность, дополняет ряд моделей социального поведения, ориентированного на активное действие, ощущающего свою причастность реальной социальной группе и прибегающего при этом к различным формам самоорганизации. Эти модели можно дифференцировать исходя из предполагаемого ими горизонта

интеллектуальной и социальной активности: *интернациональная, национальная, республиканская / областная, городская*. Выбор и устойчивое воспроизводство одной из этих моделей обусловлен, с одной стороны, идейным содержанием парадигмы, побуждающей к групповой социальной активности. С другой стороны, требуется некоторая критическая масса *организационных* и коммуникативных условий, достаточных для поддержания социальной активности, направляемой данным идейным содержанием. Если два эти условия не соблюдаются в равной мере, возникает типичная ситуация «разговоров на кухне»: можно рассуждать о каких угодно проблемах и прокламировать какие угодно мировоззренческие цели, но это не имеет ровно никакого социально-публичного значения¹⁴. Для последнего необходима та или иная форма организационного и коммуникативного воплощения, простирающегося, скажем, от партийной ячейки до возможности опубликовать свою статью в прессе или на посещаемом интернет-ресурсе. Тезис о структурной корреляции между идейным содержанием и организационной формой является стандартным для классической социологии знания и, конечно, должен приниматься во внимание во всяком исследовании форм интеллектуальной активности. Согласно формулировке Макса Шелера: «Там, где идеи не находят сил, интересов, страстей, порывов, а также соответствующих „действий“ („Betriebe“), объективированных в форме институтов, они совершенно лишены *реально-исторического* значения, какова бы ни была их собственная духовная ценность»¹⁵.

Этот тезис требует учитывать корреляцию между идеологией и социально-коммуникативными условиями ее воспроизводства, позволяя включить неструктурированное многообразие интеллектуальных позиций в типологию, увязанную с определенными *социальными* типами интеллектуальной активности. В то же время необходимо учитывать, что данное положение Макса Шелера релевантно лишь по отношению к исторически значимым интеллектуальным феноменам. Далеко не все идеи находят организационное и институциональное воплощение. В то же время без наличия идей, без соответствующего содержательного горизонта интеллектуальной активности ни одна организационная и институциональная форма просто не может возникнуть. Кроме того, необходимо учитывать, что в современном обществе распространены сетевые формы организации и коммуникации, которые могут быть зафиксированы лишь с помощью специальных, целенаправленных исследований. Они являются значимым фактором *любой* современной интеллектуальной активности, который мы не будем далее отмечать специально.

¹⁴ Хотя, возможно, может иметь культурное или, скажем, терапевтическое значение.

¹⁵ Scheler Max. Die Wissensformen und die Gesellschaft. Gesammelte Werke. Bd. 8. 3. Aufl. Bern/München: Franke Verlag, 1980. S. 40.

5.4. Интернациональная модель

Интернациональную модель интеллектуального социального действия содержательно предполагают две классические идеологические позиции, которые весьма условно (скорее как идеальные типы, чем как реально существующие позиции) можно определить как «левую»¹⁶ и «либеральную»¹⁷. Релевантной коммуникативно-организационной формой существования этой социальной модели интеллектуальной активности является международная коммуникация, участие в интернациональных акциях и событиях¹⁸. Обе эти позиции, в протоформах вызревшие уже в позднесоветской интеллигентской среде, в постсоветский период имели различную социально-организационную судьбу. Либеральная позиция в своей экономической ипостаси (экономический либерализм) была в значительной степени поддержана властными элитами в 1990-е годы, но и до настоящего времени российская политическая власть в значительной мере вписана именно в эти коммуникативные структуры (участвуя, например, в деятельности таких «глобалистских» площадок, как Давосский форум, G8 и т.д.). Сюда же относится множество «фабрик мысли»¹⁹, либо непосредственно созданных политическими чиновниками, либо переживших или переживающих период выполнения экспертных функций при органах власти (с возможным переходом в оппозицию после прекращения такого рода функций)²⁰. Что касается либеральной позиции, понятой как защита

¹⁶ Речь идет, разумеется, не о таких партийных структурах, как КПРФ и «Справедливая Россия», а о левых в хрестоматийном западном смысле этого слова.

¹⁷ Детализацию и содержательные уточнения см. в соответствующих разделах работы: Мыслящая Россия: Картография современных интеллектуальных направлений. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2006.

¹⁸ Что напрямую исключено для более локальных горизонтов интеллектуально-активного действия: здесь международное взаимодействие должно пройти определенную процедуру нейтрализации, например, принять академическую форму.

¹⁹ Отечественные экспертные центры (think tanks) и их идеологическое значение заслуживают отдельного анализа, часто осложненного непрозрачностью, келейностью их взаимодействия с административными и политическими структурами. Отнесение их к полноценным центрам публичной интеллектуальной активности весьма проблематично в силу двух обстоятельств: нередко закрытый (непубличный) характер их

заказов, а также, что более существенно, проблематичность их интеллектуальной независимости. Это справедливо для института «мозговых центров» не только в России, но и в США. Ричард А. Познер пишет в этой связи: «Нет никаких сомнений в том, что современные американские мозговые центры являются важной стороной публично-интеллектуальной деятельности. Но как квазиакадемические институты они — возможно, именно в качестве институтов — не вполне благоприятная среда для независимого публичного интеллектуала. Дело здесь не в дефиниции (независимым является фрилансер; работающий по найму — нет). Дело в том, что большинство мозговых центров имеет отчетливый политический оттенок, поступление на работу в один из них сходен с актом присоединения к определенной политической позиции, компрометацией независимости» (Posner. Ibid. P. 34–35).

²⁰ В этом отношении показательна траектория бывшего экономического советника президента Путина Андрея Илларионова, который после прерывания своей экспертной деятельности при президенте в 2005 году перешел на институциональную позицию в ведущий американский

прав человека и защита прав меньшинств (элемент классической либеральной теории начиная с Дж. Ст. Милля), то она — в форме, в частности, правозащитного движения — во многом была маргинализирована (особенно в последние годы) и локализуется в институциональных формах международных организаций (которые не входили в предмет настоящего исследования). Существуют, кроме того, номинально институционализованные идейные неолиберальные кружки (см., например, ресурс libertarium.ru), действительный механизм функционирования которых заслуживал бы специального рассмотрения.

Несмотря на указанную тенденцию к публичной маргинализации ряда либеральных организаций, приверженность соответствующим ценностям продолжает декларироваться на самом высоком государственном уровне, выступая как элемент цивилизационного выбора постсоветской России. Отвлекаясь от этих аспектов, лежащих за пределами настоящего исследования, следует, однако, отметить наличие достаточно выраженного феномена интеллектуала-либерала «по убеждению», деятельность которого не связана никакими институциональными привязанностями и имеет индивидуалистический («автономистский») характер, что может выражаться, например, в форме такого кредо:

Я либерал, западник, космополит. Понятие либерал, либерализм для меня индивидуально. Оно не накладывается на те социальные группы, которые считают себя либералами.
(Сергей М., Москва)

Социально-политическая траектория левой позиции в постсоветский период имеет иной характер: ограниченные ресурсы, опора на собственные или международные организационные возможности, сетевой, деиерархизированный характер коммуникации, устойчивый западный культурный образец интеллектуала как прежде всего представителя левых взглядов²¹ — все это, несмотря на сопряженные

институт, пропагандирующий экономический либерализм (старшим научным сотрудником Института Катона в Вашингтоне). Но до этого события, в 2004 году, В. Путин лично встречался с участниками московской конференции, организованной в том числе Институтом Катона, на которой собрались главные мировые представители рыночного либерализма. Такого рода коммуникацию нельзя представить, например, с участниками какой-то конференции «левых». К этому можно добавить, что по причинам, заслуживающим отдельного рассмотрения, либеральная идейная парадигма в России обретает релевантную организационную форму реализации преимущественно в рамках

политико-административных институтов. Многие либералы, утратившие доступ к этим организационным и коммуникативным ресурсам (например, к СМИ), переходят в жесткую оппозицию, что можно подтвердить множеством примеров. Этот специфический маятник — либо [около] административная позиция, либо непримиримая оппозиция — является фактором, препятствующим попытке создания в России общественно значимых либеральных течений.

²¹ Ср.: «Интеллектуал в точном значении этого слова — это всегда левый по своим политическим убеждениям, интеллектуал правым быть не может» (Андрей, Петербург).

с этим сложности и ограничения, делает представителей этой модели поведения стилистически схожими с некоторыми типами западных интеллектуалов. Социальная модель поведения здесь близка к форме небольших кружков, коммуникация между которыми хотя и имеет интернациональный аспект, но фрагментарна:

Есть небольшое количество левых групп в Москве, Петербурге и в других городах, которые нам действительно близки. Но это в основном левые интернационалистические группы, которые хоть чуть-чуть выходят из нашей аутичной, изолированной ситуации, имеют какую-то возможность читать на иностранных языках, читать современные тексты и т. д. А не сидеть вот здесь, не сосредотачиваться в своем собственном безумии. <...> Мы все живем здесь, у нас нет этой дистанции, из которой не увидишь чего-то важного. Как раз опыт интернационального общения дает возможность видеть ситуацию несколько другими глазами. Этот опыт отстранения, мне кажется, иногда очень важен. (Алексей П., Москва, сотрудник академического института)

Как и в случае с либералами-индивидуалистами существует множество отдельных интеллектуалов, прежде всего относящихся к академическим и университетским структурам, которые формулируют свои взгляды как левые, хотя эта позиция не имеет актуальной институциональной или организационной привязки, а ее референтные образцы выносятся в западный интеллектуальный контекст. Например:

Левая составляющая [моих взглядов], безусловно, сохраняется. Она соотносится с традицией, которая очень хорошо развита в Германии начиная с восьмидесятых годов. Это то, что называется символической политикой, что у нас представлено — немного в модифицированной форме — критикой манипулятивного сознания Сергеем Кара-Мурзой. Традиционно проблематика левых. Она, конечно, может быть разная по радикализму, но она так или иначе уходит в эту традицию и, кстати, с Лукачем соприкасается. (Сергей, Ростов-на-Дону, преподаватель университета)

Или:

Сейчас я левый социалист неомарксистского толка, то есть не приемлю ни Советский Союз, ни США как две формы шизоидной такой фашистской диктатуры. (Владимир, Казань, профессор)

Примечательно, что, как и в случае с представителями либеральных взглядов, для левых «индивидуалистов»²² ключевой является идея свободы, которая именно на этом основании противопоставляется... именно либерализму:

Я не могу делать идеологически партийный выбор. Если брать какую-то социальную, социально-политическую парадигму, которая мне близка, то ближе всего, пожалуй, Лукач и Грамши. <...> Я левый в том смысле, в каком тот старый коммунизм, коммунизм, наверное, «Немецкой идеологии» Маркса пронизан идеей свободы. <...> И если искать какие-то основания [для выбора позиции], то они такие. Но, как вы сами понимаете, это входит в конфликт с классическим, назойливо политизированным либерализмом, который существует сейчас. И который предлагает, по существу, новую завуалированную форму порабощения. (Дмитрий, Нижний Новгород, преподаватель университета, политконсультант)

Что касается представленной здесь индивидуалистической левой модели поведения, не включенной непосредственно в какие-то организационные формы, то она может быть фундирована как личной мировоззренческой совокупностью взглядов²³, так и принимать некоторое подобие сетевой связи, в частности, в виде академических контактов с западными университетами, стажировок и т.д., которые имеют научно-нейтрализованный характер. Можно отметить также, что если в западном контексте даже академические формы левых взглядов нередко регулярно связаны с определенной публичной активностью, то в российском социальном контексте (за пределами нескольких центров Москвы и Петербурга) эти взгляды принимают нейтрализованную, сугубо профессиональную академическую форму (переводы, научные статьи), не находя релевантного организационного воплощения и публичного выхода.

Одна из лежащих на поверхности проблем, с которыми сталкиваются модели интеллектуального поведения, предполагающие интернациональный горизонт социального действия, состоит в высокой степени несоизмеримости декларируемых целей и средств (или, иначе говоря, идейного содержания и релевантной организационной, коммуникативной и институциональной формы). Именно этим обстоятельством

²² Индивидуализм здесь выражается как в признаваемом фактическом отсутствии связи между взглядами и практической их реализацией, так и в нейтральной работе в качестве политического консультанта на разные политические центры.

²³ Разумеется, марксистский чекан советского образования продолжает играть здесь свою роль, хотя, как видно из приведенных высказываний, современные российские сторонники левых взглядов избирают «другой», оппозиционный советскому тип марксизма (традиция неомарксизма, восходящая к Георгу Лукачу).

можно объяснить представленную выше тенденцию к индивидуализации поведения представителей интернациональной парадигмы. В пределе эта тенденция ведет к воспроизводству уже описанной автономной модели социального поведения, являющейся результатом социально-организационной дисперсии интеллектуально-активной группы.

При рассмотрении интернациональной модели необходимо учитывать наличие еще одной организационной формы интеллектуальной и активистской деятельности, а именно — формат международных организаций, фокусирующихся на практических проблемах экологии, СПИДа, наркомании. Предметное поле деятельности такого рода организаций неправительственного и некоммерческого сектора, социальных программ бизнеса, волонтерских инициатив расширяется при переходе на национальный и региональный уровень: в сферу их компетенции входит широкий круг социальных проблем, благотворительность и т. д. Эта активность фиксировалась в ходе настоящего исследования, но для понимания их функционирования необходимы самостоятельные подходы, использующие соответствующую методологию. В рамках данного проекта мы отвлекаемся от этих форм социальной и интеллектуальной активности.

Следует, наконец, отметить наличие еще одной плоскости интернационального взаимодействия, а именно каналов научной коммуникации. Принято считать (в частности, вслед за Максом Вебером), что наука является ценностно-нейтральной сферой деятельности — интеллектуальной, но лишенной при этом ценностного аспекта. Анализ некоторых особенностей биографии наших собеседников показывает, что ученые, активно встроенные в интернациональный горизонт научной коммуникации, склонны к тому, чтобы подчеркивать значение научного профессионализма и настаивать на его плохой совместимости с другими типами публичной интеллектуальной коммуникации. Это противопоставление предполагает, что указанное Вебером различие действительно существует, что правда является дискуссионным вопросом. Однако разработка этого вопроса также не входит в задачи настоящего исследования. В то же время локализация в рамках научных структур нередко является тем институциональным фундаментом, на основании которого могут разворачиваться и более широкие публично-интеллектуальные проекты.

5.5. Национальная модель

Модели интеллектуального поведения, реализуемого в национальном горизонте социального действия, имеют свою собственную содержательную и организационную специфику. Собственно говоря, основное многообразие современных мейнстримных российских идеологических течений и, соответственно, продукция значительной части публичных интеллектуалов, придающие этим течениям

артикулированную дискурсивную форму («рынок политических идей»), составляют именно национально ориентированные идейные конструкции. За их рамками находятся только «чистые» носители интернациональной парадигмы. Организационно-коммуникативной формой воплощения «национальных» идеологий являются — за пределами собственно политических форм существования — преимущественно сми и интернет-ресурсы, сконцентрированные главным образом в Москве. Они и являются площадками, на которых выступают национально ориентированные «идеологические виртуозы».

В содержательном и идейном отношении национальная парадигма не является сколько-нибудь однородной. Национально ориентированную форму способны принимать и по факту принимают все позиции классического идеолого-политического спектра: левые, либералы, консерваторы, а также их различные смешанные формы («социальный национал-либерализм»). Сам по себе национализм — за исключением примитивизированных, не конкретизированных форм, ограничивающихся артикуляцией национального (национально-государственного, патриотического и т. д.) интереса как такового, — не является самодостаточной идейной позицией. В ситуации притязания на выражение национального интереса самых разных идеологических течений у любой национальной идейной программы возникает потребность в политической и интеллектуальной конкретизации, в силу чего национализм приобретает черты той или иной программы классического политического спектра.

Конкретный анализ моделей интеллектуального поведения в этой парадигмальной нише в настоящее время фактически означал бы анализ основной части рынка производства публичной интеллектуальной продукции в современной России, который переходит непосредственно в плоскость партийно-политической жизни, что исключено по масштабу, предмету и методологии настоящего исследования. Содержание исследования позволяет ограничиться лишь некоторыми фрагментарными наблюдениями и описаниями, связанными с функционированием данной модели интеллектуального поведения. Для такого описания требуется ввести определенный концептуальный аппарат, позволяющий структурировать наблюдаемые здесь процессы. Здесь уместно использовать понятие *публичного интеллектуального рынка*. *Продуктом* на этом рынке являются идейные и идеологические комплексы, претендующие на роль политической платформы. *Производителем* такого продукта являются как отдельные публичные интеллектуалы, так и объединения интеллектуалов формального и неформального типа. Потенциальным *потребителем* данной продукции являются социально-политические силы (социальные группы, «классы» или, например, «элиты»), обладающие социальным, политическим и экономическим капиталом, но испытывающие дефицит интеллектуальной политико-идеологической артикуляции собственных

позиций²⁴. Производители конкурируют за внимание потребителей, в случае же удачного позиционирования товара они имеют шанс его «продать», конвертировав свой интеллектуальный капитал в другие его виды. Здесь возможны свои разочарования, связанные с неудачно прошедшей «политической ярмаркой»²⁵. Как и на всяком рынке, здесь существуют свои экономические циклы, увязанные с циклами политической борьбы, свои спады производства, свои спекулянты и т. д. Такая идеальная и весьма упрощенная²⁶ модель интеллектуального рынка, реальная же ситуация может сильно от нее отличаться. В частности, можно воспрепятствовать доступу на этот рынок покупателей, создав ситуацию одного перекупщика. Этот рынок может быть фактически монополизирован каким-то производителем или несколькими производителями, обладающими достаточным капиталом для того, чтобы вытеснить конкурентов (возможен и силовой вариант, как в советском обществе), потребитель может не обладать всей полнотой информации о предлагаемых продуктах (как в силу недостатка, так и в силу переизбытка информации), быть недальновидным в своей потребительской стратегии, товар отечественных производителей может быть неконкурентоспособным по сравнению с импортными аналогами, быть просто некачественным²⁷ и т. д.

Применительно к современной российской ситуации нельзя отрицать полное отсутствие рынка публичной интеллектуальной продукции. Но он имеет целый ряд особенностей, относительно которых можно сделать заключение на основании материалов настоящего исследования.

²⁴ Не потому, конечно, что они недостаточно «интеллектуальны» сами по себе, а по причине того, что производство такого рода продукции не является их специализацией.

²⁵ Например, такие: «Эта организация [речь идет о политической ассоциации журналистов] пыталась создать оппозиционный вариант консерватизма... оппозиционный по отношению к Путину, к нынешней власти. Но, честно говоря, где-то к середине прошлого года стало понятно, что эта попытка оказывается неудачной» (Борис М., Москва).

²⁶ Структурное упрощение состоит, в частности, в том, что производители имеют выход на рынок не непосредственно, а через определенные каналы доступа, прежде всего систему медиа (исключение составляет, пожалуй, лишь новый и до конца неясный по своим последствиям феномен интернет-блогов, позволяющий обойти традиционные медиа). Этот доступ, в свою очередь, регулируется собственной логикой, в которой существенным является медийный авторитет интеллектуала, его способность удовлетворять

медийным требованиям и параметрам интеллектуальной продукции (критический анализ этих параметров медийного поля см.: Бурдые П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002). Не менее сложна и инстанция «заказчика», поскольку здесь возникает вопрос о том, кто в современном обществе способен выступать политическим субъектом как таковым. Кроме того, сама природа идейного и интеллектуального продукта не вполне укладывается в логику рыночной системы отношений — идеи по своей онтологической природе не могут быть предметом собственности (интеллектуальное право распространяется лишь на форму выражения, упаковку идей).

²⁷ Ср.: «[Следует] постоянно экспериментировать, не пытаться продать двадцатый, двадцать девятый раз одно и то же, ожидая, что это так же радушно примут. <...> И в этом смысле правого и левого лагеря нет. Неоригинальные вещи производят вне зависимости от политических убеждений» (Артем, Иркутск).

Во-первых, рынок ограничен территориально, фактически замкнувшись в среде московских и в некоторой степени питерских интеллектуалов. Идеологические виртуозы, разбирающиеся в нюансах текущей политической конкуренции национального уровня, способные со знанием дела оценить параметры той или иной интеллектуально-идеологической продукции, сосредоточены именно здесь²⁸. За пределами этой региональной зоны фактически не существует ни интеллектуального рынка, ни интеллектуальной конкуренции формата национальной парадигмы. Эмпирическим показателем этого является то, что контрольные вопросы, связанные с текущим политико-интеллектуальным состоянием российского общества, воспринимаются как *нерелевантные* актуальному социальному опыту представителей региональных интеллектуально-активных групп, а фиксируемые «ответы по существу» имеют ситуативный характер:

Мне нравится иногда называть себя консерватором, когда заходит разговор, можно ли изменить человеческую природу или нельзя. Где-то еще мне нравится называть себя ультра-левым. И так далее. (Сергей Ш., Иркутск)

При этом собеседники отдают себе ясный отчет в контекстуальной обусловленности этой своей позиции, связанной, в частности, с отсутствием соответствующей медийной, общественно-политической, интеллектуальной и городской инфраструктуры. Приведем в развернутом виде выразительное высказывание, типичным образом иллюстрирующее этот тезис:

Вы знаете, я живу, и меня мучают очень много вопросов в моей жизни. Меня мучает, когда я увижусь со своим мужем. Меня мучает, как научить ребенка учиться. Я задаю себе вопрос, что я буду готовить на ужин. Где мне найти время, чтобы прочитать интересную книжку. И смогу ли я посмотреть кино, которое мне хочется посмотреть. Вот те вопросы, которые меня волнуют. <...> А если бы я считала себя интеллигентом, мне пришлось бы еще кучей вопросов себе голову забивать, и еще над ними думать. Я бы сдохла, честное слово. То есть у меня здесь есть место, где я реализуюсь как мать, как пресс-секретарь. У меня даже есть место, где я реализуюсь как психолог-психотерапевт. Но у меня здесь нет места, где я буду реализовываться как политик, как

²⁸Исключение на региональном уровне представляют единицы. Например, политологи, разбирающиеся в ситуации в силу профессионального интереса, или люди, непосредственно вовлеченные в организационную деятельность сете-

вых политико-идеологических структур, таких, например, как региональные отделения клуба «4 ноября» или Центры социально-консервативной политики.

консерватор, как либерал. Зачем я буду об этом думать? Что я буду с этим всем делать? Может быть, если я перееду в Москву, передо мной встанет большая проблема: где мне найти круг общения? Я приду в клуб «Билингва» и сыграю в эту игру. Я скажу: опа, чуваки! Давайте потусим за консерватизм и либерализм. Я это сделаю, правда, потому что мне очень хочется общаться с себе подобными, с людьми, с которыми мне приятно, интересно. Зачем я буду делать это здесь? Зачем? Здесь единственные люди, которые остались, которые еще способны к производству какого-то дискурса, сидят вон там... И простите меня, я полтора года, да какой там, я пять лет с ними работаю, и я не хочу с ними общаться. Не хочу. Не хочу. Я лучше с Михаилом Яковлевичем поговорю о литературе. Честное слово. Это будет плодотворно. Это будет интересно. Сергею в жж напишу, рискуя десять тысяч раз, что он меня пошлет, прямо так, открытым текстом. Потому что это хотя бы интересно. Хотя бы познавательно. Обаятельно. Весело. (Светлана, Иркутск)

Во-вторых, производители оценивают сложившуюся ситуацию как нерыночную, поскольку на рынке остался только один потребитель — действующая власть («государство»). Это недовольство выражается у самых разных по своей идеологической формовке представителей национальной парадигмы социального действия и имеет своим следствием содержательную, идейную тенденцию, на которую следует обратить внимание. Дело в том, что сама апелляция к национальному интересу большинства указывает на производство товара, на который ожидается массовый спрос. При этом могут даваться и вполне конкретные маркетинговые оценки:

В той идеологии, которую я представляю, заинтересована большая часть населения. Во всяком случае, те слои населения, которые заинтересованы в самостоятельном индустриальном развитии России. <...> Все те 72 %, которые голосуют за Медведева. (Борис М., Москва)

Но если такого рода ожидания на массовый спрос не оправдываются, у производителя возникает запрос на расширение доступа потребителя на рынок, что на идейно-политическом языке формулируется как требование демократизации. Например:

Но, с другой стороны, с российской властью у меня есть ряд расхождений, и основное из этих расхождений касается прежде всего самой политической организации этой власти. <...> Я считаю, что у такой власти должна быть

демократическая оппозиция, ибо политическая конструкция этой власти, вне зависимости от ее идеологии, является глубоко порочной. Что мы и видим на примере опасного и рискованного транзита власти, который был осуществлен. <...> И конечно, какую-либо демократическую партию, соединяющую левые и демократические лозунги, я бы только приветствовал. Но ее нет, и она даже нигде не проглядывает. (Борис М., Москва)

Требование демократизации, озвучиваемое представителями либерально-ориентированных и левых идеологических течений, здесь излишне иллюстрировать — это тривиально. Но далеко не тривиально, что данное требование включается в программы консервативно, а также национально (националистически) ориентированных российских публичных интеллектуалов. В данном случае — представителей редакций двух литературно-публицистических журналов, позиционирующих как национально ориентированные:

Если определять как-то собственную позицию в рамках общественной мысли, то, конечно [наш журнал], это прежде всего журнал, так сказать, национал-государственный. <...> И как мне кажется, в последнее время у нас в публицистике осуществляется некий синтез национальной идеи и демократии, [формируется] национал-демократическая направленность. (Сергей С., Москва)

Если говорить о каком-то политическом позиционировании, то я бы очень хотел, чтобы нам удалось объединить патриотическое направление с демократическим. Трагедия России, мне кажется, состоит в том, что эти направления разделены. (Александр К. Москва)

В-третьих, идейная и экспертная конкуренция на национальном уровне представителями столичной среды описывается как диспропорциональная в силу того, что на рынке доминируют производители, аффилированные с основным заказчиком — государством и находящиеся в неравной позиции как ресурсной, так и информационной, по сравнению с возможными интеллектуальными конкурентами. Ситуация описывается следующим образом:

Приведу некоторые цифры из родной для меня области — экономики. <...> Ведь что такое доминирование? Сейчас [государственные] расходы на прикладные исследования в области национальной экономики — это примерно так же самая цифра, что и расходы на всю судебную систему. Представляет?!

То есть возникла некая дополнительная, четвертая, власть, щедро при этом финансируемая. И эти эксперты используют-ся в качестве дубинки против политических партий. Потому что понятно, что какая бы политическая партия или кто бы то ни было еще в России что-то не предложил, при таких затратах про это всегда можно сказать, причем совершенно правдиво, что это абсолютно неосновательно и несопоставимо с тем, что наработали наши ученые мужи. А эти ученые мужи все это нарабатывают конечно же еще и благодаря допуску к разным бумажкам — с шапкой или без шапки, — которые им дают ксерить. То есть никакое гражданское общество давлению этих ученых ничего противопоставить не может. (Вадим Н., Москва)

Приведем также развернутый пример оценки, свидетельствующей — если использовать введенную терминологию рыночной модели — об отсутствии функционирующего интеллектуального рынка уже из региональной перспективы, из «третьей столицы» — Нижнего Новгорода. Эта развернутая характеристика интересна тем, что принадлежит осведомленному человеку, помимо университетской деятельности непосредственно вовлеченному в организацию политических и интеллектуальных инициатив:

Если кратко давать характеристику [текущей ситуации], то, по моему ощущению, политическая коммуникация на сегодняшний день носит во многом имитационный характер. Нельзя сказать, что она отсутствует, нельзя сказать, что она беспредметна, нельзя также сказать, что она неактивна. Но у меня возникает ощущение, что люди, участвующие в процессе политической коммуникации, либо заранее знают, что они обо всем договорятся, либо просто не слышат друг друга. Существует две формы коммуникации. Коммуникация внутри некоего оппозиционного лагеря и коммуникация оппозиции с населением. И коммуникация элит внутри себя с месседжами по отношению к населению. Но эти два лагеря — они между собой не коммуницируют. Они не слышат друг друга. Коммуникация внутри элит — экономических, политических, региональных элит — она с какими-то, скажем так, условными результатами. Потому что это выглядит словно бы... как Закон Божий. Собрались, помолились перед принятием пищи и приняли пищу. <...> Остаются очень небольшие островки истинной коммуникации, где возникают столкновения точек зрения и формируется, скажем так, интеллектуальный продукт. Но, как правило, эти островки очень локальны и существуют не благодаря, а вопреки процессу. <...> Если говорить

о политической коммуникации, то попробуем привести пример. Вот есть такой клуб—«4 ноября». Клуб, который возглавляют либерал-консерваторы. <...> Там действительно существует истинная потребность и желание оценить процессы, которые происходят, и сформулировать какое-то мнение по поводу происходящего. Мнение, которое можно было бы использовать в дальнейшей практике развития страны. Но это локальный островок. Они же не имеют массовой аудитории, хотя у них есть определенное влияние, скажем, на законодательном уровне, на уровне исполнительной власти. Они люди известные, персоны заметные. Но сказать, что их интеллектуальная деятельность востребована и носит определяющий характер, невозможно. (Евгений, Нижний Новгород)

Если попытаться на основании предложенного описания резюмировать проблему социальной организации интеллектуальной деятельности, разворачивающейся в горизонте национальной и интернациональной модели, то можно сделать весьма простой, но от этого не менее острый вывод. Для реализации такого рода идейных парадигм в современной российской ситуации отсутствуют адекватные формы организации, которые, на наш взгляд, в настоящее время могут иметь лишь характер политических организаций (другие жизнеспособные и реалистичные формы такого рода организации нам неизвестны). Те интеллектуалы-активисты, которые содержательно руководствуются указанными парадигмами, реализуют их в рамках организационно неадекватных им структур—сайт или дискуссионный форум в Интернете, кружки и сетевые контакты, номинальные учреждения (разного рода «институты» и «центры», состоящие из одного лица), полужакрытые политические клубы (наподобие упомянутого в цитированном высказывании). По своим организационным средствам и возможностям они не релевантны масштабам идеологических парадигм интернационального и национального типа, что формирует, разумеется, напряжение и неудовлетворенность существующим положением дел, которое и выражается в критической оценке существующих форм коммуникации (*имитационный характер*), оформленной, в частности, как коммуникация между «элитами». Такого рода коммуникация, в принципе не способная завершиться организованным социальным действием, оставляет неудовлетворенными всех ее участников (даже весьма лояльных существующей системе)—на каком бы высоком интеллектуальном уровне она ни велась и какие бы светлые идеи в ходе такой коммуникации ни рождались.

5.6. Республиканская / областная модель

В сфере нашего исследования оказались два региона, в которых можно зафиксировать наличие интеллектуально-идейной модели поведения, глубоко встроенной в горизонт проблем, связанных с положением локальной (республиканской и областной) территории. Это Республика Татарстан и Калининградская область. Особо подчеркнем, что речь идет не о двух особых областях на территории России, а лишь о двух зафиксированных примерах, позволяющих указать на данный феномен. Локализация себя в областных границах — в форме противопоставления «нашей области» «другим» областям или Москве — присутствует во всех регионах (включая Петербург), но в данном случае материалы полевого исследования позволяют зафиксировать этот аспект весьма отчетливо. Здесь мы ограничимся лишь наиболее общими аналитическими выводами.

Во-первых, сама по себе областная модель интеллектуального поведения указывает на то, что интеллектуальная активность фокусируется на полюсах, являющихся зеркальным отражением структуры и конфигурации административной власти. Таким образом, сформировавшаяся в советский период связка «интеллигенция — власть» продолжает структурно воспроизводиться и в современной России. Во-вторых, конфигурация проблем, зеркально отражающая административные и политические отношения «центра» и «региона» (в свою очередь, непростые, подчиненные собственной логике, которая, кроме того, часто имеет свой непубличный, закулисный аспект), в интеллектуальной среде получает собственное *содержательное* осмысление, не совпадающее с выстраиваемой административной конфигурацией отношений. В этом интеллектуальном пространстве формируются, на наш взгляд, социально значимые идеи и инициативы, которые могут становиться достоянием широкой дискуссии, выходящей за пределы своего регионального уровня.

Так, в Казани среди наших собеседников оказалось несколько человек, активно участвовавших на протяжении последних двадцати лет в общественно-политической жизни республики²⁹. В частности, инициаторы движений «Граждане Российской Федерации»³⁰ и «Согласие» (активность которых пришлась на первую половину 1990-х годов³¹),

²⁹ Разумеется, здесь не дается никаких политических или иных оценок данной деятельности, а фиксируется лишь факт социальной и интеллектуальной активности.

³⁰ «Было движение „Граждане Российской Федерации“. Это была моя инициатива. В Татарстане вообще были очень сильные националистические силы, которые говорили, что нужно только татарстанское гражданство — государства

Татарстан, только один — татарский — государственный язык и так далее. И мы очень активно выступали против всего этого. Выступали за то, чтобы все-таки мы были гражданами Российской Федерации, заявили том, что должно быть два государственных языка, и так далее» (Александр, Казань).

³¹ Период от начала перестройки до 1995 года воспринимается (разумеется, людьми, которых

противостоявших культурному сепаратизму, отстаивавших равные права татарской и русской культуры и языка. В настоящее время в Казани действует «Общество русской культуры», активно поднимающее проблемы поддержки русской культуры в Татарстане³². Присутствует также активность, направленная на передачу бывших церковных объектов Русской православной церкви. Выясняется, однако, что многие из этих вопросов фактически могут быть решены лишь на республиканском уровне, а единственный способ побудить руководство республики к коммуникации с активистами состоял в следующем — писать письма в Кремль действующему президенту. Реакция на поднятые общественностью проблемы началась только после поступления запроса из (московского) Кремля за визой высокопоставленного сотрудника администрации. Описанная ситуация, как бы ни оценивать мотивы и логику действий активистов, указывает на серьезные трудности, связанные с общественными инициативами, выдвигаемыми представителями интеллектуально-активной группы, формулирующими определенные проблемы в рамках республиканской модели организации социального действия³³. А именно можно констатировать затруднение перевода обсуждения проблемы с локального, республиканского уровня на более широкий, отсутствие механизмов инициирования коммуникации между общественными активистами и региональными структурами власти (помимо обращения к федеральному центру). К этому следует добавить, что такого рода инициативы не остаются без репрессивных последствий (хотя эти репрессии и носят мягкий, «вегетарианский» характер, например, «выдавливание» из университета посредством урезания финансирования). Каким же образом удастся сохранять автономную позицию, позволяющую выступать с такого рода инициативами, какого рода организационная форма стоит за этой моделью интеллектуальной и социальной активности? За счет сравнительной автономии в рамках университета (одного из казанских

можно отнести к «оппозиционерам») как время наиболее активной и здоровой общественно-политической жизни в Татарстане, однако затем все изменилось: «В 1995 году у нас в республике произошел антидемократический переворот, и всю оппозицию... вытеснили из органов представительной власти. Их места заняли чиновники» (Александр, Казань). Причем в установлении такого режима власти активную роль сыграла именно Москва: «После договора Ельцин — Шаймиев 94-го года у него [М. Шаймиева] появились другие социальные базы — в лице уже сельской номенклатуры... А потом и связи с Москвой помогали здесь установить авторитарный жесткий режим. Поэтому они [политические партии] ему уже не были нужны, они его компрометировали, и он с радостью их изолировал в 95-м году» (Владимир, Казань).

³² По инициативе общества в Лаишевском районе республики теперь ежегодно проводится праздник русского фольклора «Каравон», были открыты русские гимназии и т. д.

³³ Возможно, здесь возникнет вопрос: а что же региональные отделения Общественной палаты? Ответ, который мы постоянно слышали в связи с этим органом (и Казань не исключение) состоит в следующем: «Это назначенные люди, лояльные руководству». Наличие нескольких живых голосов ничего не меняет: «Общественная палата — назначенные люди. Там есть, конечно, Салагаев, там есть, может быть, еще один-два человека, которые могут что-то сказать, а остальные — точно так же, как и Госссовет» (Владимир, Казань).

технологических университетов), наличия сравнительно самостоятельного социологического исследовательского центра, включенного как в российские, так и в зарубежные исследовательские проекты. Существует возможность выезжать в Европу и США для занятий научной работой, привозить литературу и т.д. Иными словами, в России, как в данном случае, встречаются парадоксальные ситуации: *возможность самостоятельной позиции по общественным вопросам, связанным с отстаиванием интересов русской культуры в Татарстане, с проведением самостоятельной научной и исследовательской деятельности, в не-малой степени обеспечена научно-исследовательским партнерством с западными научными центрами и фондами*³⁴.

В Калининграде в ходе дискуссий с представителями интеллектуально-активной группы возник другой показательный сюжет, в определенном отношении противоположный казанскому. С иронией обсуждалась проблема взаимоотношения федерального центра и области, а именно программы, направленной на «смену вектора с европейского на российский» («Боос пришел поменять нам вектор»). В этой дискуссии возникла тема программы экскурсионного вывоза детей из Калининградской области в Россию³⁵, которая является одной из составляющих мероприятий по «смене вектора». И оказалось, что в действительности эта программа, спущенная откуда-то «сверху», дает эффект, ровно противоположный ожидаемому, — эффект стимулирования культурного сепаратизма. Приведем фрагмент этой дискуссии:

Алексей: Вдруг возникла акция — детей возить в Россию и показывать им Россию: вот она наша культура, приобщайтесь. <...> С точки зрения сепаратиста — великолепно просто. Все это было бы логично, если бы изначально точно можно было сказать: культура там, а здесь бескультурье. <...> Но эта предпосылка, на мой взгляд, является далеко недоказанной. А если так, то надо и поступать соответственно. Чтобы

³⁴ Проблема автономии, выхода из своего рода крепостной зависимости (это выражение представляется здесь уместным) от организации, в которой работаешь, места, к которому привязан, неоднократно звучала на круглых столах. В Казани: «Дело в том, что для того, чтобы человек мог высказываться, у него должна быть финансовая независимость. Когда Шаймиев, скажет [отсылка к действительной истории]: „Кто здесь президент, ты или я?“ — он сможет ответить: „А здесь нет президентов. Если ты мне будешь тут тыкать, я поеду, там, в Гамбург или в Бремен и кое-что там к вашему имиджу добавлю. Так что молчите, пока говорит здесь русский интеллигент“. Вот из такой позиции с ним будут говорить. Они понимают только силу. Моральную силу, к счастью, тоже, не обязательно

физическую. Но человека, который мог бы так сказать, сейчас нет в регионе. <...> И в России, к сожалению, нет» (Сергей, Казань).

³⁵ Проблема имеет довольно простую экономическую и инфраструктурную подоплеку. Жители Калининградской области отдыхают главным образом в сопредельных европейских странах, там же привыкли отдыхать и дети. Не в силу каких-то «сепаратистских» наклонностей, просто это удобнее и дешевле. С другой стороны, в Калининградской области, несмотря на существующий потенциал, инфраструктура для детского отдыха также весьма ограничена — лишь небольшое число детей или отдыхающих из России могут туда «пробиться».

дети большой России ездили в Калининград и говорили: это тоже культура русская, только она вот такая. Это был бы симметричный ответ: сколько возят наших калининградских детей туда, точно такое же количество детей федеральных надо возить сюда. Я чувствую неполноценность, когда говорят: знаете, надо вас к этому приобщать. <...> Этим вывозом детей они де-факто подтверждают, что это не Россия. И дети естественно, они же не дураки, хоть они и дети. Они задаются вопросом: а, собственно говоря, почему нас туда возят, а что, здесь не Россия? <...>

Ольга: Понимаете, накапливается масса таких, может быть, незаметных вещей. Там где-то написали эту концепцию, получили за нее деньги, наплевали и забыли. Но мы это помним. Мы помним каждую мелочь, потому что это действительно оскорбительно. То, что Алексей сказал,—это один из таких оскорбительных моментов. Организация всей этой госпрограммы для выезда детей в Россию. Как будто здесь живут люди, которые не обладают никакой абсолютно культурой, а высокая культура имеется только там. Мне кажется, что на самом деле в определенных кругах в столице есть мнение, что за пределами столицы никто культурой не обладает...

По сравнению с Казанью ситуация здесь оборачивается на противоположную — там дефицит, а здесь — чрезмерная активность «центра», не получающего обратной связи от реализуемых социально-культурных программ, что, как видно из приведенных высказываний, может быть чревато долговременными отрицательными последствиями. Но вопрос здесь, очевидно, все же не настолько драматичен, а приведенные оценки — при всей убедительности — не лишены дискуссионности. Поэтому едва ли можно ожидать, что озвученная позиция достигнет фазы специально организованной акции, целью которой является доведение озвученной позиции до «верхов» (разве что эти последние сами возьмут на себя труд озаботиться результатами собственной инициативы). Как бы там ни было, для представителей интеллектуально-активной группы Калининграда областной горизонт социального действия был и будет иметь важное значение — в силу исторических причин и специфики, обусловленной географическим положением и близостью с Евросоюзом.

Но Калининград представляет собой замечательный и, возможно, исключительный феномен с точки зрения следующей, городской модели социального поведения публичных интеллектуалов. В завершение же этого сюжета, который, еще раз подчеркнем, является здесь лишь примером определенного уровня социально-интеллектуальной активности, а вовсе не призван указать на исключительную специфику рассмотренных регионов, остается добавить, что социальная активность

представителей региональных интеллектуально-активных групп представляет собой перспективный предмет для самостоятельного исследования. В первую очередь это относится к национальным интеллигенциям, оставшимся за рамкой проведенных полевых работ. Но уже обзор книжной продукции в той же Республике Татарстан³⁶ показывает, что существует высокая активность национальной интеллигенции, направленная на формирование национально-региональной идентичности. Каким образом функционируют эти группы интеллектуалов, на какие ресурсы опираются, какова их институциональная и коммуникативная среда, как выстроена интеллектуальная конкуренция этих групп — все это пока остается белым пятном.

5.7. Городская модель

Встречаясь с региональными представителями интеллектуально-активной группы, мы столкнулись с уже описанным феноменом нерелевантности вопросов о идейно-мировоззренческой и политической ориентации, которые были инкорпорированы в рабочую модель исследования. Не меньшую сложность вызывала и постановка вопроса об интеллигенции, который, с одной стороны, уводил в сторону понятийных уточнений и исторических отступлений или, с другой стороны, воспринимался как обсуждение феномена советского прошлого. Однако этот негативный опыт вывел на более содержательный и релевантный реальному социальному опыту вопрос о городских проблемах. В отличие от интернациональной и национальной модели социального поведения интеллектуалов, сконцентрированных главным образом в Москве и Петербурге, а также республиканской и областной модели интеллектуальной активности, уводящей нас, в частности, в тему специфики административных и политических регионов России, каждая из которых имеет собственные содержательные и институционально-коммуникативные особенности, городская проблематика является *инвариантной* как по отношению к колеблющимся, неустойчивым или перешедшим в приватную сферу идеологическим различиям, равно как и по отношению к национальному (республиканскому) или областному горизонту идейно-политических вопросов.

Простая рабочая модель городского социального поведения интеллигенции, которая сформировалась на основании проходивших в регионах обсуждений, наследует некоторые особенности, с одной стороны, *традиционного русского культурного образца интеллигента*, с другой стороны, *релевантна современному социальному опыту представителей интеллектуально активной группы*, тем вопросам,

³⁶ Некоторые сведения об этих течениях можно почерпнуть, например, в работе: Мухаметдинов Р.Ф. Идейно-политические течения в пост-

советском Татарстане (1991–2006). (Сопоставление с опытом Турции). Казань: Тамга, 2006.

которые воспринимаются не как абстрактные и надуманные, но отсылают к кругу актуальных жизненных проблем. Не воспаряя в высокие области мировых и национальных проблем, переделки мира, общества и государства³⁷, эти вопросы в то же время не позволяют интеллектуально-активной группе окончательно замкнуться в кругу исключительно профессиональной деятельности институциональных и корпоративных функций. Тип социального действия, предполагаемый данной моделью, состоит в следующем. Если сохранять некий общий смысл традиционного русского культурного образца интеллигенции, то он может быть сведен к следующей простой формуле: *артикуляция проблем, связанных с общим благом, завершающаяся активностью, выходящей за пределы собственно профессиональной деятельности*. Или в формулировке одного из наших собеседников, говорящего о «пафосе гражданственности» интеллигенции³⁸:

[В адрес интеллигенции] раздается много справедливой критики, у нее есть и плюсы и минусы. Минусы — экстремизм в том, что касается политики, досужие размышления, рыхлость, неспособность к действию. Но и плюсы есть. Есть пафос служения и высококвалифицированной деятельности — не профессиональной, а за пределами естественной сферы. Мне кажется, что эти ресурсы будут востребованы, и не исключено, что интеллигенция — и как понятие, и как социальное явление — в новых условиях может заработать достаточно неожиданно для нас всех. (Дмитрий, Нижний Новгород)

Уточняющий вопрос о масштабах этого общего блага и деятельности «за пределами естественной сферы» возвращает нас к понятию горизонта социального действия, а также других групп, претендующих на реализацию тех же функций. Что касается последнего, то

³⁷ Важность постановки которых здесь не ставится под сомнение. Но по факту необходимо отдавать себе ясный отчет в том, что их обсуждение требует особой среды и инфраструктуры, которая в настоящее время ограничена очень узким кругом, столичной средой.

³⁸ Идея гражданственности, гражданской ангажированности получала у наших собеседников весьма утонченные формулировки: «Видимо, для меня в каком-то смысле идея гражданской ангажированности... восходит к идее Просвещения. Просвещения, понятого, может быть, в особом смысле слова, не как корпус догматических идей. Здесь сохраняется идея разума, точнее, разумов во множественном числе. <...> Сохраняется преданность идее разума и действию с помощью разума в некоем едином пространстве,

которое представляет собой публичное пространство. Оно, конечно, не совпадает с пространством медиа — будь то национальных или интернациональных. Это публичное пространство, наверное, в кантовском смысле этого слова. Это идея сообщества людей, которые говорят от собственного имени перед публичной — мыслящей, читающей, слушающей, смотрящей, не важно, еще какой. Причем не обязательно именно сейчас живущей, речь идет о публичном пространстве истории. Одновременно это пространство явления, где человек являет себя через действие — действие словом и разумом. Таким образом, эта идея Просвещения, где существует группа, слой людей, преданных этой идее публичного использования разумов» (Виктор, Петербург).

у интеллигенции в этом отношении существует постоянное «другое я», *alter ego*, — административный и бюрократический аппарат государства и местной власти, формально-легитимная задача которого заключается в «профессиональном» попечении об общем благе (поэтому не удивительно, что тема «Интеллигенция и власть» является постоянным лейтмотивом обсуждения проблемы интеллигенции). Но если в логику рассмотренных выше типов интеллектуальной активности — интернационального, национального и регионального — необходимым образом вписан вопрос власти и курса власти, что, так сказать, автоматически переводит интеллектуально-активную позицию в разряд «оппозиции» (или «апологетики»), то на городском уровне эта позиция может выступать в другом модусе, а именно в модусе взаимного дополнения и взаимодействия.

Если обратиться к другой особенности традиционного русского образца интеллигенции, то возникает сюжет «народа», понятого как объект просвещения, социальной и политической опеки и т. д. Это понятие «народа» в досоветском контексте имеет и вполне определенный смысл — крестьянство, основная часть населения Российской Империи. Урбанизация, бурными темпами сопровождавшая процесс советской модернизации, фактически ликвидировала эту вторую координату, которая задавала положение интеллигенции в классической русской модели, определяя направление ее интеллектуальной и социальной активности. И одной из возможностей придать этому образцу современный смысл, препятствующий окончательному растворению интеллигенции в профессиональной среде, заключается в том, чтобы поставить на место «народной» деревни именно город, городское пространство и городские проблемы. Поскольку именно *город, полис — это и есть естественная «среда обитания» интеллигенции и интеллектуалов*³⁹. Или, как выразил это один из молодых участников петербургского круглого стола:

Мне, наверное, легче оперировать и вообще говорить о том, сколько применима категория интеллектуала, а не интеллигент. Потому как понятие интеллигент в постсоветское время предстает скорее месивом значений, нежели чем-то

³⁹ Не случайно Рассел Якоби, исследуя процесс затекания интеллектуалов в США, столь большое внимание уделяет исчезновению городской «богемы», оттоку в пригороды («субурбанизация»), а также формированию движений, не связанных с городским пространством — «битников» (beats), колесящих по просторам Америки представителей самых разных движений «потерянного поколения», т. е. процессам, ведущим к исчезновению городской интеллектуальной среды. Если при мерить этот анализ к сегодняшней российской

реальности (в частности, к Москве), то несложно обнаружить современные формы тех же тенденций — отток в пригороды, формирование замкнутых коттеджных поселений, стремление вырваться из города не только у разных неформальных молодежных движений, но и у представителей среднего класса, предпочитающего городской коммуникации туристические поездки, катание на загородных лыжных склонах, автомобильные путешествия выходного дня и т. д.

самоочевидным. А что касается интеллектуала, то мне было бы очень дорого добавить к этому слову определение «публичный». Понятие «публичный интеллектual» для меня неминуемо связано не только с режимом самопрезентации, с участием в дискуссиях, а с некими конкретными активистскими предприятиями, осуществленными в городском пространстве. (Павел, Петербург)

И действительно, разговор об интеллигенции, выдержанный в ностальгических или критических тонах, приобретал совсем другой смысл, когда переходил на почву городских проблем и инициатив. В некоторых городах (и здесь вновь возникает Калининград), оказывается, такого рода активность воспринимается даже как нечто само собой разумеющееся. Приведем фрагмент дискуссии:

Ведущий: В городской, в калининградской среде существуют ли какие-то инициативы, или акции, или мероприятия, которые можно было бы оценить как не ангажированные частным интересом, направленные во благо города, где проявляется общий интерес?

Ольга: Честно говоря, мне настолько не нравится слово «интеллигент»... А что касается активности в Калининграде, то я считаю, что определенная среда здесь достаточно активна. Например, та же история с открыткой⁴⁰... Или вот еще один пример: в прошлом году на 9 Мая у театра реконструкция сквера была, и выяснилось, что прямо около памятника Шиллеру осталось захоронение советских солдат, о которых советская власть еще в начале 70-х отчиталась, что их перенесли в братскую могилу. <...> А делал это поисковый отряд...

Елена: И власти заявили, что если поисковый отряд оплатит ремонт дорожного полотна, то произведут их эксгумацию. И «жизжисты» [пользователи «Живого журнала»] начали скидываться. А потом человек тридцать — не причисляющих себя к интеллигенции — пришли к этому забору, повесили плакат, принесли цветы... Кончилось все хорошо. <...> Городским властям после этой акции стало стыдно, поднялся невообразимый просто шум...

— А в том же году, когда в трехстах метрах от фонтана нашли останки немецких солдат, чем это кончилось?

— А кончилось... Подожди, там кончилось тем, что перенесли на немецкое мемориальное кладбище. <...>

⁴⁰ Упоминается эпизод, когда калининградским ветеранам пришла поздравительная открытка от некоей компании, в которой одновременно предлагалась скидка на ритуальные услуги. Об

этом было написано в «Живом журнале», информация очень быстро попала на центральные каналы телевидения и т. д.

Павел: А как мы опишем ситуацию, когда директор городской библиотеки делает в год два очень приличных литературных фестиваля? И я боюсь, что один из них может оказаться едва ли не лучшим в России. Вопрос: он это делает каким образом, как интеллигент или как директор библиотеки? А я знаю, что такой позиции в России у директоров библиотеки просто нет, это уникальный случай... Это вопрос, и у меня на него нет ответа. <...>

—А вот еще на ваш фестиваль двести тысяч из городского бюджета отстегнули.

Павел: Не двести, а сто...

Елена: И таких случаев сейчас стало очень много. Значит, журналисты раскопали, [газета] «Дворник» раскопала историю с мадам, которая своих детей сдала в детдом, потому что у нее денег не было. И супермегаинтеллигентный, кто там у нас?—Местный банкир подарил. Банкир подарил ей квартиру. <...> И всем стало хорошо: вот какой замечательный и интеллигентный поступок.

Ведущий: Правильно ли я понимаю, что такого рода инициативы получают какую-то обратную связь. В том числе и от городской администрации? В других городах, где мы побывали, ситуация выглядит несколько иначе...

—Да.

—Да, конечно.

Елена: Да, в этом отношении в Калининграде очень хорошо. Это не Омск какой-нибудь... [Смеется.]

Хором: Это не Россия, да. Это не Россия, здесь пока интеллигенцию слушают. Пока. И боятся. [Общий смех.]

В рамках этого обсуждения (приведены не все упомянутые примеры) обращает на себя внимание, во-первых, роль городской газеты, а также — что стало для исследовательской группы неожиданно — Живого журнала в качестве средства мобилизации представителей интеллектуально-активной группы для решения именно городских проблем. В такой же роли в ходе круглого стола упоминался и городской форум (kaliningrad.ru). Интернет-коммуникация компенсирует дефицит городской жизни — проблема, которую отмечают и в Калининграде (здесь с оглядкой на Москву):

Возможно, я по-максималистски считаю. В Москве это все есть, Москва — это средоточие жизни. Здесь это выражено менее, и как правило, люди стремятся переехать опять же в Москву. В этом феномен этого города: конечно, существует какая-то культурная, интеллектуальная жизнь, но дискуссия — она, по сути, не ведется. <...> Люди не спрашивают,

для чего и что также Калининград? Вообще люди очень материальные. Если в городе хорошая погода, то, даже сидя дома, можно почувствовать, что в городе нет никого. Все либо на море, если это лето, или уехали на дачу. (Алексей, Калининград)

В этом рассуждении особенно показательно последнее наблюдение. Опустение города, приписанное здесь «материальности», указывает на уже упомянутый выше процесс субурбанизации, перемещения в пригороды, выступающего как один из факторов разрушения городской интеллектуальной среды. Но в Калининграде этот процесс компенсируется локальным, городским использованием новых коммуникационных возможностей, предоставляемых Интернетом («Живой журнал», городской форум).

Во-вторых, желание и способность активистов вступать в коммуникацию—пусть даже конфликтную и протестную—с городской администрацией. Причем администрация на эти акции реагирует. В силу этого обстоятельства городская интеллектуальная жизнь Калининграда производит впечатление насыщенной.

Эта сравнительно успешная коммуникация представителей интеллектуально-активной группы с городской администрацией не отменяет, однако, весьма негативные оценки состояния городской политической жизни:

—Тут задавлено все так...

—Задавлено кем?

—Кем, кем, той же властью. Смотрите, нко нет как таковых, все деятельность свою притушили. Даже кто активно действовал, фонды эти поразогнали. <...> Общественная эта палатка, она вообще роли никакой не играет. <...> То есть тут третий сектор задушен однозначно. В девяностых это был такой яркий рассвет, тут и газетки выходили, достаточно активно действовали организации. А потом с двухтысячного началось, особенно с две тысячи четвертого, затухание такое. (Ольга, Калининград)

Говоря о «затухании», наша собеседница имеет в виду активную общественно-политическую деятельность областного масштаба, в частности деятельность собственной неправительственной организации, поддерживаемой западными фондами, направленную на вовлечение женщин в общественно-политическую активность как местного, так и областного уровня. Таким образом, сравнительная успешность на городском уровне соседствует здесь с отрицательной оценкой общественно-политических условий для активной позиции на уровне области, реализуемой через политические и выборные механизмы. Эта

оценка является распространенной и в других регионах (в частности, в Казани), хотя хронологические датировки прекращения активной жизни колеблются⁴¹.

Но если мы обратимся к другим городам, оставаясь на уровне городской модели социального действия, то ситуация в Калининграде предстает как сравнительно благополучная. Это относится не только к провинциальным городам, но и к Петербургу. Ситуация оценивается как худшая даже по сравнению с советским периодом:

Я хочу сказать, мы ругали [советскую власть], я первый ругал. <...> А теперь назад прокручиваю... Люди участвуют, масса дел была сделано. Сейчас? Даже смешно! Куда пойти? С кем разговаривать? Никто ни на что не реагирует. <...> Я написал несколько крупных статей об этом в нашем интернет-журнале. И никто не реагирует. <...> Я мимо парткома шел в обком. Люди же понимали, что это не себе же. Это общий вопрос. <...> А сейчас ответственность власти от-сут-ству-ет! Вообще отсутствует. Я не знаю, за что они отвечают. За что? И кто мы? Разве мы горожане? ...Все продуктовые магазины на огромной территории закрыты. Их нет. <...> Открыли какой-то «Арбат-Престиж» [в историческом здании]. <...> Слушайте, какой такой «Арбат», кто это такие? Кто сюда приехал? Кто нами командует? Мы не участвуем! (Александр А., Ростов-на-Дону)

Прозвучавший в данном высказывании мотив «куда пойти?» и «с кем разговаривать?» указывает на одну из проблем, связанную с реализацией городской гражданской активности — отсутствие механизмов и площадок коммуникации с местной властью. В этом, впрочем, далеко не всегда виновата именно власть. Наши собеседники вполне самокритично констатируют собственную организационную несостоятельность на уровне городской активности:

Последний опыт общения с властями был у нас в две тысячи четвертом году, когда мы считали своим долгом поддерживать выборную компанию в депутаты... Для нас было важно проследить, как идут выборы в том округе. Но выяснилось в конце концов, что не нашлось даже каких-то помощников для того, чтобы на каждом участке обеспечить наблюдение. И участков было не так много... А оказалось, что того нет, этого нет, там не сосчитали, здесь кто-то опоздал, кто-то

⁴¹ В Казани, как уже отмечалось выше, в качестве такой даты сворачивания общественно-политической активности называется 1995 год.

не пришел. В общем, такая какая-то несостоятельность по большому счету, а не потому, что власти плохие. <...> Зачастую мои коллеги, мое окружение, те люди, которых мы поддерживали, те люди, которые вышли из диссидентской среды, они, на мой взгляд, оказываются в каких-то значимых, ключевых моментах несостоятельными и неконкурентоспособными. Не только потому, что их дают проклятые большевики, а потому что они сами не тянут. (Татьяна, Петербург)

Особенно остро в связи с городской моделью социальной активности звучит тема отсутствия города как единого целого (что, вообще говоря, является проблемой для всех крупных городов):

Нижний — город очень крупный. В себе он содержит, как минимум, четыре города... сложившихся культурно, исторически. А мы здесь говорим о некоем внутреннем городе. Но когда мы исследовали, например, наш театр, то выяснилось, что это наш Театр оперы и балета — это не театр полуторамиллионного мегаполиса, а театр города с населением 200–250 тысяч человек, то есть одного из районов Нижнего Новгорода. Это проблема всех крупных городов, но в Нижнем она еще и усугублена исторически... Есть Автозаводский район, есть Сормово — отдельная песня. Короче говоря, единой площадки здесь не может быть просто потому, что она нигде не локализована. И потребность в этом не выражена. Нет городского сообщества, достаточного для того, чтобы все это порождать. Плюс Нижний категорически не гуманитарный город... (Сергей Б., Нижний Новгород)

Проблема локализации интеллектуальной среды принимает также форму вопроса о публичных институциональных площадках. Традиционная коммуникативная инфраструктура городской советской интеллигенции, включающая известную «кухню», курилку в библиотеке, университетские и академические пространства, находится в упадке или процессе переструктурирования. Появляются новые коммуникативные площадки (такие, например, как «Умные среды» в новосибирском клубе «Труба»), способные взять на себя функции узлов городской интеллектуальной коммуникации.

Виталий Куренной

6. Институты

Существование рассмотренных социально-интеллектуальных моделей поведения *невозможно* без наличия системы институтов — государственных, коммерческих и некоммерческих организаций (в самом широком смысле этого слова). Они являются формой «объективного духа»¹, основным социально-профессиональным субстратом, на основе которого может реализоваться тот или иной тип дополнительной (социально-эксцентричной) интеллектуальной активности. Представители социально-активной группы связаны с институтами или прямо (как с основным местом работы), или косвенно — как в случае, например, фрилансеров, существование которых предполагает наличие гонорарных СМИ и интернет-ресурсов, проектов, реализуемых на различных институциональных площадках, и т. д.

В нашей выборке не оказалось респондентов, которые имели бы независимый источник существования (например, ренту) и при этом проявляли бы высокую интеллектуальную публичную активность, т. е. фигуры, которая все еще рассматривается как значимая для классической социологии интеллектуалов. В то же время с появлением людей, которые будут материально обеспечены настолько, что смогут иметь действительно самостоятельную позицию, некоторые из наших собеседников связывали надежду на появление нового типа интеллектуалов:

Мне кажется, что... необходимо поднимать вопрос и о качестве самой интеллигенции и интеллектуалов... Мне кажется, что проектная жизнь, она во многом нанесла очень серьезный урон по качеству... Мы пришли к тому, что нет авторитетов в этой среде... которым бы вы доверяли, которые бы из года в год придерживались, ну, какого-то направления, какой-то школы, каких-то принципов, каких-то идейных взглядов. <...> И может быть, перспективы здесь — это ждать, пока [появятся] дети тех богатых, которые... обратятся к интеллектуальному труду. То есть финансовая независимость. Да, вот так: покритиковать царя и уехать к себе в имение, зная, что у тебя все равно есть там несколько душ и ты без крошки хлеба не останешься... Появление вот этого [типа интеллектуалов] при некоторой финансовой независимости

¹ Понятие «объективный дух» принадлежит Гегелю, однако было существенно переосмыслено Вильгельмом Дильтеем, который придал ему вполне операциональный для методологии гуманитарных наук смысл как обективированной

в чувственном мире общности, существующей между индивидами (См.: Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе. М.: Три квадрата, 2004).

оно даст, наверное, конечно, в итоге какое-то качественное изменение, в конечном итоге этот нравственный критерий.
(Нижний Новгород, Наталья)

Но пока такого рода роли в российском обществе в чистом виде не возникли в качестве заметного явления², институты остаются основным социальным субстратом существования интеллектуально активной группы. В рамках настоящего исследования в Москве было проведено несколько круглых столов с представителями различных институтов, одни из которых — согласно критериям выборки — относились к категории публичных³, вторые — к категории центров производства и воспроизводства знания⁴. Эти институты были повсеместно представлены респондентами также и на региональном уровне. Озвученные здесь позиции, безусловно, не являются исчерпывающими, тем не менее отражают ряд основных проблем, связанных фактически с публично-интеллектуальным потенциалом этих институтов. Анализ данных материалов, однако, требует скрупулезной и сквозной работы с полевыми материалами, выходящей за пределы тех сроков и обязательств, которыми ограничен выпуск настоящего издания. Поэтому от детального разбора мы вынуждены здесь отказаться, ограничившись кратким аналитическим резюме.

6.1. Журналы

Система интеллектуальных журналов в России включает два основных исторически сложившихся кластера: 1) старые (существовавшие в советское время) литературные и литературно-публицистические журналы, 2) новые интеллектуальные⁵ и общественно-политические журналы. Большинство журналов на сегодняшний день представлены в Интернете — в качестве самостоятельных сайтов или группами (на площадке «Журнального зала» [magazines.russ.ru], на сайте Интелрос [intelros.ru]).

² Есть, впрочем, основания для того, чтобы сомневаться, что такая позиция вообще возможна в современном обществе. XIX век еще знает фигуру независимого литератора, интеллектуала, который является влиятельной фигурой в интеллектуальном пространстве, но при этом не включен — прямо или опосредовано — в институализированную интеллектуальную деятельность. В XX веке такие фигуры практически исчезают (во всяком случае, из первых рядов интеллектуалов). Вполне вероятно, что характер современной интеллектуальной деятельности (скорость изменений, глубина специализации и т.д.) предполагает необходимое включение в деятельность институтов.

³ «Толстые» литературно-публицистические журналы, современные интеллектуальные и общественно-политические журналы, интернет-ресурсы.

⁴ Университеты, академия, некоммерческие организации. К этой же категории с определенными уточнениями следует отнести и институты Русской православной церкви.

⁵ Разумеется, эта категория не является строго определенной. Ее сравнительно обоснованное содержание можно было бы представить как усредненный перечень изданий, который совпадает при наложении тех списков, которые отдельные интеллектуальные группы рассматривают в

1). Литературные и литературно-публицистические журналы представляют собой — несмотря на серьезные идеологические расхождения⁶ — группу изданий, до сих пор обладающую некоторыми общими типологическими особенностями. Сама длительность существования формирует в данном случае долгосрочную историческую колею как в плане идеологической направленности отдельных изданий, так и в плане организации редакционного процесса (несмотря на то что журналы различаются источниками финансирования⁷, тиражами и т. д.). Участники семинара, где были представлены журналы «Дружба народов», «Знамя», «Москва», «Наш современник», «Новый мир», «Юность», «Октябрь», согласились с высказыванием, что современная ситуация с «толстыми» журналами принципиально отличается от ситуации 1980–1990-х годов, когда «это был действительно рупор не только литературный, но и общественно-политический». Редакции различным образом реагируют на это положение: одни из них стремятся поддерживать и развивать идейно-публицистическую составляющую («Наш современник», «Москва», «Октябрь»), другие, напротив, считают литературу своей основной сохранившейся нишей: «Что касается публицистики, мне кажется, все-таки это не основное направление литературно-художественных изданий» («Юность»). «У нас в нескольких основных журналах очень много было наговорено в период перестройки вот этой самой общественно-политической публицистики. У нас в „Новом мире“, по крайней мере, много лишнего. Но для того, чтобы пасти народы и рассказывать людям, что делать и кто виноват, нужно обладать, по выражению Толстого, какой-то такой энергией заблуждения. Мне кажется, сегодня ее сохранил только „Наш современник“» («Новый мир»). Процесс идеологической нейтрализации — даже в случае тех журналов, которые стремятся поддерживать высокий публицистический накал, — обусловлен двумя структурными факторами:

качестве таковых. Пример одного из таких списков можно найти на сайте Интелрос (intelros.ru), где в этой категории значатся на настоящий момент следующие русскоязычные журналы: «Апология», «Индекс», «Космополис», «Логос», «Неприкосновенный запас», «Неволя», «Политический журнал», «Политик Hall», «Прогнозис», «Русская жизнь», «Русский Журнал», «Следующий шаг», «Фома», «Credo New», «Pro et Contra». Разумеется, этот список (как и любой другой) является спорным в деталях. Некоторые из перечисленных изданий, кроме того, на сегодняшний день прекратили свое существование.

себя как «консервативно-либеральное, либерально-консервативное» издание. «Октябрь» — как «светское» и «либеральное». Представитель редакции журнала «Октябрь» озвучил весьма важное понятие для самоопределения литературно-публицистических журналов, с которым большинство так или иначе согласилось: эстетическая позиция. То есть приверженность качеству, вкусу, стилю редакторской работы. В последнем случае литературно-публицистические журналы ощущают себя хранителями стандартов и традиций, которые все больше утрачиваются современной журнальной и литературной культурой.

⁶ Выделяется, например, ряд национально ориентированных журналов: «Наш современник» определяет себя как «национальный» и «демократический», «Москва» — как «национальный и государственный». «Новый мир» характеризует

⁷ Эта информация не является, кстати сказать, публичной настолько, чтобы ее можно было бы выяснить, например, просто через Интернет. Поэтому требовалось бы специальное исследование этого вопроса.

предпочтениями авторов и изменением установок читательской аудитории. Авторы перестали рассматривать литературные журналы как значимую публичную площадку: «Наиболее значительные современные политические аналитики — культурологи, историософы и так далее — предпочитают в большей степени печататься не в литературных журналах, а в специализированных журналах, в специальных аналитических, политологических журналах, которых сейчас много» («Москва»). «Журнал по природе своей нормативен, он утверждает какие-то нормы и ценности... Ну а современный читатель, как мне кажется, он не хочет, он тяготится этим нормотворчеством, он хочет быть свободным в выборе. Конечно, это его право, это может быть и его достоинство, но мне кажется, что здесь есть и боязнь того, что журнал, предлагая вот эту систему ценностей и ориентиров идеологических, он заставит человека думать» («Наш современник»).

Перспективы дальнейшего существования литературных журналов некоторые из участников связывали, в частности, с наличием в России множества людей, стремящихся реализовать себя на поприще литературного творчества: «Пока существуют в стране люди, которым интересно писать... будут существовать литературные журналы, они никуда не денутся» («Юность»). Отмечалось, правда, что при наличии высокой потребности в литературном творчестве и, соответственно, в обнародовании его плодов потребность в регулярном знакомстве с литературными новинками не настолько высока: «Они [литераторы] не выписывают, они хотят печататься»; «Найти подписчика толстого литературного журнала — даже в сфере литературного сообщества — фактически невозможно» («Знамя»). Одна из наиболее животрепещущих тем в обсуждении была связана с вопросом, каким образом выжить в современных рыночных условиях, как сохранить литературные журналы и тем самым литературу как «самый совершенный интеллектуальный инструмент, выработанный в России» («Дружба народов»). Скромность нынешнего существования литературно-публицистических журналов, выступающая как обратная сторона отсутствия интереса к ним со стороны каких-то могущественных сил (политических или коммерческих), позволяет толстым журналам с достоинством полагать, что из всех средств массовой информации они, пожалуй, единственные, кто никем не ангажирован, кто является действительно независимым.

Приведенные краткие итоги дискуссии позволяют сказать, что в сравнении с 1990-ми и более ранним периодом литературно-публицистические журналы утратили значительную часть своей идеологической составляющей. Даже те журналы, которые продолжают сохранять и развивать идейную публицистику в качестве важного сегмента содержания журнала, констатируют структурные изменения как в системе интеллектуального производства (наличие других информационных площадок, более привлекательных для соответствующей категории авторов), так и в установках читательской аудитории, которая

«хочет быть свободной в выборе» идейных нормативов и не принимает морального руководства со стороны «толстого журнала» — института, на протяжении длительного периода времени игравшего в России роль именно такого поводыря.

2). Ситуация с новыми интеллектуальными и общественно-политическими журналами является — в сравнении со старыми литературно-публицистическими журналами — намного более неоднородной и динамичной. Например, один из журналов («Смысл»), представитель которого участвовал в круглом столе, с тех пор из печати больше не выходил. Такая неоднородность и подвижность может быть объяснена, в частности, отсутствием той самой исторической колеи, которая позволяет старым журналам сравнительно уверенно поддерживать свое существование. Мы ограничимся представлением (весьма неполным) нескольких институциональных позиций в этом спектре, которые представляются нам репрезентативными в качестве предельных случаев, задающих контур этого поля в целом.

Новые журналы можно разделить на две группы: коммерческие (ориентированные на самоокупаемость и прибыль) и дотационные — существующие на деньги известного (или неизвестного) спонсора. В первом случае идеологическая ориентация издания формулируется следующим образом: «Для нас не существует, например, политической цензуры в каком-либо смысле. У нас нет диктатуры какой-то цензорской, но у нас есть диктатура рынка и... вот эти ожидания читателя — их никак не прибьешь... Почему мы ругаем Кремль? Да, это тоже коммерческая стратегия. Потому что как только мы перестаем его ругать, так сразу говорят: „Вы официоз“ и так далее. Потому что людям нужно знать, что мы никому не принадлежим» («Русский репортер»). На вопросы участников круглого стола о возможной скрытой за коммерческой стратегией политической или идеологической установкой прямого ответа, правда, не последовало.

Журналы дотационные следуют более разнообразной и причудливой логике. Так, журнал «Отечественные записки» ставит себе целью осуществление некоторой разновидности программы просвещения: «Чтобы люди-неспециалисты... могли бы получить достаточно глубокие сведения о предмете, не погружаясь глубоко в его специальную терминологию». При этом «задуман журнал как такое всеобъемлющее освещение какой-то темы. Три четверти его и даже четыре пятых иногда составляет такая тема, которая со всех сторон анализируется. Она в каждом номере разная». Решая вытекающую из этой задачи проблему перевода, сотрудник редакции журнала пришел к глубоко критическим выводам относительно нынешнего состояния научного и экспертного сообщества: «Вообще научная среда, из которой должна бы происходить среда экспертная, в советское время глубоко коррумпирована и глубоко развращена. Поэтому нормального экспертного

сообщества нет. Научное и экспертное сообщество глубоко развращено. И на основе этого разврата в условиях открывшейся такой вот свободы и отсутствия цензуры (во всех смыслах) начинают расти всякие... псевдоученые сообщества. Которые друг друга подогревают и, как кукушка хвалит петуха, друг на друга взаимно ссылаются, тем умножают взаимный индекс цитирования. При этом разговор идет всегда на глубоко терминологическом языке. При попытке из этого глубоко терминологического языка перевести нечто на общедоступный человеческий язык — а мы нашего читателя называем рядовым образованным горожанином, который сведущ в других делах, он специалист в другой проблеме, но несведущий в этом, — очень часто под покровом этого терминологического флера не оказывается содержания вообще».

Возможную идеологическую составляющую журнал приобретает, как считает представитель редакции, в силу того, что определенные позиции не могут быть представлены на том уровне экспертной (языковой?) компетенции, который требует от текстов редакция журнала: «Ведя вот такую политику, мы оказываемся политически ангажированным журналом, чего совершенно не входило в наши намерения первоначально. Но оказалось, что на некоторых флангах... нет авторов, которые могли бы эту нишу представить на условиях рационального аргумента». Иначе говоря, «на некоторых флангах нашего общества нет писателей, которые готовы рационально аргументировать. Мы не можем представить некоторые концепции политического развития России, потому что мы, взявши себе такой критерий, некоторые вещи Дугина напечатать не можем». Или: «У меня была идея сделать номер... о русском вопросе, он действительно есть — во многих аспектах и во многих слоях жизни, но мы поняли, что мы не наберем авторов». Правда, один из участников круглого стола, участвовавший в создании журнала на раннем этапе, заметил, что изначально издание отвечало на вполне определенный идеологический заказ⁸. Однако, по мнению представителя нынешнего состава редакции, какая бы то ни было идеология не характерна для журнала в его нынешнем виде.

Журнал «Прогнозис», который является главным образом журналом переводов, видит свое положение в структуре публичного интеллектуального производства иначе: «...как место глубокой теоретической аналитики важных процессов, которые происходят в политическом, социальном, экономическом и интеллектуальном пространстве в мире, в России». Любопытно в данном случае суждение о том, каким образом складывается идеологическая окраска журнала, который также не заявляет никакой идеологической позиции, а скорее стремится сориентировать читателя в тех фундаментальных процессах, которые

⁸ «Изначально журнал был инициирован строго администрацией президента и даже его главой, и поэтому каждый номер журнала нес сугубо политическую функцию и строился тематически

под очередное заседание Госсовета, то есть какая тема будет на очередном госсовете, вот под это должен был делаться номер. И поэтому это был чисто политический и конъюнктурный проект».

протекают в современном мире: «Журнал не преследует никаких политических целей, амбиций или не ищет какого-то прямого политического действия на основании своих материалов... Мы берем ту или иную тему, мы пытаемся сгруппировать в журнале материалы, которые с точки зрения внятной методологической позиции могут дать представление о том, как на самом деле устроено то или иное событие в мире, в экономике, в социальной сфере и так далее. И получается, что значительное количество материалов у нас как раз приходит с левой части спектра — даже не политического, а интеллектуального. Потому что сейчас в мире левый дискурс, будучи отлучен от каких-то политических рычагов и политических возможностей, аккумулирует интеллектуальные методики довольно интенсивно. И он свободен от того неоконсервативного груза, который гасит мыслителей и должен заниматься такой пролонгацией неоконсерватизма».

Существуют, наконец, журналы с четко определенной идеологической и политической позицией. На семинаре таковым оказался журнал «Левая политика», политическая ориентация которого ясна из названия. Необходимость издания была обоснована, в частности, таким образом: «Левый интеллектуальный план не структурирован, в нем нет организованной и серьезной современной дискуссии, он как не структурирован политически, так он не структурирован интеллектуально». Этот журнал нельзя назвать коммерческим, однако крайне скромная себестоимость не позволяет его отнести к журналам чисто дотационным, которые не могли бы выходить в случае исчезновения внешней и весьма весомой по отношению к редакционному коллективу дотации — во всяком случае, ей можно найти замену на уровне субсидирования каких-то проектов или мероприятий, проводимых организаторами журнала⁹. В этом отношении это, пожалуй, один из немногих случаев классического «интеллектуального журнала» западного типа. Несмотря на весьма определенную идеологическую позицию, редактор сформулировал задачу журнала как поддержание определенного уровня плюрализма: «Необходим журнал, журнал, скажем, с определенным уровнем внутреннего плюрализма, не безграничного плюрализма, но определенного, соответствующего уровню дискуссий. То есть чтобы там были не одинаковые по политическим установкам авторы, а причем иногда мы где-то специально людей провоцируем. Вот в том числе статья К. была поставлена в плане некоторой интеллектуальной провокации, потому что я просто знал реакцию некоторых людей, как они среагируют на то, что там К. опирается на Шмитта. Действительно реакция оказалась ровно предсказуемой, то есть вместо того, чтобы обсуждать, что находится в статье, люди начали обсуждать — а могут

⁹ «Мы стали получать на конкретные номера субсидии, в частности, будет номер, посвященный неонацистским движениям, и в основе его лежит конференция, которую мы проводили вме-

сте с группой “Что делать?” и фондом Розы Люксембург в Москве. Соответственно фонд оплатит производство этого номера».

ли левые цитировать Шмитта». На левом фланге также отмечается слабый интеллектуальный потенциал российских авторов: «В какой-нибудь там Германии или Франции вот в этой нише, если говорить о серьезных изданиях, качественных изданиях, ну их четыре, пять, шесть изданий. Соответственно, кто-то будет больше философствовать, больше будет академическим, кто-то будет более политическим, кто-то будет более сектантским, кто-то более открытым. А в России просто нет интеллектуального ресурса, чтобы делать пять или шесть изданий, да и финансовых ресурсов у левых такого нет. Значит, соответственно, нужно делать один журнал, который бы, так сказать, немножко удовлетворял этим разным потребностям. В итоге на самом деле на сегодняшний мы обнаруживаем, что все немножко недовольны».

Если резюмировать представленные здесь позиции, то за исключением «Левой политики» все журналы стремятся декларировать свою нейтральную идеологическую ориентацию¹⁰ и тем более не ориентированы на какой бы то ни было вид социальной активности. Некоторые ясные тем не менее для читателя идейные «крены» своих нейтральных, согласно декларируемым установкам, изданий представители редакций склонны объяснять не ангажированностью или идейной позицией, а факторами иного рода — возможностью получить качественный, с точки зрения редакторского коллектива, текст, содержательностью и глубиной аналитики или, наконец, соображениями сугубо коммерческого характера.

Своего читателя современные интеллектуальные и общественно-политические журналы представляют весьма пестро и даже разноречиво. Сюда входят и левые активисты, и средний класс, и ученые, и люди, «принимающие решения», и образованные горожане. Приведем одно из суждений на этот счет. Читатель интеллектуального журнала, заметил один из участников круглого стола, — это не человек, читающий из практического или научного интереса (для «подготовки диссертации»), но тот, кому какие-то проблемы интересны сами по себе. То есть свободный человек, имеющий определенный «досуг»: «Это как раз это и есть тот слой, на который на самом деле должны ориентироваться журналы, но который сокращается. <...> В этом смысле я... совершенно не согласен, что журналы могут какое-то значение приобретать, наоборот, они все меньше значения имеют. Потому что досуга все меньше, информационные потоки все активней и интенсивней, причем эти информационные потоки должны быть канонизированы в сугубо профессиональное русло». Таким образом, профессионализация информации — это одна из серьезнейших угроз для будущего интеллектуальных журналов.

¹⁰ К этим заявлениям, конечно, следует отнести рефлексивно: не исключено, что декларирование такого рода ориентации обусловлено произ-

водством высказывания в публичном пространстве круглого стола.

Таблица 1. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ,
входящие в круг чтения респондентов
(по результатам анкетирования, в порядке убывания)

«Коммерсант»

«Эксперт»

«Ведомости»

«Независимая газета», «Российская газета»

«Новая газета»

«Власть», «Логос», «Полис», «Русский Newsweek»

«Неприкосновенный запас», «Новое литературное обозрение»

«Известия»

The New Times

«АиФ», «Вопросы философии», «Социс», «Русский репортер»

«Вечерняя Казань», «Знамя», газеты, периодика, деловая пресса

Economist, «Время новостей», «Литературная газета», «Политический журнал», «Итоги», «Новый мир», толстые литературные журналы

NY Times, «Комсомольская правда», газета «Культура», «Новый регион», The Moscow Times, «Космополис», «Вокруг Света», «Завтра», «Конкурент», «Смысл», «Прогнозис», «Профиль», «Дружба народов», «Отечественные записки»

«Тульские известия», «Альфа и Омега», журналы Московской Патриархии, «Континент», местные газеты, «Новое время», «Российская археология», «Советская Сибирь», «Социологический журнал», «Спорт-Экспресс», Jane's Defence, «Академия», «Альтернатива», «Социальная реальность», «Человек», «Государственная служба», «Философские науки», New Life Review, «Биржа Нижний Новгород», «Журнал российского права», «Волна», «Дело», «День», «Журнал исследований социальной политики», «Звезда», «Культура», «Общественные науки и современность», «Политический класс», «Психология», Le Nouvel Observateur, Rand, «Аргументы недели», «Арт-менеджер», «Свободная мысль», The Time, «Вопросы истории», издания Центра Карнеги, «Новосибирские новости», «Правда», «Русская жизнь», «Художественный журнал», Le Point, Pro et Contra, «Зеркало недели», «Россия в глобальной политике», «Страстной бульвар», Smart Money, «Вопросы истории естествознания и техники», «Искусство кино», «Москва», «Огонек», «Политическая наука», «Бюллетень Верховного Суда», «Петербургский театральный журнал», «Новые Известия», «Станиславский», «Государство и право», все калининградские газеты, научные журналы

6.2. Университет и академия

Обсуждение идейной стороны университетского образования и публичной функции университета и академии в рамках круглых столов, организованных в Москве, проводилось с приглашением представителей ряда московских университетов и академических институтов (АНХ, ГУ–ВШЭ, Институт социологии РАН, Институт философии РАН, МВШСЭН, МГИМО, МГУ, РГГУ, РУДН). Зафиксируем лишь некоторые итоги этих дискуссий. При обсуждении университетской проблематики разговор строился вокруг двух вопросов: выполняет ли современный университет мировоззренческую функцию и играет ли он роль публичного института? В связи с первым вопросом отмечалось, что коммерциализация образования превращает университет в предприятие сферы услуг, лишает университет его автономной «миссии». Дилемма университета как мировоззренческого института и университета как предприятия сферы услуг, формирующего у потребителя определенный набор востребованных на рынке труда «компетенций», была резюмирована как дилемма «Университета Шиллера» и «Университета зубной пасты». Однако дискуссия по этому вопросу довольно быстро переместилась в более привычное для университетского сообщества русло — в плоскость обсуждения конфликта «фундаментального» знания и полезных «компетенций», который участники предлагали различным образом гармонично разрешить. Фундаментальная составляющая образования, по мнению ряда участников, формирует пространство автономии университета, а также позволяет студентам приобщиться к более глубокому взгляду на мир.

Второй вопрос о публичной роли университета разделил участников: одни сетовали на то, что университет не является в целом публичным институтом (публичными фигурами являются лишь отдельные члены университетской корпорации):

В погоне за дележом абитуриентов и магистерских программ университеты фактически забыли, что помимо образовательных задач есть еще и публичные. (Валерия К.)

С другой стороны, была заявлена позиция, согласно которой университет и не должен играть никакой публичной роли:

Всякое навязывание университету публичной миссии, даже в таком безобидном вопросе — является ли он рупором общества и какова его роль в гражданском обществе как таковом, — это, с одной стороны, убийство университетской миссии, а с другой стороны, оно происходит, но только в тот момент, когда университет университетом уже не является. (Виктор В.)

Позиция, согласно которой университет и академия не должны представлять собой пространство, являющееся прямым продолжением пространства общественно-политической борьбы, неоднократно четко озвучивалась на московских круглых столах. Приведем одно из таких убедительно прозвучавших высказываний участника второго круглого стола:

Научный этос—он замкнут сам на себя и довольно сложен для воспроизводства. Нужны очень большие усилия для того, что бы следовать хотя бы элементарным нормам критического мышления... Это очень сложно сделать. Но как только у нас возникает представление о том, что мы не только научные сотрудники, но еще и граждане, гражданская позиция убивает [научную] за счет того, что она обладает большим потенциалом выживаемости. Примеров здесь масса. Самый такой яркий пример из социологической жизни, тут не надо даже на наших смотреть, это Гидденс. Как только он стал публичной фигурой и занял позицию, как только у него действительно началась сильная политическая и публикационная активность,—он для всех научных сотрудников умер как теоретик. То есть ничего стоящего, после того как он перешел на политическую арену, он уже не написал и написать не мог. Лучшее, что он сделал,—это компиляция учебников, да и то на прошлом опыте. И точно так же, я думаю, эту ситуацию воспроизводит любой научный сотрудник, выходящий на политическую арену. И даже те имена, которые мы можем называть там завкафедрой,—это тоже публичные фигуры. Научная составляющая у них—это эксплуатация прошлого опыта. Успели они наработать что-то, когда они были аспирантами. <...> Странно, что на передовых рубежах обычно находятся младшие научные сотрудники, аспиранты, ну, в лучшем случае, кандидат наук—если они еще посты какие-то не заняли, то есть могут в библиотеках сидеть. А все остальное—это выхолащивание прежнего опыта, безжалостная его эксплуатация... Задача состоит в том, чтобы чуть powyше удержать научный потенциал на этой передовой, вот в этих траншеях. То есть у нас проблема как возникает? Как только человек наработал некоторый опыт, сформировал... мышление таким образом, что может работать в некоторой [научной] школе, он тут же выпадает в некоторую административную позицию и начинает играть вот в эти мировоззренческие игры. И отсюда эти крики: «У нас нет теоретической социологии, у нас нет теории собственной, у нас нет школ собственных». Почему нет? Потому что та когорта людей, которая должна создавать защитный пояс,

они эту свою роль проваливают. И тогда у нас возникают все эти разговоры о публичности-непубличности научного сотрудника, о включении его в медийное пространство и так далее. Хотя сразу можно сказать — это смерть для любой научной работы. Чтобы бы мы там ни говорили, мы из эпохи Просвещения не вышли: научная работа — она библиотечная. (Дмитрий Р.)

Таким образом, среди научного и университетского сообщества весьма энергично заявляется позиция, которая выступает за четкое разделение университетского (научного) и публичного (идеологического) пространства¹¹. Причем данная позиция является сложной: речь может идти не только о необходимости разделения этих пространств как предпосылки сохранения «научного этоса», но и о том, что интервенция в университет публично-идеологической составляющей уничтожает «миссию» университета, выполнение которой связано с автономией и возможностью обращаться к фундаментальным научным знаниям.

Применительно к университетскому и академическому сообществу можно констатировать наличие сходной, хотя и иным образом выстроенной и аргументированной фигуры речи, которая уже была описана выше (§ 2), в связи с общими, институционально не локализованными обсуждениями проблемы интеллигенции. Если в последнем случае «интеллигент» как носитель моральных норм устойчиво противопоставляется «интеллектуалу» как носителю ценностно-нейтральных профессиональных компетенций, то в случае университетского и академического контекста «научный работник» противопоставляется «интеллектуалу» как роли, несовместимой с профессиональной научной деятельностью.

Глубокое погружение в профессиональную научную деятельность связывалось некоторыми нашими собеседниками также с определенным социальным опытом, который можно определить как произошедшую в прошлом фрустрацию смысла публичной (политической) деятельности. Приведем фрагмент одного биографического повествования такого рода:

¹¹ Эта позиция порождает, разумеется, ряд вопросов. В какой именно мере научный работник должен остерегаться проявления публичной гражданской позиции? Всякая ли гражданская позиция грозит разрушить его «научный этос» или только некоторые ее разновидности? Безопасно ли ученому, например, присоединиться к протесту против точечной застройки или против исчезновения редкого вида пингвинов? Может ли он поставить подпись под какой-то гражданской или политической инициативой?

Или ему следует избегать выступлений только в газетах или, скажем, по телевидению? Если говорить в категориях, предложенных в настоящем исследовании, то какой именно модели публичной интеллектуальной активности ему следует прежде всего избегать: интернациональной, национальной, региональной или городской? Считать ли все еще ученым Макса Вебера, который вел бурную публичную и политическую деятельность, или эта проблема какая-то избирательная?

В восемнадцать лет я стал членом партии «Яблоко», а на выборах две тысячи третьего года возглавлял аналитический центр этой партии. И это была очень активная политическая борьба... [Потом] произошел какой-то такой слом... работа... в политической сфере потеряла ценность, осталась в качестве такого [само]определения, как «левый либерал». После этого был шаг в аполитичную, принципиально дистанцированную от всякого политического обсуждения и соответственно непубличную научную работу. Этот идеал такой непубличной, замкнутой сектантской научной работы, это, наверное, сейчас гораздо более важная для меня ценность, чем ценность левого либерализма или победы «Единой России» в целом. <...> Я не связываю это с положением в стране, а связываю со своим биографическими вещами. Но уход из публичной сферы в сферу замкнутую — вот это, пожалуй, такой главный тренд, который, нужно сказать, произошел со мной в эти последние шесть-семь лет. (Виктор В., Москва)

Собеседник не склонен обобщать свой опыт, ссылаясь скорее на биографические причины или факторы, значимые для своего собственного поколения («тридцатилетние плюс-минус три — пять лет»). Но указание на исчезновение или сокращение политического пространства активности рассматривается как фактор исчезновения возможности или утраты интереса к публичной интеллектуальной активности и людьми других поколений. Например, наш собеседник в Казани (56 лет), погруженный в настоящее время в научную и образовательную деятельность, на вопрос о причинах исчезновения общественно активной интеллигенции указывает два фактора:

Первое — это то, что нас поставили в положение очень нехорошей буквой «Г» на садово-огородных участках... Вообще, мы вынуждены заниматься самосверхэксплуатацией, в пяти — десяти местах люди бегают, подрабатывают, только чтобы выжить. И это ж при Ельцине началось. И при этом многие вынуждены были переквалифицироваться в управдомы, так сказать, то есть заняться рыночной деятельностью, им не до этого. Это первое, главная причина. А второе — это постепенное укрепление режима Шаймиева, который начал душить, давить всякую оппозицию разными способами. (Владимир, Казань)

На первый взгляд, отмеченный в приведенном высказывании фактор высокой профессиональной самоэксплуатации «в пяти — десяти местах» не имеет прямого отношения к теме «замкнутой сектантской научной работы». Однако следует учитывать различие контекстов (в данном случае также и региональных): университетская и академическая

профессионализация может быть как экстенсивной (подработки лекциями во множестве вузов), так и интенсивной (открывая, в частности, возможность доступа к участию в научных проектах, к научным грантам и т. д.). Поэтому, на наш взгляд, в определенной плоскости допустимо рассматривать эти две стратегии профессионализации как явления одного порядка. Но в таком случае свертывание публичной интеллектуальной активности происходит таким же образом, как оно описывается в общих разговорах об исчезновении «интеллигенции» и замене ее ценностно-нейтральными, компетентными и профессиональными «интеллектуалами». Профессионализм, востребованный этими типами рынков (преподавательской работы, строго научной карьеры), работает как механизм нейтрализации публичной ценностной и идеологической ангажированности.

6.3. Интернет

Интернет и интернет-ресурсы можно отнести к категории «институтов» лишь условно, по меньшей мере — с очень существенными оговорками¹². Но мы считаем это возможным, поскольку в русском Интернете наличествуют, например, общественно-политические и экспертные ресурсы, воспроизводящиеся на протяжении длительного периода времени.

К участию в круглом столе, посвященном интеллектуально-публичной роли Интернета, были приглашены представители самых разных типов сетевых ресурсов: блогер-«тысячник» из «Живого журнала» (livejournal.com), представители редакций общественно-политических изданий (polit.ru, russ.ru), экспертного портала (eurasianhome.org), профессионально ориентированного сайта (lawfirm.ru). Участники, кроме того, включены и хорошо ориентировались в различных сетевых ресурсах (vkontakte.ru, odnoklassniki.ru и др.).

К наиболее заметным результатам состоявшейся дискуссии можно отнести обнаружение глубоких различий в коммуникативном поведении аудиторий различных ресурсов. Корпоративные юристы ведут себя фундаментально иным образом, чем завзятые посетители «Живого журнала» или авторы и читатели специализированного экспертного ресурса (хотя сама по себе среда Интернета, на первый взгляд, кажется однородной — практически в любую ее часть можно попасть моментально). Посредством Интернета реализовать себя способны самые разнообразные формы и стратегии коммуникации. Что даже заставляет сомневаться в какой-то его особой коммуникативной

¹² Например, к институту, формально определяемому как структура, независимая от составляющих его конкретных людей, по определению не может быть отнесено большинство блогов. Однако мы еще плохо представляем собой логику

функционирования и возможности этого медиа — вполне возможно, что Интернет стимулирует и новую рефлексию относительно характера возможных институтов.

специфике. Или, как выразился один из участников круглого стола (которого можно отнести к патриархам общественно-политического Рунета), Интернет «просто-напросто является совершенно обычной, очередной коммуникационной средой, коммуникационным инструментом — дальше мы от этой позиции не ушли». В то же время трудно отрицать, что этот инструмент не просто используется для самых разных типов коммуникации, но и создает новые, дополнительные эффекты и коммуникативные возможности (скоростные, пространственные, «мобилизационные» и т. д.).

Для человека, строящего свои обобщения на материале блогов, представляется очевидным, что сетевая коммуникация отличается от обычной. В частности, потому, что она лишена традиционных социальных и статусных иерархий (хотя и порождает свои собственные их аналоги). Поэтому «традиционные понятия „интеллектуальность“, „интеллигентность“... уже в этой среде не работают, как, собственно, не работает привычное противопоставление публичного и частного». Существенно иначе выглядит коммуникация с точки зрения редактора экспертного ресурса. Такой сайт функционирует в том числе и как площадка предъявления и подтверждения экспертного статуса авторов, мало чем отличаясь в этом отношении от других экспертных коммуникативных площадок. Например, авторы могут стремиться опубликоваться на таком ресурсе только для того, «чтобы себя засветить и засветить свое мнение». Профессиональное, «цеховое» сообщество юристов использует Интернет иначе: как сравнительно замкнутую от посторонних форму общения людей, близких по образу жизни, кругу обсуждаемых вопросов и, возможно, по социально-психологическим особенностям, накладываемых своей профессией. Интернет-форум выполняет роль площадки неформальной коммуникации, где профессиональные статусы являются далеко не маловажными, закрывая доступ для посторонних. Эта коммуникация свободно перетекает в офлайновые встречи, имеющие такой же клубный характер.

Активно обсуждался вопрос о том, может ли Интернет как средство коммуникации выполнять социально-консолидирующую функцию. С одной стороны, отмечалась необычайно возросшая роль сетевых ресурсов («Живого журнала» и ресурса «В контакте») в организации социальных и политических акций в разных уголках России. С другой стороны, вопрос о том, способны ли выполнять такую роль «большие» общественно-политические ресурсы, не имел ясного ответа. Если не считать таковым утверждение, что, например, один из этих ресурсов внес серьезный вклад в победу на выборах нынешнего Президента России¹³ (возможно, это и так, но такого рода утверждения невозможно

¹³ На такое утверждение за круглым столом последовал, конечно, молниеносный вопрос: «То есть Медведев — это вашими усилиями?!»

верифицировать). Такого рода большие и долгосрочно существующие площадки оказывают, скорее, «влияние», но не могут (или не стремятся) выступать в качестве институционализированных инструментов консолидации интеллектуальных ресурсов в рамках какой-то определенной модели социального действия. Наиболее оживленные моменты дискуссии пришлось на обсуждение технических вопросов (старый «движок» и т. п.) и проблем финансирования (рекламы)¹⁴.

Что касается оценок роли Интернета в рамках полевого исследования в целом, то наши собеседники регулярно отмечали его необычайно возросшую коммуникативную роль и организационные возможности. В то же время по характеру предпочитаемых коммуникативных площадок можно выдвинуть следующую гипотезу: наиболее привлекательны нейтральные ресурсы, представляющие собой удобный набор инструментов для коммуникации. Такого рода ресурсы, конечно, также являются «содержательными», поскольку, по крайней мере, оптимизируются создателями под определенную модель коммуникации. Но, как заметил один из участников московского круглого стола: «Блоги, в сущности, та же коммуникационная среда. Вообще, все равно, где она находится — на „Одноклассниках“, не на „Одноклассниках“».

Формой интеллектуальной консолидации, а также инструментом коммуникации, способным произвести какую-то форму социальной активности (прежде всего — в рамках городской модели социальной активности), в настоящее время являются, как уже отмечалось, «Живой журнал» и сайт «В контакте»¹⁵. В некоторых городах, в частности в Калининграде, такую роль выполняют также городские форумы, которые регулярно посещает городское сообщество. Видимо, принципиальным здесь является все тот же фактор — неангажированный характер коммуникативной площадки¹⁶. Известные общественно-политические сайты, однако, в качестве таковых не воспринимаются. В разных регионах был отмечен, например, высокий интерес представителей интеллектуально-активной группы к лекциям и семинарам, которые публикуются на сайте polit.ru. Для многих они выступают важнейшим инструментом ориентации в актуальных российских общественно-политических вопросах и дискуссиях. Эта

¹⁴ В отличие от коммерческих проектов, живущих за счет рекламы, проблема источников существования общественно-политических порталов во многом «покрыта завесой тайны». Мы можем лишь констатировать наличие взаимного недоверия в этих вопросах, выражавшегося, конечно, сугубо кулуарно. И действительно, заходя на крупные общественно-политические ресурсы, посетитель не обнаруживает там никакой информации о том, за счет чего они существуют.

¹⁵ При этом предпочтение того или иного ресурса отчетливо дифференцировано по городам — это скорее городская мода. В Калининграде, например, предпочитают «Живой журнал», в Казани — возможности сайта «В контакте».

¹⁶ Настоящий бум блогов можно также проинтерпретировать как показатель стремления уйти из сферы институционально и корпоративно организованной коммуникации. Подобно тому как люди предпочитают стоять в пробках в личных автомобилях — лишь бы не пользоваться коллективными формами транспорта.

привлекательность предположительно обусловлена удачно найденной формой представления этих лекций, которые проводятся на нейтральной, не принадлежащей какой-то институции или корпорации площадке клуба «Билингва» и просто размещаются на указанном сайте «как есть». В лекциях и семинарах участвуют представители самых разных институтов и организаций, но важен момент «ничейности» самой площадки, что в соответствии с предложенной здесь гипотезой и вызывает высокую степень доверия к этим мероприятиям.

*Таблица 2. ИНТЕРНЕТ-САЙТЫ,
ПОСЕЩАЕМЫЕ РЕСПОНДЕНТАМИ
(по результатам анкетирования, в порядке убывания)*

Новостные разделы поисковых порталов

polit.ru

gazeta.ru

lenta.ru

apn.ru

russ.ru

rbc.ru

livejournal.com

grani.ru, newsru.com, regnum.ru, vzglyad.ru, yandex.ru

babr.ru, inosmi.ru, rambler.ru, google.ru

expert.ru, eurasianhome.org

ej.ru, frip.ru, hro.org, mail.ru, pravoslavie.ru, rugrad.eu, vkontakte.ru, inopressa.ru, ng.ru, rusk.ru, ura.ru, fontanka.ru, kaliningrad.ru, bookforum.com, официальные сайты государственных органов, электронные библиотеки

gazeta.kz, intergrum.ru, kredo.ru, kremlin.ru, magazines.russ.ru, ngs.ru, novayagazeta.ru, rusdoctrina.ru, The Independent online, korrespondent.net, ferghana.ru, suglov.ru, aldana.ru, arheologi.ru, chtenie-21.ru, Frankfurter Allgemeine Zeitung online, kuraev.ru, pablik.ru, politcom.ru, politua.ru, rapn.ru, religare.ru, demoscope.ru, hse.ru, izvestia.ru, sedmitza.ru, smi.ru, sports.ru, vedomosti.ru, yahoo.com, zn.ru, aglob.ru, asi.org.ru, kreml.org, lib.ru, spiegel.de, tatcenter.ru, vremya.ru, uralpolit.ru, anthropology.ru, donorsforum.ru, imhonet.ru, politkom.ru, tatar-inform.ru, duma.gov.ru, infoasia.ru, kommersant.ru, rpg.nsk.ru, asia-plus.ru, council.gov.ru, gumer.info, regions.ru, hospitalityclub.org, интернет-поисковики, сайты университетов, сайты региональных СМИ

6.4. Некоммерческие организации

На московском круглом столе с участием представителей нко были представлены «Агентство социальной информации», «Форум доноров», фонд «Наследие Евразии», фонд «индем», а также участники, имевшие опыт создания нко в регионах (в частности, в Томске). Зафиксируем основные моменты этой дискуссии.

Один из основных вопросов круглого стола звучал следующим образом: кто является субъектом формирования запроса на деятельность некоммерческих организаций? Вариантов ответа на этот вопрос было несколько, хотя, по мнению участников, единого источника формирования запроса на деятельность неправительственных организаций не существовало и не существует.

Согласно одной из предложенных моделей («индем»), поставленный вопрос следует рассматривать в пространстве координат, заданном двумя субъектами: «Государство—это сфера порядка, а общество—это сфера хаоса». Когда советский период закончился, множество людей покинуло государственные институты, создавая собственные организации, включая интеллектуально-экспертные центры. Общественный полюс выступает в этом пространстве как источник инноваций, которые нужны в том числе и государству. В этой системе значимыми являются также такие субъекты, как бизнес и международные организации. Однако в настоящее время «государство в этой своей идеологической борьбе с хаосом... стремится зарегулировать этот противоположный фон, тем самым, естественно, лишая себя инновационного потенциала, в том числе и кадрового потенциала». Эта тенденция к регулированию в настоящее время нарастает: «Бизнес уже все, отрегулирован полностью, международные организации выведены за скобки, осталось слегка трепыхающееся вот это хаотическое болото общественных организаций, которые хотят оставаться в этом своем любимом хаосе. А естественно, власти этот хаос не нравится. Потому что что такое хаос? Это значит, они независимы, они неподконтрольны».

В ходе дискуссии было высказано, однако, некоторое сомнение в том, что в современной ситуации общество действительно способно бурлить инновационными начинаниями, руководствуясь исключительно своими собственными спонтанными разнонаправленными интересами, которым достаточно просто не препятствовать,—для этого оно слишком зависимо от рынка и того же государства. В этом же контексте прозвучало также уточнение, что, например, в США источником запроса на деятельность нко выступают не локальные группы или отдельные индивиды, а «общество в целом». Оно хотя и структурировано группами интересов, но «их настолько критически много, этих групп, что можно сказать, что это общество уже в целом, потому что там практически каждый человек так или иначе задействован в нескольких общественных организациях» (Мария К.).

Другие участники пошли по пути детализации и уточнения той системы координат, в рамках которой разворачивается деятельность некоммерческих организаций. В частности, на основании данных проведенных исследований была озвучена позиция («Агентство социальной информации»), согласно которой «нко — это у нас отдельная штука, а люди отдельно». Общественные организации являются представителями «не общества в целом», а «каких-то ограниченных групп». Возможно, активность общества «проявляется в чем-то другом, не в нко». Хотя общество является (должно являться?) основным источником запроса на деятельность нко, в России «критическая масса» для такого запроса пока не сформировалась. Есть «некоторые отдельные позитивные тенденции, которые пока даже не отслеживаются на уровне количественных исследований. <...> Они на уровне скорее качества и... индивидуального ощущения — что все-таки тут какие-то перемены происходят и... этот запрос как-то проникает... Но пока все равно это все не переросло какой-то критический рубеж». В качестве второго по значимости субъекта формирования запроса на деятельность нко та же участница назвала «международные организации», сыгравшие важнейшую роль в формировании системы российских нко, «если говорить о девяностых». Сейчас, однако, ситуация меняется, поскольку все более значительную активность проявляет российское государство: «У нас власть тоже выступает как источник этого запроса. И это выражается на разных уровнях — и на уровне деклараций, и на уровне создания институтов, таких как Общественная палата, и на уровне финансовой поддержки [неправительственных организаций]». Еще одним субъектом, заинтересованным в деятельности нко, является бизнес. Правда, до недавнего времени «бизнес... тут вообще не формировал никакого запроса». Но и сейчас эту активность трудно зафиксировать объективно. Было высказано предположение, что если провести соответствующее исследование, то бизнес «не выявится как источник запроса». Но ситуация меняется с экспертной, включенной точки зрения: «На уровне экспертном... мы видим уже, что в какой-то мере бизнес начинает формировать тоже свой запрос на существование нко». Эта заинтересованность обусловлена тем, что бизнес нуждается в нко как «субподрядчиках и профессиональных исполнителях каких-то социальных программ, как посредниках в диалоге с местным сообществом», а также в качестве «посредников в диалоге с властью» и реализации тех проектов, в которых бизнес-структуры не чувствуют себя уверенно без поддержки соответствующих профессионалов».

По характеру приведенных высказываний нетрудно заметить, что нко в случае, например, запроса на их деятельность востребованы в роли профессионалов, компетентных исполнителей определенного рода задач. Это отличает также и тот запрос, который исходит от современного российского государства — оно заинтересовано прежде всего в социально полезных услугах некоммерческих организаций:

«Хочется, чтобы для них возникли „нормальные“ общественные организации — те, которые заняты бездетными матерями, безматерними детьми», чтобы эти организации занимались тем, «до чего руки у государства не дошли... Вот тогда это хорошие [организации]. А те, которые этим не заняты... их надо регулировать» («ИНДЕМ»).

Представительница «Форума доноров» пошла по пути дальнейшей конкретизации структуры субъектов, стимулирующих деятельность нко. Здесь эта структура приобрела форму пирамиды, где фигурирует «государство», «бизнес», «граждане» и, кроме того, сми. Однако эта пирамида в настоящее время является диспропорциональной: «Про граждан я бы сказала — у меня граждане на последнем месте» (по активности запроса). Государство является наиболее активным игроком. И прежде всего как инстанция, стремящаяся структурировать пространство деятельности нко — как с точки зрения законодательства, так и с точки зрения финансирования.

Прежде чем продолжить эту реплику, в качестве примечания к сказанному мы приведем суждение представителя одной из калининградских общественных организаций по поводу новейших инициатив государства в сфере законодательного структурирования их деятельности: *«Я смотрю на эти вещи, выражаясь старомодным языком, диалектически... Например, знаменитая инициатива по поводу внесения изменений в закон, касающийся деятельности некоммерческих организаций. Была большая кампания общественная. Правозащитники были возмущены, было давление западное. Мне представлялось и представляется, что имело место некоторое преувеличение опасности, и, собственно, это оправдалось. Потому что все, кто вменяем, сдают эти несчастные отчеты. Какое-то время трудозатраты какие-то прибавились, но это не критично, ничего в этом экстремального нет. С другой стороны, какое-то усиление давления со стороны власти, давление в любой форме, в данном случае в виде каких-то законодательных ограничений, излишних каких-то требований законодательных, оно при всех наших желаниях, чтобы давление не имело место, тем не менее призвано диалектически сделать сильнее эти организации. Это вызов какой-то, это вызов в отношении стабильности этих организаций, в отношении их корпоративной солидарности между собой. Это давление в действительности должно привести к усилению этих организаций, а не к ослаблению»* (Илья, Калининград).

Продолжая свое выступление, представительница «Форума доноров» заметила, что некоторые содержательные моменты в активности государства в сфере нко все же есть. В частности, оно проявляет

заинтересованность в общественном посреднике, который взялся бы реализовывать те социальные функции, которые стремится снять с себя государство: «там должен сидеть некий некоммерческий условно посредник, который это финансирование будет привлекать и поддерживать эту социальную сферу». К этому же ряду относится и отмечаемое стремление опереться на нко для снятия очагов общественной напряженности: «Есть, например, желание, чтобы было все спокойно и не возникало каких-то резких очагов... активности. Давайте мы лучше создадим такие квазиактивные центры, которые будут это снимать». Было замечено также, что нко в вопросе сотрудничества с государством далеки от идейной щепетильности: «Мы, когда слышим слово „финансирование“, очень готовы сотрудничать, в том числе и с властью. И значит, пойти внутри на некий внутренний компромисс и сказать, что мы за эти деньги свое все равно сделаем. Ну и так ладно, чего-нибудь кому-нибудь еще поделаем». На второе место по значимости в этом выступлении был поставлен бизнес, в особенности программы «партнерства», что, конечно, прозвучало как полемическая поправка к предыдущему выступлению. На вопрос, не является ли активность в сфере реализации программ партнерства также следствием политики государства, оказывающего соответствующее давление на бизнес, было отмечено, что, пожалуй, это заслуга именно нко («я считаю, что это мы бизнес научили»). Уже отмеченный минимальный запрос со стороны граждан на деятельность нко объясняется, в свою очередь, тем, что «они [граждане и общество] считают, что в принципе не нужны некоммерческие организации, и если что-то надо, то надо сделать напрямую. А лучшее у нас в социальной сфере — это, как известно, государство».

Время от времени эти аналитические рассуждения прорывались весьма резкими и эмоциональными замечаниями относительно деятельности государства. Например: «У нашего государства сейчас существует следующая задача: задушить все эти некоммерческие организации, которые реально решают проблемы граждан, защищают граждан, ну какие бы то ни было, не обязательно политические». Звучала и тема имитации, которая широко представлена в числе оценок социально-политической ситуации (см. соответствующий раздел ниже). Например: «Оно [государство] занимается имитацией в этой сфере, то есть оно хочет придушить тех, кто чем-то настоящим занимается, но оно хочет симитировать, что гражданское общество есть, некоммерческие организации есть и вот такая имитация» (Мария К.). В продолжение этих высказываний говорилось о том, что гражданская инициатива достигает организационного уровня прежде всего как реакция на определенные действия государства или рынка. Речь идет о гражданах, «чьи прагматические интересы затронуты. Ну, понятно, леворульные машины [государство пыталось] отменить... Обманутые вкладчики... Дольщики жилья... То есть с людьми поступили по-бандитски, они... как-то

объединились. Вот такой есть запрос, то есть он очень небольшой и связан с прагматическими интересами людей. С другой стороны, есть запрос от тех людей, против которых государство совершило преступление. Самый яркий пример тут — это «Голос Беслана», «Норд-Ост», «Комитет против пыток» и прочее и прочее». Признавалось, однако, что общественным инициативам препятствует прежде всего индивидуалистическая модель поведения российских граждан: «В общем и целом, конечно, от общества нет никакого запроса, потому что люди предпочитают индивидуально решать свои проблемы, а не объединяться. [Например], дать взятку, чтобы сын не пошел в армию. Вот они будут с большим презрением относиться к Комитету солдатских матерей... То есть они индивидуально решают: дать взятку, сын не пойдет в армию — и все. Остальное меня не касается, что кого-то там в этой армии пытали, мальчишки самоубийством заканчивают... главное — чтобы мой сын туда не пошел, индивидуально».

Анализ новых форм запроса со стороны бизнеса продолжился в выступлении представителя фонда «Наследие Евразии». С точки зрения фонда, представляющего собой аналитический и экспертный мозговой центр, интерес к нко проявляет в первую очередь крупный бизнес. Его интересы, разумеется, разнородны. Но есть и специфический запрос на интеллектуальность: запрос «к фабрикам мысли, потому что у бизнеса есть свои проблемы [в этой области]. Потому что очень часто структуры, созданные внутри бизнеса, не столь свободны, очень часто они говорят то, что от них хотят услышать. И нужна альтернативная точка зрения, нужны альтернативные центры». Кроме того, такие независимые центры способны доводить свою самостоятельную позицию также и до органов государственной власти.

В дискуссии было затронуто еще несколько сюжетов. Одни из них касались уровня интеллектуальности нко. Позиции здесь расходятся, например, фонд «индем» своей «интеллектуальной формой» удовлетворен. Фонд «Наследие Евразии», напротив, серьезно обеспокоен общим состоянием и качеством интеллектуальной, прежде всего экспертной среды. Возникла в процессе обсуждения и еще одна значимая проблематика: можно ли считать нко публичным институтом? Выполняет ли нко какую-то общественно значимую роль? По мнению самих представителей нко, в целом здесь есть определенная динамика. В тех же сми стало появляться значительно больше информации относительно деятельности нко. Однако, как было отмечено, «до публичного института еще расти». Был поднят вопрос и том, являются ли отечественные нко институтами, т. е. способны ли они воспроизводиться без своих ключевых фигур? К сожалению, множество российских нко не отвечают этому критерию жизнеспособного института. Поскольку, как правило, существует явный лидер, с уходом которого деятельность такой организации, скорее всего, может прекратиться. «В сфере нко у нас одиночки... Убери Людмилу Михайловну Алексеву, и что останется

от московской Хельсинкской группы?» — задала гипотетический вопрос одна из участниц круглого стола.

Резюмируя доминирующий характер высказываний, прозвучавших в ходе круглого стола, а также имея в виду обсуждение этой темы в других городах России, применительно к сфере некоммерческих организаций также можно сказать, что она имеет тенденцию к идейно-идеологической нейтрализации — по мере того как эти организации, в частности, берут на себя выполнение запросов государства и бизнеса. Характер этой работы осмысляется как требующий таких качеств, как профессионализм и экспертная компетентность. Однако в этой сфере продолжают сохраняться учреждения, которые являются далеко не нейтрализованными. Они озвучивают вполне определенные позиции, нередко выступая с резкой критикой власти и общества.

Виталий Куренной, Нина Пономарева, Анна Турчик

7. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА: ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В каких пространствах обитает российский интеллигент, о каких пространствах думает, мечтает? Интеллигентов много — пространства разные.

Систематизируя тематику интеллектуально-пространственных рассуждений в интервью и на круглых столах, мы выделили ряд направлений для анализа, которые базируются на прямой речи наших интеллектуалов-респондентов по следующим темам:

- периферийно-центристские пространства;
- пространства интеллектуального обитания;
- пространства повседневных дел.

В отборе приводимых здесь цитат из прямой речи респондентов мы руководствовались, во-первых, наибольшей типичностью обсуждаемых тем, во-вторых, личной образностью и глубиной суждений респондентов, основанных часто и на их профессиональных компетенциях.

7.1. Периферийно-центристские пространства

Темой этих кейсов является обсуждение значения соотношения центра и регионов, столиц и провинции, проблем общих и локальных в интеллектуально-пространственном положении российской интеллигенции.

Здесь надо сразу отметить определенный парадокс: на самых многочисленных московских круглых столах менее всего обсуждались проблемы организации, развития, воспроизводства российских интеллектуальных пространств и вообще темы жизни нестоличной России. Создавалось впечатление, что московские интеллектуалы знают только два главных уровня организации пространства: Москва (чья воля и мировоззрение подразумеваются идентичными общероссийскому мироощущению и волеизъявлению) и зарубежье, в основном дальнее (сша и Европа), иногда ближнее (снг).

Если регионы и их центры упоминались в рефлексии москвичей-интеллектуалов, то, как правило, именно в автобиографической рефлексии некоренных москвичей, рассказывавших, в каких областных университетах респонденты учились и какие там у них бывали порой достаточно квалифицированные интеллектуальные наставники.

В отличие от московской интеллектуальной публики региональная интеллигенция часто детально и подробно обсуждала сложные

особенности интеллектуальных и социальных пространств как внутри своих городов, так и композицию, иерархию пространств российских и мировых, в которых оказывались включенными их собственные города.

Интеллектуально-пространственная рефлексия Петербурга заняла промежуточную позицию между московской и региональными рефлексиями. С одной стороны, как и в регионах, интеллигенция Петербурга уделяла достаточно много вниманию анализу собственного внутригородского интеллектуального пространства. С другой стороны, вне Петербурга упоминались лишь пространства Запада и Москвы, а пространства остальной России практически полностью отсутствовали.

Относительно явного интеллектуально-властного разделения страны на столицу Москву и остальную Россию на семинарах не часто, но достаточно веско звучала критика в адрес прежде всего столицы, начинаясь с естественного замечания о высокой дифференциации зарплат и ресурсов, которые после Москвы могут непропорционально аккумулироваться еще в нескольких мощных региональных центрах:

Не должно быть такой разницы, что, скажем, в Москве журналист получает пятьдесят тысяч рублей, а в Туле десять тысяч рублей, притом сказать, что он умнее его во столько раз и талантливей в миллион раз и пашет еще больше, и, не дай бог, там ни исков, ничего не бывает, но при том такая вот несправедливость, то есть какая-то должна быть планка — не должно быть такого большого разрыва между столицами и остальными городами, или там какими-то крупными городами типа Новосибирск и какими-нибудь Тулой, Рязанью или Орлом и Калугой. (Тула)

Кроме ресурсно-материальной дифференциации отмечалась (здесь — с отсылкой к 1990-м годам) и властно-информационная дифференциация, при которой у региональной интеллигенции, как правило, имеются более жесткие ограничения в свободе слова, чем у интеллигенции столичной:

То есть они искренне считают (в Москве), что все — уже теперь демократия и т. д. Им там рот раскрывать разрешают в Москве, они не понимают, что у всей России рот на замке. И тут такие бывают репрессии, что вообще нельзя ничего сказать, подумать... хорошо бы сделать проект «Нация Москвичей» или «Москва против России»... Человек может чего-то добиться, только уехав в Москву. И каждый раз в любой сфере, как только умный, смотришь — уже поехал (в Москву). И так все время. (Ростов-на-Дону)

Непосредственно самих московских интеллектуалов в регионах критиковали за частое производство абстрактных клише, которые идеологически транслируются по всей остальной России для объяснения всех проблем ее существования:

Ну, например, гражданское общество... Исследования показывают, что категория на самом деле не работает...

С помощью этой категории можно объяснить все что угодно, да. Ну вот:

— *Почему воруют?*

— *Гражданского общества нет!*

— *Почему коррупция?*

— *Гражданского общества нет!*

— *Почему грязно на улице?*

— *Гражданское общество отсутствует!*

— *Почему в занавеску сморкаются?*

— *Гражданского общества нет! (Екатеринбург)*

Вместе с тем отмечалось, что в существующей ситуации Москва играет определенную роль арбитра-контролера для регулирования властно-эгоистических appetitов региональных центров:

В свое время мне довелось в одном семинаре в Париже поучаствовать с Бендукидзе, он там выступал докладчиком. Доклад у него был «Федерализм в России». Он сформулировал основную проблему следующим образом. То есть у нас проблема федерализма в России заключается в том, где будут воровать из бюджета — в центре или на местах? Вот. Я считаю, лучше пусть в центре воруют, все-таки меньше удастся своровать. (Екатеринбург)

В одном из элегически критических замечаний в сторону московского империализма и его пропаганды отмечалось, что со временем существующая сверхцентралистская модель организации пространства все неуклоннее ведет к «сжиманию» страны во всех смыслах, хотя организация ее пропаганды и настаивает на обратном:

В моем понимании, видимо, мы живем в условиях сжимающейся империи, вот во всех смыслах этого слова — и как географически сжимающейся, так и демографически сжимающейся, наверное, ресурсно сжимающейся... И это очень больно. Только эту боль, видимо, каждый там чувствует по-разному и вербализует по-разному... и идеологические, медийные попытки изобразить, что это не так, и как бы придать процессам прямо противоположную, ну они мне кажутся такими занятыми. (Нижний Новгород)

О том, как столица сжимает окружающие пространства, фактически их «зажимая-выжимая», свидетельствует еще одна коллективная рефлексия семинара в Нижнем Новгороде — городе, который по своим размерам и значению в России более века носит неформальный статус «третья столица»:

— Вся наша городская идеология, она строилась таким образом: мы — третья столица. У нас там 100 институтов и кб, у нас там полтора миллиона населения — а оно тает каждый год. Мы первые — мы ярмарка, мы Минин. А с каждым годом это несоответствие все заметнее и заметнее. И вот это травма, которой на самом деле больше всего боится наше население. И сознание у сегодняшнего нижегородца, оно все более и более ущербно, потому что он все более и более ощущает себя провинциалом. При всем статусе и амбициях... Хотя город был менее провинциальным в двадцатом веке. А все рассыпалось, все разрушилось, все уничтожено, а нового ничего не воссоздано.

— Нижний — это уже все больше и больше район Москвы, то есть она поглощает ресурсы...

— Дальнее Подмосковье.

— И ресурсы эти с благодарностью отправляются в Москву, садясь на скоростные экспрессы, на работу. Я знаю в своем окружении очень многих людей, которые садятся на экспресс и уезжают на работу, возвращаются сюда на выходные.

— Взгляните на наши, как бы к ним ни относиться, амбициозные элиты нижегородские, которые были, они же целыми кластерами перемещались в Москву, просто забирая чад и домочадцев и кнехтов своих, они уходили, обнажая целые участки как бы социальной, социально-политической и управленческой жизни. Вроде можно бы сказать: скатертью и скатертью вам дорога, но взамен... появились москвичи.

— У нас появился новый московский символ только что.

— Народ в глухом ворчании, да.

— Только что появился новый символ, буквально вот месяц, у нас традиционная площадь перед кремлем теперь запрещена для парковки.

— Там все время была стоянка автомобилей.

— Да, губернатор-москвич решил Красную площадь сделать.

— И ведь это никому не мешало на самом деле.

— А теперь ее полностью освободили от машин...

— Абсолютно не мешало.

— И я так понимаю, что собираются, видимо, вырыть ров...

— И отгородить кремлевскую стену от остального города окончательно.

- Насыпать вал, и чтобы нижегородцы уже не могли в кремль попасть...
- Нет, их очень ломает (москвичей) от того, что у нас открытый вход в кремль.
- Да! И никогда не закрывали раньше кремль.
- Кремль круглосуточно открыт был, да.
- Он был наш, городской, а сейчас...
- И никогда не запрещали парковаться на площади.
- А сейчас это же святыня власти (московской), вы чего. А тут просто шляются свадьбы.
- Я видел, ну у нас свадьбы там всегда приходили к вечному огню, на высокое место, свадьбы сейчас гонять начали.
- Да, да, кремль был всегда открыт, конечно.
- Он был круглосуточно открыт.
- Мы на выпускном там гуляли всю ночь.
- Стали гонять свадьбы.
- Все, закрываются ворота в нижегородском кремле...

Не только столично-региональные, но также межрегиональные сравнения на семинарах обсуждались достаточно часто и эмоционально. Конечно, тут речь заходила о первенстве и месте тех или иных региональных центров в их ближайшем окружении. Авторы подобного рода размышлений, с ироничной самокритикой упоминая провинциальные комплексы, тем не менее не могут удержаться от ревнивого позиционирования своего города, своего региона в интеллектуально-властном структурировании российских пространств. Вот типичные примеры из Екатеринбурга и Архангельска:

Все равно есть провинциальные комплексы, все равно есть то, что с девяностых годов XX века осталось, и то, что до сих пор так или иначе воспроизводится. Потому что, когда вы смотрите, например, вот сводку погоды, Екатеринбург — крупнейший город России, но часто на центральных каналах идут Челябинск, Пермь. Но я-то екатеринбуржец, свердловчанин, и мой город в сводке не упоминается. Вот почему, как? Это для меня загадкой остается. Естественно, я в адрес Москвы произношу всякие слова. (Екатеринбург)

А ведь Архангельск был и первый русский порт, он со всем миром был связан. Тут иноземная слобода была. В нем не было той периферийности, которая наступает... сейчас. Не было периферийности даже по сравнению с городами средней России... (Архангельск)

Следующий уровень пространственной рефлексии — непосредственно городской и внутригородской — был, пожалуй, наиболее

популярным, здесь различные образы и оценки порой достигали высокого уровня противоречий и парадоксов. Самым характерным примером здесь был опять Нижний Новгород:

— Ну ладно, я скажу, почему Нижнего Новгорода нет в принципе, его не существует в природе...

Это вот тоже, когда исследовали театры, мы пришли к тому, что Театр оперы и балета — это не театр полуторамиллионного мегаполиса, это театр города с населением 200–250 тысяч человек. Нижегородский район — просто часть Советского района практически полностью. И мы говорим, здесь есть вот эта проблема, она для всех крупных городов, но в Нижнем она особенно усугублена исторически, потому что интеллигенция верхней части не референтна, там Автозаводский район, там зоо тысяч, это отдельный город, это отдельный социум там. Сормово — это Старопролетарская, ну это отдельная песня. Короче говоря, единой площадки почему здесь не может быть, просто потому, что они где-то локализованы и потребность не выражена в этом, нет городского сообщества достаточно выраженного, чтобы оно это бы все порождало. Плюс там он, Нижний, категорически не гуманитарный город, вот он...

— Тут оборонка сплошная у нас.

— И метафизически этого города не существует. И в этом смысле он принципиально отличается от многих похожих городов. И он у нас глубоко травмирован и предбольшевистской историей, и особенно большевистской индустриальной историей. Когда Сергей говорит о том, что внутри города существует три или четыре разных города, которые физически, то есть на карте пятно есть, ограниченное, административные границы, а вот здесь в сознании о том... правильно говорит Сергей — города, города нет такого, я прошу прощения, потому что он исторически складывался как город, куда свезли огромное количество урок и люмпенов, которые строили города урок руками урок для урок, а потом привезли сюда вот такусенький слой технической интеллигенции, правильно, где гуманитариям нет практически никакого места... даже в языковых практиках есть разные диалекты, тут они легко опознаются местными жителями, мы слышим сормовича, мы слышим автозаводца. Они едут когда в верхнюю часть, они до сих пор говорят: «Мы едем в город»...

— Совершенно точно.

— В город, говорят.

— В Нижнем центрирующий центр, ну, не то что развалился и исчез, но он травмирован совершенно однозначно. Да, это конгломерат вот таких разрозненных слободских групп,

которые окружают как бы условный и виртуальный исторический центр, который сейчас еще к тому же прессуют москвичи вот этим своим произволом.

Если интеллектуальная Москва в своей пространственной рефлексии начисто забыла даже о соседней ступеньке, на которой размещаются региональные центры страны, то интеллектуалы региональных центров, наоборот, достаточно часто вспоминали о городах и селениях, находящихся гораздо ниже их по административному статусу,— о глубинной России малых городов и сел, вспоминали и о делах, проблемах, самочувствии интеллигенции российской глубинки. Причем в целом подчеркивалось, что именно в глубинке интеллигенции живет труднее всего и именно там можно обнаружить наиболее удивительные примеры самоотверженного и творческого интеллектуального поведения. Вот отзыв из Тулы об интеллектуале из райцентра:

А есть парень там из Венева, он программист, кибернетик, сетевой администратор и все прочее, для меня он историк, потому что у него потрясающий сайт vepenevo.ru.

Сейчас я этот сайт покажу, зайдём. И что мне нравится, это бескорыстие и желание помочь, оно совершенно потрясающее. Человек, который делает это просто так, бесплатно, здесь все, что касается города и уезда, вся эта история. Каждый дом, понимаете, каждый дом описан, каждая деревня, но вот у него какая-то есть новостная штучка, например, там путеводитель по городу Венево. Сейчас заходим. И вот они, все улицы. Сейчас я вам покажу дом своего дедушки... Сейчас покажу. Там Толстого улица называется. Улица Толстого. Здорово сделано! (Тула)

Другой интеллектуальный голос из Ростова-на-Дону рассказывает историю творческого действия в другом райцентре:

Новошахтинск—это убитый городок шахтерский. Шахты закрыты. Наркотики и пьянство. И в этот момент появляются сумасшедшие, которые занимаются театром. С детьми этих шахтеров. И там есть такая Светлана. Она святая, конечно. Она очень интересная, она абсолютно не сумасшедшая, есть сумасшедшие фанатики, от которых хочется отмахнуться,— она не такая. А такая, которая, может быть, это ее предназначение, она делает этот театр детский. И появляется мэр, который их выгоняет из этого бывшего кинотеатра, и мы с ней делаем программу. Я приехала, это увидела, и мы делаем телевизионную программу. И после программы мэр раскаялся, и теперь у них муниципальный театр уже 10 лет. (Ростов-на-Дону)

В обобщение подобного рода культурных инициатив из глубинки респонденты критически отзывались о новом законе о местном самоуправлении, часто приводящем к негативным изменениям в области локальной культуры:

Когда ввели закон о местном самоуправлении, то перевели библиотеки в местное самоуправление, и глава администрации, который сроду книжек не читал, кого снял с баланса сразу — конечно, библиотеку. Зачем она... У него забота — дороги. И библиотеки у нас сразу пострадали. Есть районы, в которых умные главы... но никто же не оберег всех, никто же не сказал, переходя, вы сохраните, это же святое, это культура, это духовная основа, это не трогайте. Никто же так не поставил вопрос. И получилось, что так уничтожили некоторые объекты культуры совершенно, до пепелища. А теперь пойдя попробуй это восстановить. (Ростов-на-Дону)

А вот есть еще и другая вещь, вот этот пресловутый закон 131 [Закон о местном самоуправлении, принятый в 2006 году]. Да, там и о культуре есть. Там написано, что муниципалитет обязан предоставлять культурные услуги населению, а вот что они подразумевают под словом «культурные услуги», это каждый понимает по-своему. И если посмотреть на территорию Архангельской области, то убеждаешься, что действительно теперь муниципалитеты могут сделать с культурой буквально все. Например, в Холмогорском районе закрыть музыкальную школу, и при этом глава района скажет, а зачем она, школа, мне нужна. И многие муниципальные образования закрывают библиотеки, говорят: их же топить надо, ремонтировать, а у нас нет средств. Есть у нас такой поселок Рудома, так там детективная история о том, как приехал Алексей Второй, и на них все время какие-то миллионы сваливаются, так они себе могут позволить не закрывать, а открывать культуру. Тут еще дифференциация по культуре по этому закону выходит. И кто такой закон, дифференцирующий возможности местной культуры, придумал? Тут же нужна была большая аккуратность по отношению к России как таковой. У нас же страна большая. (Архангельск)

В целом в оценке проблем России малых городов и сел на семинарах и интервью было высказано достаточно тревожных мнений как лично субъективного, так и исследовательско-объективного характера. Отмечалось, например, что во многих малых городах России

физически исчезает творческо-интеллектуальная среда общения, как это зафиксировано в размышлениях искусствоведа из Новосибирска о своем отце-художнике:

Вообще, Камень-на-Оби небольшой городок. Там и раньше было пять человек художников, один умер, другой спился, причем они не завоевали каких-то особых регалий в обществе, и получилось, что он один остался. Он говорит, что ему тяжело, так как не с кем теперь поделиться, не с кем обсудить. Хотя понятно, что процесс создания картины считается индивидуальным, интимным, в него никто не должен вмешиваться, да, это так. Обобщают, что художник индивидуалист. Он индивидуалист, когда он пишет работу, но ему надо общение не только со зрителем, но и со своими же коллегами. Может быть, даже больше, чем любому другому человеку. (Новосибирск)

Но не только о проблемах мирных библиотек и художников глубинки говорилось в региональных интервью. Социолог из Казани, например, впечатляюще охарактеризовал социальную базу тлеющих и разгорающихся националистических конфликтов в малых городах России:

Торгово-криминальные сообщества кавказские, они рвутся сейчас к ресурсам, и с помощью разных средств, преступных в основном, они захватывают ресурсы в малых, средних городах. То есть в Москве администрацию не купишь и всю милицию не купишь или в Казани, например, в миллионном городе, в деревне ресурсов нет, там бороться не за что, а вот малые и средние города, они оказались уязвимыми. Вот Кондопога, Сальск — это все малые и средние города, и таких еще городов много, просто там нет пока взрывов социальных. Просто там захватываются ресурсы местные. В Сальске чем они занимались, они там подключились к нефтепроводу и качали нефть. И продавали ее, цистернами возили и продавали и купили всю милицию, прокуратуру, администрацию и так далее. И уже они стали себя вызывающе вести и показывать, что они хозяева, то есть их поведение стало видно. И случилась там стычка. То же самое и в Кондопоге, они просто распоясались там, они купили милицию, она даже не вмешивалась там. Ну там, конечно, в Кондопоге были и какие-то русские группировки, которые в общем-то организовали население, раздавали бензин в канистрах и так далее, то есть там и, ну не с русских, с местной стороны была. Там и карелы были, там все. То есть там организация была местная, не только чеченская сама организация, но и местные. Параллельная система власти появляется. Малые и средние города, сейчас и армия, а что потом

будет? То есть меня этот вопрос волнует, а мы, социологи, очень далеки от исследований реальных процессов. (Казань)

Подводя итог региональной рефлексии нестоличных интеллектуалов, сошлемся на мнение нижегородского респондента, который исходя из собственного исследовательского опыта высказал мысль о том, что тема российских региональных исследований несомненно актуальна, но в последние годы она все более глохнет из-за продолжающейся политики государственной централизации и унификации:

Мы провели четыре всероссийских конгресса по проблемам регионализма. А потом просто мы немножко свернули эту деятельность регионологическую, потому что власть абсолютно потеряла к этому интерес, ну абсолютно, плюс пошел этот централизаторский тренд, когда любой регионализм стал рассматриваться исключительно как явление вредное и опасное, так сказать, антигосударственное и так далее. Ну как бы маятник сюда качнулся. Но на самом деле у нас есть эта история в девяностых. И там мы с историками работали и как бы поднимались эти пласты регионального самосознания, но в тот момент, когда и власть должна была какой-то шаг вперед сделать, выступить заказчиком, условно говоря, или партнером в этом деле, она стала меняться, стали приходить в нее иные люди...

Немножко я находил гранты, немножко я находил спонсоров здесь. Набирал денежек. Сейчас здесь, поскольку все бизнесы крупные принадлежат внешним игрокам, сидят менеджеры, не собственники, сейчас без толку к ним ходить и просить на что-то деньги. Они говорят: старик, дело хорошее, но знаешь, у меня смета. Я должен Москву запрашивать, в Москве как будет сказано... (Нижний Новгород)

Единственное, в чем, пожалуй, все (как Москва, так и регионы) не отличаются в своем пространственном мироощущении, так это в осознании продолжающейся тотальной тревожности и неуютности российских пространств, особенно в сравнении с культурой Запада. Приведем несколько по духу одинаковых рассуждений из разных регионов России:

Первый опыт поездки в Европу — это просто я там расслабился за две недели и был таким же благодетным, как и все европейцы, когда приезжаешь, особенно в Екатеринбург, ощущение такое, что у каждого заморыша за пазухой нож и он только и мечтает тебя им пырнуть, оно есть, оно не покидает, то есть у всех очень злые взгляды, очень напряженные лица. (Екатеринбург)

Любой человек, проживший, а уж тем более родившийся здесь, это все чувствует мгновенно, сравнивая просто европейское бытование с российским. То есть у нас безграничные просторы, но нам все время тесно. У нас все маленькое, неудобное и не приспособленное для бытования. Мы живем в тесных квартирах, у нас ужасно в туалетах, у нас безобразные подъезды. Ну, даже при том, что сейчас появляется уже чего-то такое культурное. У нас даже на кладбище тесно. Это тоже все время любопытно. В таких крохотных странах, маленьких, где земля безумно дорога на кладбище, ты чувствуешь, что все соответствует, все соразмерно. Но, что происходит на русских кладбищах в обычных провинциальных городах... Я не знаю, какая здесь метафизика спрятана, просто... мы как бы пренебрегаем... то есть как бы не очень важно вот это наше человеческое бытие и пространство. (Нижний Новгород)

Приезжаешь в германский город Эмден, наш Архангельск с ним побратим. Эмден как бы в окрестностях состоит из таких деревенских поселков, выстроенных из красного кирпича. И у каждого дома и квартала есть свой объем, свои архитектурные решения, там мягко и преемственно все вытекает одно из другого. Там никто не умудрился, как у нас в Архангельске, посадить вот эту грузную таблетку стеклянно-металлическую. За этим у них там служба архитектурная следит. Да, и у них есть определенный допуск, но в пределах норм. А у нас кто в лес кто по дрова — кто какой птичник городит. Вот построю хоромину с бельведерчиком, и с ее балкона буду чай пить и на Москву смотреть. И не высоты Архангельску нужны, наш город растянут по побережью реки по горизонтали, надо бы двух- и трехэтажные дома нам строить. Да и хорошо бы снять то, что за это время нагородили. Сейчас дурновкусица становится вкусом. (Архангельск)

7.2. Пространства интеллектуального обитания

Переходя к анализу непосредственно мест обитания интеллектуалов, можно в шутку отметить, что если бытийное пространство немецкой женщины состояло из *киндер, кюхе, кирхе*, то бытийное пространство большинства российских интеллектуалов обоих полов (вне аудитории, офиса, кабинета, лаборатории и библиотеки) состоит из *курилки* (того учреждения, в котором они служат), *кухни* (того дома, в котором они живут) и *клуба* (кафе или кабака, в котором они предпочитают собираться).

Все эти три институциональных места в различных регионах находятся в настоящее время на разных стадиях своего развития и привлекательности для интеллектуальных сообществ.

В связи с тем что и в публично-интеллектуальных местах России наступает эра борьбы с курением, отмечалось сокращение ареала курилок и перенос соответствующих мест коммуникации для курящих интеллектуалов порой в менее комфортные места.

Также отмечалось, что, кажется, золотой век интеллектуально-кухонных разговоров так и остался в советском прошлом, хотя кухня часто до сих пор продолжает выполнять не только пищепотребительские, но и интеллектуально-продуктивные функции.

Что касается интеллектуальных клубов в самом широком значении этого слова, то здесь опять же удивляет разница в их разнообразии в двух столицах и их явная недостаточность даже в крупных региональных центрах. Особенно много было говорено о таких интеллектуальных местах на семинаре в Петербурге, где клубы и кафе Питера часто сравнивались с соответствующими заведениями Москвы с подробным перечислением плюсов и минусов такого рода мест для интеллектуалов.

В региональных центрах особого клубно-кафейного интеллектуального разнообразия не отмечалось, наоборот, подчеркивалась настоятельная в них необходимость, фактический дефицит подобного рода мест. Вот одно из характерных региональных мнений:

— Возьмите наш университет, как верно было здесь сказано, громоздкая совершенно, огромная, бесчеловечная бюрократическая машина, второй после автозавода по численности организаций... Я служу на факультете социальных наук, и меня все время поражает одно обстоятельство, связанное с нуждой в коммуникации у сотрудников, возникающей постоянно. И они нелегально, ну деканат мягкий, смотрит сквозь пальцы, они нелегально собираются в туалете, ведь курилки нет специальной, курить запрещено...

— И обсуждают эти, вообразите себе специально оборудованные места какие-то, зоны коммуникационные...

— Кофейни, где по-человечески можно было сесть. Ну никому в голову не приходит при гигантских деньгах, которые есть у университета...

— Ландшафт организации вот этого взаимодействия совершенно убогий...

— Я помню, на улицах Нижнего Новгорода летало экзотическое существо такое... Оливье, такой высокий, здоровый, рыжий еврей с косичкой, который таскал за собой за руку маленькую карлицу. Карлица держала в руках расписную балалайку и была мастерицей по вот этим экзотическим формулам росписи. И Оливье вынашивал идею — создать вот как раз кофейню-сосисочную, где бы собиралась разношерстная интеллектуальная и креативная публика. Он подумал, подумал,

он потыкался, потыкался, и деньги, которые у него водились тогда в кармане, он потратил на обучение в Америке. И там так и остался. Все. (Нижний Новгород)

И в Новосибирске, например, говорилось о недостаточности мест, в которых возможно собраться интеллектуальной публике, но в Новосибирске, по крайней мере, упомянули феномен «Трубы»:

—Вы знаете, не соглашусь, что вообще народу встретиться негде и народ нигде не ходит, вот поразивший меня факт—это полная среда в «Трубе», есть такое вообще заведение, на мой взгляд, совершенно непотребное, ночной клуб...

—О чем вы говорите?

—Да это там, на Фрунзенской.

—Ночной клуб, называется «Труба».

—«Труба», да?

—И по средам проходит программа, называется «Умная среда», но когда там антологию самиздата представляли и бежалось полгорода, это было мне понятно, потому что это большей частью как раз самиздат, там четыре тома было издано, ну я не знаю, там один том как минимум на шестидесятые годы приходился, все шестидесятники или там последователи их прибежали, но когда меня туда призвали выступать вот на этой же умной среде по вообще демографии, когда я сказала, что туда ни один умный человек не придет, потому что чего там можно говорить про демографию в ночном клубе, это мое было личное мнение, я страшно была поражена, что опять-таки мест не было. Поэтому все это не так однозначно, мы очень часто с вами в самом деле находимся в кругу своем только. (Новосибирск)

Пожалуй, еще об одном дефиците мест для интеллектуалов достаточно упоминалось на круглых столах и в интервью—о специализированных магазинах интеллектуальной книги, количество которых, по некоторым отзывам, в последнее время стало уменьшаться даже в обеих столицах.

7.3. Пространства повседневных дел

В некоторых интервью нам удалось зафиксировать мотивы интеллигентской теории малых дел, неоднозначно знаменитой еще со времен XIX века. Как известно, суть этой теории заключается в сосредоточенной, кропотливой, часто неблагодарной, как правило, аполитичной работе по обустройству близлежащего окружающего пространства, без претензий на какие-либо глобальные и радикальные

свершения. Но, пожалуй, в наше время теория малых дел у респондентов выражались в описании практики дел повседневных.

В рефлексии о смысле повседневности много уделялось внимания традиционным проблемам взаимодействия поколений, заботам об образовании и воспитании детей.

Также ставился вопрос о личной инициативе и ответственности в преобразовании окружающей действительности.

Вот пример из рефлексии тульской журналистки:

Просто конкретным живым делом буду заниматься, поеду на репортаж конкретно и заставлю какого-нибудь чиновника крышу бабушке починить, или как у меня была ситуация, просто там чиновника буквально в лужу носом ткнула, вот просто буквально. У нас только-только провели ремонт, а лужа как была огромная, так она и осталась. Звоню, значит, замглавы города, он говорит: да не может такого быть! Ну, хорошо, говорю, давайте устроим очную ставку. Он говорит: ну хорошо, во сколько? Я говорю: давайте завтра в восемь утра, как раз я ребенка в школу отведу, вот пускай ваш начальник дорожного хозяйства приезжает. На самом деле приехал. Я думала—обманет. Он приехал туда, я: ну-ка, объясните мне! Буквально мы с ним стоим на перекрестке, машины едут, как раз там после дождя так хорошо. Вот объясните мне, почему вы здесь только отремонтировали, а здесь уже яма? Он начал мне отшланговываться, что типа там да, это люди виноваты, это мы использовали этот литой асфальт, он должен был высохнуть, а вот машина проехала, он как пластилин там выпучился, поэтому у нас яма образовалась. Я говорю: а не судьба была, не знаю, подождать, пять минут постоять? Нет, у нас типа много работы. А не судьба была там какой-нибудь треугольник поставить, ну как-то ограничить это, ну то есть это же ваша работа, это деньги мои, в том числе с налогов. Ну и потом, я думаю, что ему было не очень приятно, когда я изложила эту ситуацию в газете, с одной стороны, я как бы его поблагодарила за то, что хотя бы меня не покинул в восемь утра, что он приехал, но остальное—это действительно жалкий лепет, но в итоге сделали.

Да, понимаете? То есть я лучше буду такими вещами конкретными заниматься, а при случае, ну чего бы там не поговорить о чем угодно и про Путина, и про Медведева, и про что хотите.

Если человек так влюблен в это дело, если он так же об этом с душой и красиво напишет, то есть вероятность того, что тот, кто прочитает, он также будет любить этот город, он лишний раз окуроч не бросит, он лишний раз там надпись

не напишет. И какой-нибудь строитель лишний раз подумает, что надо как-то поаккуратней копать, рядом с той площадкой находится исторический объект, ах, как здорово, слушай, а здесь люди жили, а тут, я не знаю, был первый в Туле кино-театр. Ну, как-то вот оно все из этого, все это пересекается и переплетается. (Тула)

Другой пример малого повседневного дела взят вообще не из публично-профессиональной, а из семейно-публичной жизни респондента, заключающейся в борьбе за культуру детских площадок в Екатеринбурге:

Ну, у меня мелкий сын, три года, мы гуляем активно с ним по улице, проблемы есть — ни одной детской площадки в городе, где бы не пили пиво. Это просто такая зараза, это быдлячество, оно на каждом шагу, сталкиваешься с этим... Они-то нормальные пацаны, то есть да, я сталкиваюсь с ними, они приводят аргументацию по поводу того, почему они так себя ведут, допустим, я могу просто привести очередную такую дискуссию на детской площадке, они же говорят: но ты же тоже пьешь пиво. Я говорю: человек цивилизованный отличается от нецивилизованного тем, что он определенные действия совершает в определенных местах. Если я ем и хожу в туалет, то это разные места, для еды кухня, а для туалета есть туалет, туалетная комната. И так же с пивом — есть кафе, есть определенные временные рамки. Но они-то думают, что это нормально, для них это культурный ход, как раз оправдались, что мы хорошо себя ведем, все ж расслабляются, и поэтому мы расслабляемся. И все равно они понимают, что это не совсем есть хорошо. То есть когда обращаешь на это внимание, они соглашаются с тобой, они ищут места, за Оперным театром у нас такое общественное место для распития, то есть там...

И общаешься с другими там папашами-мамами, они говорят: да, меня это раздражает, но я не знаю, что с этим делать. Сделай замечание. Ну, как-то неудобно. Почему неудобно? Что, удобней, если твой сын будет все это наблюдать? (Екатеринбург)

Иногда индивидуально малые дела перерастают в дела крупные общественные, об этом свидетельствует следующий иркутский опыт:

—Как объяснить что первично, что вторично? Есть такая ситуация. В микрорайоне «Университетский» собираются построить дом на детской площадке. Большая красивая детская

площадка, которую жители сами обустроивали. Потому что микрорайон был построен в те годы, когда там даже строительный мусор не убрали. Там все бросили, и это лет десять так стояло, пока они сами не взялись. И есть такой Сергей Коробов, тоже бывший военный летчик, сейчас пенсионер. Ну, он достаточно молодой и энергичный человек, он занимается тем, что вместе со своей женой-художницей издает различные конверты, почтовые конверты к памятным датам Иркутска. К трехсотлетию, к столетию железной дороги, к юбилею какого-то художника, писателя, кинорежиссера Гайдая, еще что-то вот там. На город вообще в России выделяется один такой конверт в год. То есть федеральный почтовый конверт. Коробов добился того, что у нас их выходит в год шесть и более. Это вообще тоже как бы фигура своеобразная и достопримечательная иркутская. И вот Коробову, который по роду своей деятельности со многими общается, который организует для железной дороги что-то, для аэропорта, для писателей, для кого-то еще там, многих знает и вообще входит в эти разные общественные круги, становится известно о планах строительства на детской площадке, и возникает инициативная группа вокруг этого Коробова. То есть бунт. Три тысячи населения этого микрорайона выходят вместе с Сергеем, значит, и говорят: «Нет, здесь не будет жилого дома».

—Как так можно мобилизовать дом?

—Просто. Поквартирным обходом. То есть вы идете методично по лестничным площадкам, звоните в каждую дверь и говорите: «Здравствуйте. Я ваш сосед. У нас возникает такая-то ситуация. Что вы об этом думаете?» Микрорайон «Синюшина гора», там, допустим, два дома, они просто создали инициативную группу, в которую входят девяносто восемь процентов населения этих домов. Это примерно две с половиной тысячи человек. Считая с детьми, пенсионерами и так далее. Ну вот допустим микрорайон «Солнечный», там двадцать пять тысяч населения. Там есть совет местного самоуправления микрорайона. Есть инициативная группа при депутате. Есть товарищество собственников жилья, которое пытается зарегистрироваться... То есть мобилизовать людей, если необходимость возникает, становится нетрудно. (Иркутск)

Даже правозащитные проекты могут объясняться с точки зрения аполитичной теории малых дел:

—У нас есть молодежная правозащитная газета, такой тульский мемориал получил проект, грант, ну или как-то там на то, чтобы выпустить, по-моему, восемнадцать номеров этой

газеты. Мы год уже с ребяташками общаемся, поднабрали неплохой коллектив, научили их работать со словом и плюс еще так мозги заточили, что называется, на правозащиту. Там есть комиксы даже. Наверное, какую-нибудь одну газету сейчас покажу, как это бывает. Она очень забавная, это вот наша такая правозащитная газета, то есть это вот тоже.

— Это вы рассматриваете как политическую инициативу?

— Нет.

— Нет?

— Там нет политики абсолютно, это мемориал вне политики абсолютно, и это именно речь идет не о политических правах, у нас это было заявлено и в гранте и вообще, мы берем именно социальные права человека, права и свободы, свободу слова, передвижений, я не знаю, права на жизнь, на работу. Нет, даже мы когда брали выборы, мы смотрели с позиции именно механизма алгоритма выборов, дети готовили статью о том, как студенты, то есть не только журналисты, но и студенты зарабатывают на выборах, что это такая вот система всевозможная, эта расклейка листовок, агитация, сбор подписей, тоже такой прагматичный взгляд на вещи, ну жизнь как она есть.

— А как вы называете, определяете вот эту, например, свою деятельность?

— Я определяю как педагогическую, даже если ты пишешь заметку из десяти предложений, обязательно надо высказывать свое отношение к проблеме. Это не в том смысле сказать, что вот показать вообще где-нибудь гадость какую-нибудь про никчемность власти, это как-то аккуратно намекнуть, что милиция могла бы лучше работать, в каких-то таких вещах, аккуратно, но это уже почти уже эзопов язык на самом деле, потому что напрямую делать это чревато, в том числе и потому, что закон о СМИ и кодекс защиты чести и достоинства и все прочее, а какие-то вещи можно очень мягко и аккуратно намекать, и как-то свою эту ершистую позицию аккуратноненько ее так и делать. И потом, я как раз детям это объясняю и коллегам своим, что только больше будут уважать тебя, если ты будешь позволять себе аккуратно вот как-то заявлять о том, что у тебя есть своя позиция. Она у тебя есть, и ты всегда о том, что ты напишешь, ты увидишь, ты напишешь по-другому, не так, как все, не просто напишешь — это вот открылось там, а там типа или там долго ремонтировали, а ты напишешь не просто долго ремонтировали там какой-нибудь мост, что вообще за время этого ремонта там было дикое количество аварий, что и пробки, и все это прочее. Конечно, слава богу, что это закончилось, но

вот осадок остался, что мы как бы новый мост открываем, но мы это открытие там ждали два года, спасибо вам, господа чиновники, что так долго продолжалось. (Тула)

К малым делам региональной интеллигенции, безусловно, относится и пространство краеведения. Среди участников круглых столов и интервью нашего исследования фактически не было ни одного специалиста-краеведа по преимуществу, но вопросы интеллектуального пространства краеведения все же несколько раз поднимались. Особенно интересная и развернутая краеведческая рефлексия была представлена в интервью тульской журналистки. В данном интервью был сформулирован ряд особенностей краеведческого восприятия культурного пространства города, подкрепленный конкретными примерами:

В 1992 году у меня появилась своя рубрика в газете, называлась «Дела давно минувших дней», то есть мой любимый архив, то есть я предложила делать такие публикации.

В 2003 году у меня вышла такая книжка, была моя первая «Хроники двадцатого столетия», здесь по всем, то есть такое основное событие города за сто лет с девятисотого по двухтысячный. Здесь основной источник — это печать, плюс архивы, плюс чем позже, да, какие-то есть очевидцы, воспоминания, плюс там естественно фотографии и так далее. А начиналась книжка с газетных публикаций, у меня вот эта книжка, она выходила пятьдесят недель, пятьдесят главок...

У нас только сейчас прошел, восемь месяцев был, краеведческий конкурс, восемь месяцев на страницах газеты есть коллекция старых фотографий тульских... Есть уйма старых фотографий и открыток Тулы, мы брали старую фотографию, если она была, на мой взгляд, слишком узнаваема, мы обрезали часть снимка, давали в газету, и людям надо было, во-первых, узнать — где это, что это, то есть сориентироваться, где, что там сейчас находится. Но это было только, что называется, один балл, а для того чтобы заработать очков побольше, и собственно говоря, из чего потом складывается газетная публикация, они должны были отправиться в библиотеку, по родным, знакомым, что-то поспрашивать, поинтересоваться, и в итоге получался такой восьмимесячный марафон. То есть было тридцать заданий, тридцать фотографий, и получилась своеобразная народная история. (Тула)

Иногда, наоборот, местная региональная инициатива, возникающая наперекор тяготам провинциальной жизни, может раздаться по пространствам всей России и выйти за ее пределы. Об этом так рассказывает руководитель телепередач из Ростова-на-Дону:

И вот мы пятнадцать лет делаем Рождественские программы, где музейщики, библиотекари, те люди, которые занимаются охраной национального достояния и получают копейки. Это святые люди. Это самый мой любимый контингент. И мы обязательно вручаем на этих Рождественских встречах приз за реализацию невероятной идеи. Которой, по определению, не суждено было случиться, но случается. Вот в этом году у нас получил приз глава Вологодского района. Это станица Романовская. Это станица... Когда было все так плохо, когда никто никому ничего не платил, народ пил, работы нет, он собрал еще пятерых глав районов, что что-то надо делать. А они такие дядьки славные, любители бардовской песни, и они десять лет проводят бардовский фестиваль. В том году было тридцать тысяч человек. Это вся Россия и Европа ближайшая. (Ростов-на-Дону)

Любопытно, что исследовавшаяся нами интеллигенция в отличие от достаточно часто затрагивавшихся ее историко-краеведческих и культурно-искусствоведческих сюжетов почти не упоминала о сюжетах экологических. В этом, пожалуй, заключается одно из существенных отличий российской как столичной, так и провинциальной интеллигенции от интеллигенции западных стран, где тема экологии обязательно является одной из центральных среди интеллектуальных сообществ любого ранга и уровня.

В нашем же исследовании пример экологической рефлексии и деятельной организации был зафиксирован фактически лишь единственный раз на примере защиты озера Байкал:

Задумано было, если мне не изменяет память, ну, во всяком случае, озвучено у нас это было в две тысячи втором году, построить большой нефтепровод, который бы качал нефть от Ангарска до какого-либо порта в Тихом океане либо до границы с Китаем с последующим строительством нефтепровода по Китаю. Вот я, собственно, как журналист работал с такой организацией «Байкальская экологическая волна», это самая известная организация в Иркутске из экологических. Ну и самая, собственно говоря, развитая такая, осмысленная... Вот в две тысячи шестом году все уже зашло так далеко, что началась уже буквально финальная стадия утверждения проекта, по которому нефтепровод должны были проложить в восьмистах метрах от берега Байкала.

Ну и тут было очень большое общественное движение, которое в конце концов из аморфной массы оформилось в так называемое байкальское движение.

На самом деле наиболее активной группой, наиболее деятельной я бы сейчас назвал экологов. Экологов в широком смысле. Вот. «Байкальская экологическая волна» — это главный и общепризнанный организатор по вопросу Байкальского целлюлозно-бумажного комбината и международного центра по обогащению урана в Ангарске, это два направления. Байкальское движение «Зеленые три тысячи», инициативная группа против точечной застройки, которая существует во всех абсолютно районах города, это ситуация в Иркутске самом. (Иркутск)

Во всех вышеприведенных примерах подчеркивается локальный, автономный характер подобного рода малых повседневных дел, опирающихся, прежде всего, на собственные силы. Реализация более масштабных дел и проектов, как правило, требует тесных и постоянных контактов с официальной властью, имеющей в таких случаях собственные как политико-экономические, так и культурно-идеологические интересы.

Александр Никулин

8. МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Идеологическая специфика интеллектуально-активной группы аналитически была увязана выше с моделями интеллектуальной и социальной активности. Идеологические дифференциации и идеологическая конкуренция, напряженная в рамках одних моделей (интернациональная, национальная), снижается по мере локализации — на республиканском / областном уровне речь идет главным образом о культурных и социальных аспектах, тогда как на городском уровне фактор идеологической позиции играет подчиненную роль. За рамками необходимой и достаточной организационной коммуникативной и институциональной инфраструктуры (сконцентрированной главным образом в Москве и Петербурге) идеологические различия теряют свое практическое значение, воспринимаются как нерелевантные социальному опыту.

Идеологический аспект интеллектуальной активности тем не менее представляется возможным дополнить мировоззренческим аспектом. Последний не предполагает четких идеологических и политических маркеров, но характеризует некие общие установки, связанные с ценностным выбором, общим видением и артикуляцией социокультурной ситуации. Ограничимся здесь некоторыми типологически воспроизводящимися характеристиками интеллектуально-активной группы, которые можно сделать, отвлекаясь от моментов интеллектуальной биографии отдельных людей, их региональной и институциональной локализации.

8.1. Свобода как мировоззренческая рамка

Вне зависимости от определения нюансов собственной идеологической позиции (или отсутствия таковых) наши собеседники в основной своей части сходятся в одном — наличие многообразия мнений и позиций является нормальным и желательным состоянием общества, позволяющим как занимать какую-то определенную мировоззренческую позицию, отстаивать ее и агитировать в ее пользу, так и не занимать никакой. Эта плюралистическая установка, основанная на ценности свободы, может быть проиллюстрирована множеством высказываний, например:

Две позиции могу назвать, для меня совершенно отчетливые и неприемлемые. Это идеократия, идеократы. Это то, чему я безусловно оппонирую, что я безусловно не принимаю. Во что включаться не могу, не хочу. В любом виде. Идеократия

клерикального толка, либерального толка, какого угодно толка. А вторая, то, что раньше называли общим словом «фашисты» и, по-моему, продолжают так называть. То есть те мировоззрения или те идеологии, которые лишают других права на существование — тех, кто не разделяет эти идеи. Это тоже собственно идеократия, один из ликов идеократии, наиболее жесткий. И для меня с одной стороны идеократы, а с другой стороны — граждане. Такое различие. Гражданственность и идеократия. (Михаил, Иркутск)

В данном случае, однако, для подтверждения доминирования этой установки достаточно привести свидетельство представителей индикаторной в этом отношении группы, а именно церковной. В мировоззренческом спектре современных обществ церковная позиция занимает наиболее консервативную позицию по этому вопросу — в силу имманентно вписанного в нее традиционализма и патерналистской позиции. Но специфическая историческая судьба религии в советском обществе, многолетнее существование под идеологическим прессингом и контролем превращает Церковь¹ в институт, терпимо относящийся к многообразию мнений и конкуренции различных культурных и идеологических продуктов — даже тех, которые с ее собственной позиции заслуживают безусловного осуждения:

Я считаю это время одним из лучших времен в истории. Как, вы скажете, это можно, когда развращают, проповедуют ужасные вещи? Конечно, есть вещи, которые пресекать надо — когда детей развращают или выступают против переливания крови. Для этого и есть государство, которое и должно следить за минимумом нравственности, потому что иначе общество не выживет, оно уже не сможет себя воспроизводить. И за этим надо следить. А вот дальше... Пусть каждый скажет. Пусть скажет мусульманин, цудей, христианин, разные конфессии. Но если у тебя правда — как каждый из нас заявляет, да и любая идеология тоже об этом говорит — это нормально, — тогда пускай без кулаков и мордобоя он это докажет, а люди посмотрят. Чем это плохо? Спасение, я думаю, состоит не в том, чтобы не слышать другие идеи. Бог попускает это для чего? Для самоопределения, для того, чтобы новые и новые поколения наполняли Царство Небесное. А если бы эти поколения не могли делать выбор? Если бы они выбирали только то, что пришло от деда и отца? Если все Царство Небесное будет

¹ Напомним, что эмпирическая база исследования ограничивает значимость этих высказываний Русской православной церковью.

наполнено только теми, кто выбора не знал и ничего другого не слышал,—разве это ценно? Ценно это тогда, когда пусть во-круг все и разное, но ты выбрал это одно, ты в нем что-то нашел. А я считаю, что у христианства, а тем паче у православия есть что сказать такое, что покажет его более высокий духовный уровень. <...> Нам есть что сказать миру. И почему мы боимся других голосов? Что, старую систему введем—православного исповедования, чтобы все молчали, а мы одни говорили? Мы тогда сами себя потеряем. Конечно, нас разные голоса обвиняют. Но иногда небезосновательно—сами проблемы рождаем. И пусть звучат эти голоса, пусть критикуют, пусть выставляют мой грех передо мной. Тогда мы подтягиваться будем, это нас хранит. А кому чего-то другого хочется, он так или иначе сбежит. Каким способом мы его сохраним в ограде Церкви? И зачем такое сохранение? Пусть каждый выберет. Нам есть, что сказать. А вот если мы ленимся, не напрягаемся, то это другой вопрос. (отец Георгий)

Это высказывание, резюмирующие как собственный опыт нашего собеседника, так и исторический опыт православия в советский период, является, на наш взгляд, достаточно показательным, чтобы сделать вывод о том, что идеологический плюрализм воспринимается как одно из базовых достижений постсоветского общества. Уточняя это обобщение на основании интеллектуально-биографических материалов исследования, можно добавить, что перестройка, обозначившая поворот от советской системы к постсоветской, остается важнейшим социально-биографическим фактом для наших собеседников (даже давно изменивших свои взгляды и критически оценивающих последующие процессы в стране).

Свобода в вопросах мировоззренческого самоопределения, будучи имманентной структурной характеристикой интеллектуально-активной группы, исключает само условие возможности формирования крупных групп, интегрированных на основе некоторого типа мировоззрения. Такое положение дел не является, таким образом, следствием дефицита «всеобъемлющих» мировоззрений (или недостатка «идей»). Один из наших собеседников высказал следующее суждение относительно социальной роли мировоззрения в современном российском обществе:

К сожалению, все, что можно сейчас констатировать: те группы, которые сейчас действительно являются ценностно-интегрированными: а) маленькие, б) маргинальные и в) неспособны ни на какое производство некоего универсального мировоззрения... У нас сейчас нет группы, которая сумела бы произвести доминирующие, разделяемое мировоззрение. (Виктор В., Москва)

Но с учетом сказанного выше следует пойти несколько дальше и сказать, что в современных российских условиях «демократизации культуры» (если воспользоваться термином Карла Манхейма) появление мировоззрения, способного доминировать в интеллектуально-активной среде, просто невозможно ввиду указанной имманентной структурной характеристики. Ностальгическая нота, звучащая в этом суждении, однако, также не является случайной и подводит нас к теме следующего параграфа.

8.2. Латентный авторитаризм

Цитированное в предшествующем параграфе высказывание, принадлежащее потомственному священнослужителю, не понаслышке знакомому с давлением на Церковь в советский период, позволяет затронуть некоторые мировоззренческие особенности современных российских наследников советской интеллигенции, которые — несмотря на декларативное признание ценностей свободы и мировоззренческого плюрализма — сохраняют определенные авторитаристские мыслительные установки и схемы. Это нетрудно зафиксировать путем сравнения: в приведенном высказывании священнослужитель связывает возможную неуспешность православной проповеди с собственной «леностью», пассивностью. Представители же светской интеллектуально-активной группы, напротив, во многих случаях адресуются к «власти», которая их игнорирует, не хочет замечать и слушать, т. е. к властной иерархии как необходимой опосредующей инстанции реализации своих проектов и установок. Этот момент постоянно присутствовал в ходе общения с представителями интеллектуально-активной группы: власть глуха, бескультурна и т. д. Например:

Мы с чиновниками сколько ни ведем беседы, все как от стенки отскакивает. Потому что они люди другой закваски, другого мышления, даже другого лексикона — они просто не понимают, для чего мы, интеллигенты, нужны. В этом вся проблема: не в том, что я не верю в себя как в творческую личность, а в том, что невозможно что-то доказать или заставить себя полюбить. Да, я понимаю, что мы государству просто не нужны. (Дмитрий, Архангельск)

Разумеется, ни о какой, например, «лености» интеллигенции речь при этом не идет. В приведенном высказывании ставится под сомнение не собственный потенциал говорящего как «творческой личности», а потенциал власти прислушаться к голосу интеллигентов. Однако, и это важный момент, латентный авторитаризм осознается и артикулируется самими представителями интеллектуально-активной группы, т. е. мы лишь частично реконструируем его в ходе

настоящего анализа, во многом он озвучен в размышлениях наших собеседников.

Весьма емко феномен латентного авторитаризма характеризует следующее высказывание, содержащее, с одной стороны, глубоко продуманную интеллектуальную позицию, а с другой — наблюдение из жизни московских представителей интеллектуально-активной группы:

[Для меня] есть некие принципиальные антиценности. Это прежде всего, скажем, признание себя в качестве либо быдла, либо начальника. То есть установление себя в этой системе координат. Это то, против чего я всю жизнь стараюсь бороться. Это не значит, что иерархия в принципе недопустима. У иерархии на самом деле есть куча функциональных преимуществ... Но проблема в том, что иерархия недемократична. Соответственно, чем больше демократии, тем мягче иерархия. А во-вторых, российское общество даже и не доросло до полноценного иерархического сознания. Оно находится на уровне некоторого феодально-сословного сознания. Его формы иерархического сознания в значительной мере имеют еще до-буржуазный характер. <...> Для России даже схемы мягкой ответственной иерархии пока что являются мечтой. <...> Я тут был на мероприятии, на котором выступал Сурков. Это были ужасные люди и ужасное зрелище, среди которых сам Сурков выглядел как один из немногих нормальных людей. <...> Он опоздал, и у меня было эмоционально ощущение, что когда вошел большой человек, то весь зал вцепился в стулья, чтобы не встать. Понимаете? Это было в глазах, казалось, что люди даже начали приподниматься на стульях. Как будто учитель в класс входит, или большой босс вошел — надо встать. Но они понимали, что это все как-то неправильно... и заставили себя усидеть. Если бы один человек встал — весь зал начал бы подниматься. Но, к счастью, все усидели. Вот это я считаю глубочайшей бедой в России: желание встать при входе начальника в комнату. Не начальник этого требует, это, я подчеркиваю, не принуждение, а желание. (Борис К., Москва)

Из приведенного суждения видно, что фигура авторитарности имеет сложную природу, две стороны. Принимая ее, ей подчиняются, и наоборот — подчиняются ей не в силу принуждения, а в силу того, что принимают ее. В то же время она имеет латентный, не артикулированный характер — не идеологическое кредо, а ментальная и поведенческая предрасположенность. Однако, будучи осознанной, она, как в приведенном высказывании, становится объектом критики. В случае некоторых из наших собеседников эта фигура авторитарности генерализуется, распространяется на всю категорию «интеллигенции»:

В подавляющем большинстве критических ситуаций интеллигенты, а университет номинально также можно считать интеллигенцией, вели себя как холуи. Поэтому я разрабатываю эту категорию холуйства и отношу ее почти к девяноста девяти процентам.

—А что-то меняется в последнее время или все и так остается? Значит так, раньше холуйство было перед властью, оно сохранилось в значительной степени и до настоящего времени. Но прибавилось холуйство перед копеейкой. Все. (Виктор, Ростов-на-Дону)

Инстанция «власти», кстати, в современно глобализированном мире не обязательно идентична власти российской. Это могут быть и международные институты, главное — сама фигура апелляции к источнику власти:

[Существует] привычка постоянно апеллировать к власти, постоянно кому-то жаловаться. Раньше звонили в обком, сейчас, если тебя не устраивает власть, вплоть до президента, обращаются в Европейский суд, в ООН, в какой-то там Международный трибунал в Гааге. Вот эта привычка жаловаться — она неистребима. Какой-то властный источник все равно находят. (Артем, Иркутск)

Следующая фигура авторитарности, которая зачастую проявляется во многих типах интеллектуальной активности, — далеко не всегда безобидная позиция «просветителя». Она, особенно в своей простой, педагогической форме, сводится к отношению знающего учителя и внимающего ученика, а в социальной проекции — выделение небольшой группы «знающих», наставляющих и направляющих профанов. Конечно, такая социальная и коммуникативная модель, сложившаяся в определенных исторических условиях, в настоящее время испытывает серьезные трудности, когда выносится за пределы контекста образовательной ситуации. Для ее социального и медийного существования в современном обществе нет предпосылок — интеллектуальность не является здесь прерогативой образованной касты, она рассредоточена и не предполагает каналов циркуляции, направленных «сверху», от образованного сословия, «вниз», к необразованному народу:

Потому что у нас теперь совершенно по-другому связывается высший класс с низшим, у нас теперь есть телевидение, у нас теперь есть Интернет, у нас есть все что угодно. То есть не нужно такого количества людей, которые транслируют идеи в низшие слои. Именно с этим связано и массовое

на российской территории обнищание интеллигенции, то есть получают мало и получать больше уже не будут. (Юлия, Нижний Новгород)

Наконец, с точки зрения социально-культурных образцов обращает на себя внимание ориентация российских наследников советской интеллигенции на «великих» субъектов — «творцов», «личностей», которые редки, но где-то есть:

Мы висим над пропастью постоянно. И те редкие люди, которые не равнодушны к этому, которые хотели бы что-то сделать, и я верю, что они есть, но их, к сожалению, слишком мало, вот этих людей я бы и хотел считать интеллигентами. (Новосибирск, круглый стол)

Всегда были там какие-то личности, ну духовные деятели, да, на которых люди равнялись. (Казань, круглый стол)

Допустим, был у нас такой Б., вокруг которого всегда тусовалось много народа, и абсолютно все это держалось на его личности. (Екатеринбург, круглый стол)

Понятие «личность», столь тесно связанное в русском гуманитарном языке с понятием «интеллигент», скроено при этом по вполне определенной модели — модели романтизации великих, исключительных людей. По своим социальным и культурным импликациям данная модель также в известной мере подталкивает к принятию и воспроизводству авторитарных социальных и культурных моделей.

Перечисленные выше моменты латентного авторитаризма, на наш взгляд, можно обнаружить во всей полноте в следующих размышлениях современного российского художника о государственной политике:

Тут есть такой момент: искусство, культуру вычеркнули вот этим понятием идеологии государства. Вот когда не стали обращаться к художникам, к музыкантам с какими-то заказами, с каким-то настроем или настройкой общества на какие-то проблемы. Можно очень сожалеть, что в этом плане государство очень быстро теряет вот какие-то свои позиции или ее вообще нет у государства позиции к культуре. Как-то все на самотек, что сейчас там перебесятся, как Кулик голый попрыгает. Закончит прыгать голый и начнет делать необходимое. <...> Если государство предоставляет возможность продвигаться таким художникам, вот здесь есть такая опасность, даже в том плане... вот, например, советский период.

Художники, там есть прекрасные мастера, сейчас они совсем пожилые, в живых их совсем немного осталось. У них есть прекрасные произведения, и если собрать коллекции у всех этих тенденциозных мастеров хороших работ, то они не будут по качеству уступать импрессионистам. Именно вот это может представлять национальную школу. Это мы можем взять и у композиторов, и поэтов. Но государство не прикладывает никаких усилий, например, чтобы хотя бы собрать какие-то эти коллекции. Они не считают необходимым познакомить следующие поколения с искусством вот того периода. Это ошибка конечно. (Александр, Архангельск)

Говоря о наличии здесь латентного авторитаризма, мы имеем в виду, конечно, не вопрос вкуса и ни прибегаем к упрощенному отождествлению советского искусства с авторитарным. Речь идет о том, что в области творчества художник апеллирует к инстанции власти сразу двояким образом: как к идеологическому, пропагандистскому заказчику и как цензору.

Есть и другие своеобразные формы оценки связи искусства и авторитарно-репрессивного давления власти:

Как ни странно, что именно при репрессиях, гонении и цензуре появляется настоящая, сильная культура. Именно в каких-то этих шорах, я бы не хотел сказать канонах, в шорах, наверное, будет более точно. Ведь в девятнадцатом веке, который мы называем золотым веком, родилась вся литература, которой мы гордимся не без основания. Опять же в советское время, я готов ручаться, что культура была на очень высоком уровне. Это и балет, и литература, и живопись, которая сохранилась благодаря, может быть, именно цензуре.

— И Сталинским премиям...

Да, и Сталинским премиям. Вот все не так однозначно. Тут не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Дали свободу — ничего не стало. <...> То есть это искусство для искусства. Каждый находит своих слушателей, зрителей, почитателей. И для них работает. Определенный слой культуры находит... конечно, стадионы. Но это называется массовая культура. Это как раз махровый расцвет низкопробной культуры (Иркутск, круглый стол).

Виталий Куренной

9. ОЦЕНКИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Власть-народ-интеллигенция — извечный треугольник отношений, задающий систему координат для огромного пласта размышлений и оценочных суждений дореволюционной русской, а затем и советской интеллигенции. Вариации этой триады и в настоящее время можно встретить всюду: от школьных сочинений до энциклопедий и трудов, претендующих на научное знание. Поэтому в качестве преамбулы к нижеследующему представлению ответов на вопросы относительно современной российской социально-политической ситуации¹, адресованные представителям интеллектуально-активной группы, нелишне напомнить некоторые самые общие места этой устоявшейся в русской культуре системы координат.

Важнейшее из них образцовым образом представлено П. Струве в сборниках «Вехи», где феномен русской интеллигенции определяется через ее отношение к государству, а точнее, через изначально критическую установку по отношению к государственной власти: «Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему»². Дмитрий Лихачев иначе расставил ценностные акценты и придал этому определению намного более широкий и универсальный смысл: «К интеллигенции, по моему жизненному опыту, принадлежат только люди свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам. Основной принцип интеллигентности — интеллектуальная свобода, — свобода как нравственная категория»³.

Иначе определял сущность, историческую роль и перспективы интеллигенции оппонент «веховцев» — Павел Милуков. Подчеркивая роль интеллигенции во всех ключевых событиях государственной жизни начиная с Петра I, он ожидал от интеллигенции дальнейшего расширения ее деятельного участия как в жизни государства, так и в жизни общества: «С расширением круга влияния [русской интеллигенции] будет ослабляться сектантский характер идеологии,

¹ «Как вы в основных чертах описали бы политику российской власти в настоящее время?»; «Что вызывает ваше наибольшее одобрение / осуждение?»; «Какие социальные группы на сегодняшний день в России могут и должны играть ключевую общественно-политическую роль? А какие играют в реальности?»

² Струве П. Интеллигенция и революция // Вехи. 1909.

³ Лихачев Д. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию // Новый мир. 1993. № 2.

дифференцироваться ее содержание, специализироваться ее цели, увеличиваться конкретность и определенность задач, выигрывать деловитость работы, обеспечиваться непрерывность, организованность и систематичность ее выполнения. Вместе с этим ростом солидарности будет уменьшаться вера в панацеи, в спасающие доктрины, в немедленный и крупный результат личной жертвы, личного подвига»⁴.

Учитывая эти парадигмальные для отечественной культуры суждения, обратимся к высказываниям наших собеседников — представителей интеллектуально-активной группы, в которых они формулируют актуальные проблемы нашего государства, оценивают деятельность власти и определяют свое отношение к ней.

Разброс оценок действующей российской власти весьма внушителен: от эмоционально-отрицательной («заслуживает омерзения») до чрезвычайно лестной («это лучшее, что у нас было со времен революции»). Критические высказывания, однако, преобладали. Распространенная моментальная и при этом критическая реакция на вопрос об одобрении / осуждении действий власти была такова: «Ничего не одобряю». Или вот такой ответ:

Все активно не нравится. Это на эмоциональном уровне, то есть просто ответ женщины: «Противно». Почему противно? Противно и все. Эстетически. Меня не устраивают эстетически все проявления. (Марина, Казань)

Впрочем, конкретизация этой оценки в ходе беседы все же состоялась. И она была вполне определенной:

— И все-таки можно конкретизировать?

— *Еще раз говорю — противно... [Длительная пауза.] Есть стойкое ощущение, что то, что делается, делается в чьих-то интересах. То есть ощущение превалирования частных интересов над общественными. (Марина, Казань)*

Этот диалог является образцовым в трех отношениях: 1) общая критическая оценка, 2) пауза, 3) конкретизация. Общая оценка выглядит, на первый взгляд, как радикальное отторжение власти. Пауза говорит о том, что собеседнице, видимо, нечасто приходится конкретизировать свою позицию. Наконец, конкретизация критической оценки свидетельствует не о тотальном отторжении, безразличности к власти как таковой, а о том, что собеседники не согласны с тем, как власть реализует свои собственные функции. Или какие средства она выбирает для реализации своих целей:

⁴ Милоков П. Интеллигенция и историческая традиция // Интеллигенция в России. 1910.

Нравится: более-менее интуитивно правильное понимание задач страны. Не нравится: почти все способы решения этих задач выбираются с точностью до наоборот. <...> Явное непонимание того, как это делается [правильно], причем делается красиво. Тонкая работа не получается. В чем разница между действиями элит периферии и полупериферии? Дизайн. Те же самые вещи делают красиво. Понятно, безработный из-под Бруклинского моста не определяет политику Америки. Но все красиво, все участвуют. А поскольку не умеют действовать тонко, действуют грубо. И показывают эту грубость: не будем мы с вами считаться, да пошли вы... Явное непонимание того, как это делать, как делать красиво. Вот нужно было посадить Ходорковского — не умеют. Красиво не умеют. Делают грубо, тупо, с процессуальными нарушениями — на смех всему миру. Где профессионалы? Иными словами, методы все неправильные. Цели иногда ставятся правильные, методы хамские, грубые. Второе — цинизм, абсолютный цинизм. Разрыв между тем, что говорят, и тем, что делают. Цинизм и пренебрежение ко всему. Наконец, в самой структуре заложено короткое мышление. Что это означает? — Надо украсть сегодня. А поскольку это начинается наверху, то это пронизывает все общество насквозь. (Александр П., Москва)

Иными словами, доминирующий критический настрой интеллектуально-активной группы по отношению к власти является не оппозицией ради самой оппозиции, но критикой существа действий власти, несоответствия слов и дел, заявляемых целей и методов их достижения. Поэтому оценки нередко дифференцировались в зависимости от того, что именно оценивалось — декларации или реальная политика.

9.1. «Удалось восстановить государственность»

Как в ходе интервью, так и на семинарах звучала и положительная оценка усилий, направленных на восстановления дееспособности власти и государства (в его функции обеспечения безопасности граждан), сохранение государственной (территориальной) целостности и национального единства, выстраивание управленческой иерархии, завязанной на центральную власть (нередко, правда, с характерной оговоркой насчет необходимости этих мер «на данном этапе»):

Хорошо, что удалось сохранить единство страны, хотя бы вот в этих границах российских. Единство удалось сохранить лишь потому, что удалось восстановить государственность. (Руслан, Москва)

Абсолютизм, иерархичность: мне кажется, что, по крайней мере, на этом этапе она очень нужна. (Нина, Тула)

Одобрю соби́рание госуда́рственнических сил... То, что в девяностые годы уходило, теперь собирается обратно... консолидацию сил и власти, пускай и незаконченную и корявую, но все же. (Петр, Москва)

Позитивное — это попытка единения нации... потому что в такой большой стране, как Россия, очень опасна разобщенность и кто куда, это невозможно собрать потом. (Александр А., Ростов-на-Дону)

Я поддерживаю силу государственной власти, государственная власть должна быть сильной, она должна контролировать то, что происходит в государстве, безусловно, это обеспечивает безопасность жителей... На данном этапе развития страны в этом есть необходимость. (Наталья, Дубна)

К позитивному регистру оценок можно отнести и выражение симпатии по отношению к действующим политическим лидерам. Сравнивая их с предшественниками, многие отмечают образованность В. Путина и Д. Медведева. В интеллектуальном плане и по складу характера они вполне удовлетворяют часть наших собеседников:

Наконец-то у нас у власти умные люди, умеющие мыслить системно, понимающие это, как мне кажется, из их высказываний, по крайней мере. (Анатолий, Тула)

Вот, скажем, Путин — это мой ровесник. И то, что они свободно говорят на иностранных языках, общаются без шпаргалок. Я же помню времена Брежнева, когда там все по бумажке и там несколько слов и все. В любом случае это вселяет оптимизм, что люди размышляющие, понимающие, самостоятельные. (Александр, Архангельск)

А все-таки, наверное, то, что он юрист не по-ленински, а действительно... Я верю, что он стал юристом, потому что он любит законы, он их ценит, они для него приоритетны. То есть совершенно цивилизный подход, они цивилизные люди. (Нина, Тула)

Ну и в целом, что это самостоятельный человек, а не кому-то слабо подыгрывающая марионетка. (Петр, Москва)

Правда, эти позитивные моменты могут отмечаться лишь как отрядный момент на фоне общей безотрадной ситуации:

У президента высшее образование, это уже греет. Он может разговаривать на английском, это впечатляет. Вспомнить Брежнева... Вообще ситуация настолько чудовищная, что малейшее улучшение к лучшему надо приветствовать. (Дмитрий, Владимир)

Несмотря на регулярно озвучиваемую симпатию к лидерам страны, преобладали тем не менее критические оценки. Среди всевозможных «пороков» власти, на которые, конкретизируя свои оценки, указывали наши собеседники, можно выделить несколько наиболее явных и артикулируемых проблем: равнодушное отношение к сфере культуры, отсутствие обратной связи с обществом, выстраивание «программы имитации и профанации» в различных сферах жизнедеятельности страны, коррумпированность основных агентов общественно-политической жизни страны (бюрократии и бизнеса), «вызывающая» внешняя политика. Остановимся подробнее на формулировках этих проблем.

9.2. «Нет у государства позиции к культуре»

Люди, не имеющие с искусством
ничего общего, не должны с ним
иметь ничего общего. Просто?

Станислав Ежи Лец

В одном из интервью композитор Тихон Хренников сказал: «Культура — это одно из основополагающих частей государства. Есть культура — есть государство. Нет культуры — нет государства». Подобной точки зрения придерживаются и многие представители современной интеллектуальной среды России:

Государство, на мой взгляд, — это есть его культура, это как его самоидентификация. Если есть культура национальная, то это должно быть приоритетом, а все остальное потом. Потом экономика и далее все остальное. (Максим, Архангельск)

По мнению ряда представителей интеллектуально-активной группы, такого равнодушия к сфере культуры со стороны государственной власти, которое есть сейчас, никогда не наблюдалось. Неоднократно наши собеседники в интервью, а также на круглых столах делали критический акцент на рационально-экономической

парадигме, которой руководствуются властные элиты. Культура более не является приоритетом. Культурная политика государства, а точнее ее отсутствие, вызывает явное неодобрение представителей интеллектуально-активной группы. Осуждение вызывает также всеобщая коммерциализация культурной сферы, использование рыночных инструментов в этой области. Например, одна из наших собеседниц эмоционально заметила:

И сейчас эти тендеры... Это таким надо быть идиотом, чтобы в искусстве проводить тендер на кто дешевле. Конечно, Ваня Пупкин скажет: я отреставрирую всё. Вот у нас сейчас реставрирует одна и та же фирма три памятника. Один платовский храм и два еще каких-то. Это уникальный памятник XVIII века. Они теперь одинаково залиты бетоном и оштукатурены. Их больше нет! Это человек, который назначил самую дешевую цену, но от памятников ничего не осталось, а он победил на тендере. Потому что ни один вменяемый специалист за такие деньги не взялся делать, понимая, что это невозможно. (Любовь, Ростов-на-Дону)

С сожалением представители интеллектуально-активных групп разных регионов — от юга России (Ростов-на-Дону) до Сибири (Иркутск) — отмечают отсутствие среди пакета «национальных проектов» проекта по культуре:

То, что нет национального проекта «Культура», — это просто чудовищно. (Любовь, Ростов-на-Дону)

Вот придумали идею этих нацпроектов, там и образование, и здравоохранение, и даже сельское хозяйство, а культура снова у нас где-то непонятно где. (Евгения, Екатеринбург)

На равнодушие государственной власти по отношению к сфере культуры сетуют представители самых разных сфер занятости: это и непосредственно представители творческих профессий, и те, кто оценивает эту ситуацию со стороны:

Отношение к той же культуре — оно совершенно равнодушное. (Максим, Архангельск)

По поводу культуры и власти. Мне сдается так, что культура власти не нужна. Разве что только вот действительно для какой-то красоты, для оформления праздников и, может быть, своей жизни. А на самом деле она им не нужна. (Иркутск, круглый стол)

Может быть, это мое советское детство, так сказать, говорит, но мне кажется, было бы все-таки хорошо, если бы к деятелям культуры и науки прислушивались больше... Все-таки мне кажется, вообще сейчас эти мнения этих людей не учитываются вообще, и очень напрасно... (Александра, Ханты-Мансийск)

У представителей творческих профессий, однако, эта проблема может представлять как достойная сожаления утрата государством интереса к пропагандистской, идеологической роли искусства:

А с другой стороны, если взять политику в отношении культуры. Тут есть такой момент, искусство, культуру вычеркнули вот этим понятием идеологии государства. Вот когда не стали обращаться к художникам, к музыкантам с какими-то заказами, с каким-то настроем или настройкой общества на какие-то проблемы. Можно очень сожалеть, что в этом плане государство очень быстро теряет вот какие-то свои позиции, или ее вообще нет у государства — позиции к культуре. (Александр, Архангельск)

В современных оценках экспертов, однако, ситуация может выглядеть несколько иначе. Некоторые из них подчеркивают, что интерес государства к культуре никуда не девался. И выражается он в стремлении контролировать контент культурных учреждений и мероприятий, не обращая при этом внимания на условия существования учреждений культуры, отпуская их в «свободное плавание»⁵: «Степень вмешательства государства в сферу культуры возрастает, а доля финансирования сокращается. Возобладал худший сценарий: чем меньше даю, тем больше лезу не в свое дело. Степень эффективности создаваемой системы очевидна и ребенку. Несложно предсказать и результат: отчуждение реальной культуры от государства, а общества от культуры»⁶.

Реже поднимается вопрос о том, что проблема в данном случае является обоюдной, речь идет о взаимном непонимании представителей культурной сферы и чиновников:

Да, они разговаривают на разных языках и не хотят изучать языки друг друга. Люди культуры и искусства даже не стремятся понять мир чиновников, ну а тем нет дела, получается,

⁵ В особенности это касается условий выживания региональных учреждений культуры, прежде всего — малых населенных пунктов и сельских поселений, где, согласно вступающему в 2009 году в силу Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»,

учреждения культуры должны «кормиться» в большинстве своем из бюджета поселения.

⁶ Дукельский В.Ю. Культура между рынком и администрированием // Пути России: культура — общество — человек / Под общ. ред. А.М. Никулина. М.: логос, 2008. С. 84.

до культуры. Между ними нет диалога... Диалоги случаются иногда, время от времени. Но это не есть система... (Наталья, Архангельск)

Кроме того, это непонимание отчасти является следствием незнания самих представителей учреждений культуры, а также представителей общественных организаций об имеющихся у них возможностях, «косность и лень» в поиске и реализации такого рода возможностей:

Общественные организации и люди, работающие в музеях, они не знают, что они имеют права, они имеют возможности, они имеют много-много всего, что они могли бы получить. <...> И вот эта косность и лень — она им не дает... Тут ведь надо самим проявлять инициативу, а инициативу проявлять не хочется... Если бы люди понимали, какие у них есть возможности, какие у кого есть полномочия и кто что может сделать, то вообще ситуация могла бы улучшиться... Потому что на самом деле и у музеев, и у общественных организаций, и у театров — у всех есть возможности получения финансирования. (Наталья, Архангельск)

9.3. «Деградация обратных связей»

*Жалоба, что нас не понимают,
чаще всего происходит от того, что
мы не понимаем людей.*

Василий Ключевский

Однако критически оценивается не только отсутствие понимания между деятелями культуры и чиновниками, но и более фундаментальная проблема, а именно нарушение коммуникаций между обществом и государственно-бюрократической системой в целом, дисфункция каналов «обратной связи». Констатация данной проблемы является повсеместной:

Поэтому очень важно, чтобы была построена система обратной связи вот в системе управления... У нас сегодня построили очень сильную прямую связь... эта иерархия построена... Но чем сильнее строится прямая связь, тем пропорционально надежнее должна быть построена и обратная связь, иначе система не замкнута, она становится саморазрушающейся — исходя из того же системного подхода, из той же кибернетики, из самых простых вещей. (Анатолий, Тула)

Они [государственные власти] на самом деле уже сами не знают, что делать, потому что обрубili себе все обратные связи в этой ситуации... Имеются в виду какие-то реакции от людей. То есть они получают такую реакцию, какую они сами же задают. Они не знают даже, что делать, потому что это же искажает ситуацию. И потом они понимают, что они не знают ситуацию в стране... Что пытаются какую-то Общественную палату создать, чтобы хоть какую-то реакцию получить. Вот и понятно, что не получают ничего. (Андрей, Москва)

Эта проблема может характеризоваться не как некий момент современной российской ситуации, а как структурная проблема всего характера существующего государственного строя:

Это довольно примитивная государственность, очень примитивная по своим технологиям управленческим, по тому, как осуществляется обратная связь с массами. Это крайне примитивная, не отвечающая XX веку государственность. (Руслан, Москва)

9.4. «Свободы печати вообще нет!»

Озвучиваемая проблема отсутствия «обратной связи» затрагивает, помимо прочего, также и вопрос о свободе слова. Специально такой вопрос в интервью не формулировался, но он, разумеется, всплывал там, где свобода слова воспринималось как значимая проблема. В некоторых случаях собеседники моментально озвучивают алармистский диагноз: «Свободы печати вообще нет!» Однако затем выяснялось, что речь идет о несколько другой проблеме, например, об изменении характера доступа к определенным СМИ:

Я раньше, допустим, по телевидению выступал раз в неделю, сейчас я выступаю... раз в год, наверное, не чаще. Ну, в общем, отсекли. А остальных вообще отсекли. (Владимир, Казань)

В одном из городов нам удалось побеседовать как с автором, считающим, что со свободой слова дела стали хуже, чем были раньше, так и с редактором издания, о котором упоминалось в разговоре с ним. На наш прямой вопрос редактор объяснил это просто: «Но невозможно, человек же не станет за свои деньги читать вот это все. <...> Раздумья, песни о родине». Таким образом, ущемлением свободы слова авторы могут объяснять в том числе отсутствием запроса на свое конкретное творчество. Собственная проблема востребованности как автора тем самым приобретает иное, политическое звучание — получается, что проблема не в творчестве автора, а в цензуре и т. п.

Крайние алармистские оценки уравнивает более спокойная позиция, в рамках которой озвучивается проблема доступа лишь к отдельным медийным площадкам, в особенности к телевидению:

Нам никто ничего не говорит, нами никто не командует, у нас нет цензуры, слава богу. Но дело в том, что мы очень маленькие, у нас маленькие тиражи. Мы не влияем на общественное сознание, мы влияем на сознание своей группы, но это очень мало. В те редкие случаи, когда можно бывает что-то сказать по телевидению, чаще всего это связано только с вопросами культуры, к сожалению, но никак с вопросами общества. Я пытаюсь всегда переходить на общественную проблематику, но это дается с большим трудом, и потом это все вырезается, у нас же нет прямого эфира... (Наталья, Москва)

Существует также осознание того обстоятельства, что за проблемой «свободы слова» нередко стоят и другие вопросы — отсутствие запроса на нее со стороны общества, низкие стандарты самой журналистской этики и т. д.:

Если какую-то внешнюю рамку взять, то все каналы ловятся, газеты в киосках продаются... проблем с этим нет. Но внутрирегиональная ситуация такова, что свобода не востребована, кажется, никем — ни населением, ни элитой. Был прецедент с газетой... которая возглавлялась депутатом областной думы, политиком, который при входе нового губернатора независимо себя вел, публикации довольно смелые были. Затем их привлекли к ответственности за клевету, оскорбления и т. д. Долго тянулась эта история у него, у его коллег. Неоднозначный был момент. С одной стороны, очевидно, что это политический заказ, это все понимали, что журналист страдает за то, что высказывался слишком свободно. С другой стороны, уровень профессионализма журналистов, которые там работают, он таков, что там нет представлений о журналистской этике. Я сам, скажем, в одном случае в каком-то смысле был жертвой клеветы со стороны этой газеты. И многие люди себя так же воспринимали. В этой газете не очень много задумывались над тем, насколько правдива информация, которую они печатают, какие-то еще этические нормы не выполнялись — предоставить слово другой стороне или что-то еще. <...> Сочувствующих не нашлось в регионе, все понимали, что он стал жертвой заказа, но в то же время не было ни у кого ощущения, что он прав в этой истории, т. е. не правы те, кто преследует его, но также он сам не прав. (Илья, Калининград)

На основе тех оценок, которые прозвучали в ходе настоящего исследования, можно сказать, что проблема свободы слова не оценивается представителями интеллектуально-активной группы как драматически острая. (Но мы не имеем права обобщать этот вывод на ситуацию в целом, поскольку сам морфологический критерий опроса респондентов — наличие выхода в сферу публичности — указывает на то, что в их число попадали люди, все-таки имеющие такой выход. Соответственно, среди тех, кто такого выхода не имеет, доминирующий характер может быть иным.)

9.5. «Имитационная программа»

Отсутствие «обратной связи» регулярно рассматривается и тематизируется представителями интеллектуально-активной группы не в связи с наличием прямых ограничений на свободу слова, а в связи с несколько иной проблемой — имитационным характером мира, который создает для себя и в котором живет современная российская власть:

Есть деградация обратных связей. Власть выстраивает имитацию своей поддержки; вместо того чтобы реальную информацию получать, она получает то, что хочет получить. (Сергей, Ростов-на-Дону)

Иными словами, та обратная связь, которая существует, представляет собой не более чем «фейк» (подделку), отдаленное подобие возможной коммуникации:

Если кратко давать характеристику [текущей политической ситуации], то, по моему ощущению, политическая коммуникация на сегодняшний день носит во многом имитационный характер. Нельзя сказать, что она отсутствует, нельзя сказать, что она беспредметна, нельзя также сказать, что она неактивна. Но у меня возникает ощущение, что люди, участвующие в процессе политической коммуникации, либо заранее знают, что они обо всем договорятся, либо просто не слышат друг друга. (Евгений, Нижний Новгород)

В данном случае в лице власти критической оценке подвергается то, что современный российский социолог описывает как «механизм блефа»: «Еще один очень существенный механизм, характеризующий поведение российского человека сегодня, — механизм блефа... Он предполагает не реальное достижение цели или недостижимые идеалы... но своеобразное надувание щек и пускание пыли в глаза»⁷.

⁷Дубин Б.В. О границах и проблемах социологии культуры в современной России // Пути России: Культура — общество — человек / Под общ. ред. А.М. Никулина. М.: 2008. С. 13.

Фразы с наличием таких слов, как «имитация», «манипуляция», очень часто встречались в высказываниях наших собеседников. Это касалось и вопросов обратной связи, и тех деклараций, за которыми нет реальных дел, состояния политической системы в целом или ее отдельных аспектов. Осознание разрыва между реальностью и создаваемой видимостью присутствует независимо от того, что позитивного усматривают в этих словах и декларациях наши собеседники. Имитацию в действиях власти усматривают как либералы, так и «империалисты»:

Мне категорически не нравится то, что, проводя вполне либеральную политику, верховная власть отказалась фактически от либерализма в других сферах, от либерализма в средствах массовой информации, либеральных свобод, от политических свобод. То есть она перешла в режим имитационный. (Валерий, Нижний Новгород)

Одобрение вызывает некий имперский, что ли, дух, который сквозит иногда в отдельных высказываниях руководства, осуждение — отсутствие реального подтверждения подобных высказываний. Снова профанация. (Андрей, Владимир)

«Слова, слова, опять слова», — иронически напел один из собеседников. Прекраснодушные декларации представителей правящей элиты попросту не реализуются. За ними нет реальных дел. И это, пожалуй, весьма необычное явление, если взглянуть на эту ситуацию в более широком контексте истории русской и советской интеллигенции.

Получается, что исторически традиционный упрек, адресуемый интеллигенции, — в ее умозрительности, оторванности от реальности — в современной России своеобразным образом возвращается власти. Это именно власть живет в воображаемом, изолированном от реальности мире:

Говорит много правильных слов, но пропасть между риторикой и реальными делами очень велика. Слова замечательные. Что ни послание президентское, подо всем могу подписаться, другое дело, то, что в реальности... (Владимир, Москва)

В этой ситуации существующие каналы и способы осуществления коммуникации приобретают декоративный характер ритуала:

Коммуникация внутри элит — экономических, политических, региональных элит — она с какими-то, скажем так, условными результатами. Потому что это выглядит словно бы... как Закон Божий. Собрались, помолились перед принятием пиццы и приняты... (Евгений, Нижний Новгород)

Возникает ощущение профанации, бессмысленности и бессистемности существующих начинаний, например, «национальных проектов»:

Нацпроект — это просто система распределения денег, никакой идеологии, никакой концепции системы образования или другой системы в ней нет... За всем этим нет содержания. (Александра, Ханты-Мансийск)

Любопытно, что такой имитационный режим даже не шокирует некоторых представителей интеллектуальной среды (см. выше о механизме «блефа» как универсальной социальной модели поведения). Этот факт воспринимается как данность и комментируется соответствующим образом: «понятно, что это „фейковая“ программа», «безусловно, это имитационный режим» и т. д.:

Вот поэтому и плохо, да, что не было выбора, других возможностей, что были исключены все другие возможности. Даже вот тот, который был... Богданов. Я посмотрела тут его программу, так он предлагал России стать частью Евросоюза. Понятно, что это «фейковая» программа... (Оксана, Москва)

Но есть и стратегия «отстранения» от такого рода самопонятности — ирония, которая нередко сопровождала такого рода оценки.

9.6. «Авторитаризм процветающий» и «обвинения в авторитаризме смешны»

Выше уже шла речь о латентном авторитаризме представителей интеллектуально-активной группы. Чаше звучал упрек в авторитаризме, адресованный самой власти. Осуждая авторитаризм, наши собеседники апеллируют не к неким общим нормам. В авторитаризме, понятом как стремление руководить, манипулировать обществом, неприятие вызывает, скорее, его неуместность, оскорбительный характер такой стратегии поведения по отношению к собственному достоинству:

Авторитаризм... Я вижу, как власть давит на журналистов, как она давит на общественное мнение, как она манипулирует общественным мнением, я опять... живу в стране, где выборы без выбора... где авторитаризм процветающий, где наследника назначают... Для меня, как для свободного человека, это все очень неприятно. (Наталья, Москва)

Другой тип отрицательной оценки — возможная угроза профессиональным занятиям, беспокойство за свой институциональный субстрат существования:

Это как бы возврат, откат... к каким-то советским... Ясно, что это не будет советское, что это будет что-то совершенно другое... существующее на фоне каких-то рыночных, странных рыночных отношений. <...> Весь этот фон как бы создает некую специфическую ситуацию, такой вот откат к каким-то авторитарным порядкам, к стабильности... Возникает ощущение, что закрываются какие-то свободы и какие-то возможности. Нашего [исследовательского] центра это сейчас не касается никаким образом. То есть касается, но в общем плане, но никто к нам особенно не приходил и ничем не пугал, не заставлял какие-то исследования не проводить... Но потенциально, мне кажется... это касается не только каких-то общих глобальных вопросов — как в России мы будем жить, — но и моей собственной повседневности. Да, [я боюсь, что] мои собственные профессиональные возможности будут прикрывать. Я уж не говорю про все эти западные фонды, про всех этих шпионов и так далее. (Оксана, Петербург)

Не питая особых иллюзий по поводу западных демократий в пользу того, что демократических режим есть меньшее зло, чем авторитаризм, высказываются и те, кто относит себя к сторонникам левых взглядов:

Это все неприятно. Удручает отсутствие демократии. С другой стороны, я так, может быть, не очень-то и верю в демократическое представительство. Чисто теоретически, как человек левых убеждений, конечно, я считаю, что буржуазная демократия, ничего в ней такого хорошего нет. Но по крайней мере... она немножко все-таки, мне кажется, была бы предпочтительнее, чем, скажем, просто авторитарная такая модель. (Оксана, Москва)

В некоторых случаях наши собеседники оправдывают эту стратегию «авторитаризации» как необходимую меру в условиях ослабленного государства и накопленного потенциала социальных конфликтов:

В принципе, если отойти от эмоций, перейти к анализу, то, безусловно, режим был необходим, авторитаризация была неизбежна. Страна, в которой одна часть населения боится, что другая придет к власти, где бизнес-класс боится народа, где народ ненавидит собственный бизнес-класс, где каждое свободное голосование это, вообще говоря, ожидаемая катастрофа и т. д. Одни ждут чемоданов, как бы убежать из этой страны, а другие ждут, когда же им дадут палки, чтобы побить все витрины, — это ненормальная ситуация. Даже

учитывая то, что верхи этой протестной оппозиции уже абсолютно приручены властью. Все равно это ощущение. В ситуации такого раскола неизбежно приходит авторитарный режим, то есть силовые структуры заменяют собой отсутствие целостности. (Борис М., Москва)

Но есть и диаметрально противоположная точка зрения на попытки подвести объективные основания под авторитарную модель власти:

Конечно, можно сказать... впасть вот в эту теорию, что правительство — единственный европеец в России, спасительный авторитаризм — с этим я тоже не согласен. В самом авторитаризме нет ничего спасительного, в нем есть просто очень много понятного. (Борис К., Москва)

В некоторых случаях наши собеседники стараются объяснить действия власти, прибегая к языку психологического и даже психоаналитического диагноза:

Ощущение такого властного снобизма, что ли, и... по отношению к своим согражданам, и по отношению к соседям. Я бы так описал. Неожиданное возрождение... силы, каких-то утраченных, потаенных желаний и возможности их реализовать. Может быть, тоже травматический опыт в каком-то смысле. Современная власть, мне представляется, имеет какой-то свой глубокий травматический опыт. <...> Эти люди, которые сейчас пришли к власти, пережили некую травму, может быть, унижения или неудачи, и они хотят эту травму как-то компенсировать. (Роман, Ростов-на-Дону)

С темой имитации перекликается вот такое осуждение авторитаризма, сочетающееся с оценкой действующей власти как недостаточной авторитарной:

Опять же у большинства моих коллег — отторжение [действий власти]. <...> Сволочи, значит, там, авторитаристы, фашисты — и все такое. Это все понятно. Но я все-таки всегда стремлюсь понять. Ясно, что они не с неба упали, что это связано с определенным положением России в мире, с определенным геополитическим, политэкономическим раскладом. И в каком-то смысле часть политики, которая делается, ее бы делало любое правительство. К сожалению, какой-то националистический, как я его называю, меркантилистский вектор российской политики неизбежен. Но что значит — поддерживаю? Я не поддерживаю вообще всю эту систему. Но в

рамках возможного — ну да, я думаю, что в каком-то смысле определенная деятельность по защите национальных интересов России оправдывается. И просто печально, что бездумные власти — они не просто занимаются одним из аспектов такой борьбы за национальные интересы, но как бы насаждают весь пакет консервативного национализма. Понятно, с недоверием к оппозиции, с культом семьи и т. д. Национализм мог бы быть динамичным, мог бы быть реформаторским, развивающим. А этого нет. То есть ставка делается на загнивание. И вот это мне не симпатично. То есть, грубо говоря, опять же, если выбирать из возможного, мне кажется, что... те, кто ведет нас за собой, — это слабые, беспомощные, бездумные люди. И их обвинения в авторитаризме смешны, потому что как раз они недостаточно авторитарны, недостаточно волевые и сильные и поэтому ничего не делают. У них сейчас такой кредит власти, кредит доверия. Им надо было бы действительно перетряхнуть страну. Даже коллеги меня за это ругают, но я считаю, что, если бы расстреляли сотню коррупционеров, это было бы очень оздоровительно. То есть власть в каком-то смысле недостаточно жестка. В каких-то моментах она очень жестка, в том числе что касается подавления оппозиции, но не там, где надо. Поэтому, конечно, пока что развитие страны, которое необходимо, оно и в социальном, и в экономическом смысле тормозится. Пока это, конечно, болото. (Артемий, Петербург)

Довольно трудно понять эту логику авторитарности, условия ее существования и причины, затрудняющие смягчение иерархии. С одной стороны, власть уличается в распространении авторитаризма, с другой стороны, само общество проявляет готовность принять авторитарные правила игры, более того, спровоцировать возникновение жесткой иерархии в той ли иной ситуации.

9.7. «Социальные группы находятся в состоянии безмолвия»

Одна из задач исследования состояла в выявлении базовых способов систематизации (категоризации) социальной реальности, которые используют представители социально-активной группы. Для этого, не предлагая готовых вариантов ответа, задавался вопрос, предполагающий оценку социальной структуры современного российского общества, самостоятельное выделение социальных групп и иерархий, воспринимаемых как общественно значимые. Но оказалось, что здесь есть сложность, фиксируемая респондентами: непроявленный характер активности тех социальных групп, которые составляют российское

общество. Как это определил один из наших собеседников, общество находится в «состоянии безмолвия», когда, кроме самой власти (бюрократии), ни одна из групп не проявляет себя в какой-то определенной форме социально-коммуникативной активности:

Сейчас мы живем в такой ситуации, когда какие-то крупные социальные группы, или страты, находятся в состоянии безмолвия. (Тимофей, Москва)

Но даже эта группа не формулирует какой-то ясной идеологической позиции:

У нас сейчас ситуация, когда гегемоном является пассивный класс, который не может даже сам сформулировать свою идеологию. (Артемий, Санкт-Петербург)

Отсутствие озвучиваемых позиций связывается с отсутствием условий для коммуникации — в том числе и в среде самих представителей интеллектуально-активной группы (атомизация):

Потому что действительно каждый сам по себе. Ведь просто встретиться и поговорить — большая проблема, очень большая проблема. Я могу сказать, допустим, вот в Греции — могли на горе, вот на этой площади торговой подойти, вот, в принципе, так сказать, встретиться с Сократом, задать вопрос о том, что такое время. А теперь где это пространство обсуждения? В этом смысле это действительно большая проблема. (Семинар в Новосибирске)

В некоторых из высказываний пронзительно звучит усталость и апатия, потеря интереса к какой бы то ни было коммуникации, которая воспринимается как лишенная всякого практического смысла:

Честно говоря, я... даже уже как-то надоело все это. Пускай она будет, какая есть. Вот уже все. Сколько можно. Ну, грустно, конечно. Какой-то опять... монополизм получается. (Андрей, Тула)

Некоторые из наших собеседников указывают на то, что коммуникативное безразличие является реакцией на позицию власти:

Если власть никак не заинтересована, как о ней думают люди, тогда зачем людям выступать со своим мнением, если это никого не интересует. Это естественное психологическое явление, отторжение того, что к тебе безразлично или агрессивно. (Алексей, Москва)

Масса людей выступает против [реформы образования], вы референдум проведите, зачем вы это продавливаете? Хорошо, вопрос. Есть трибуна для обсуждения? Ее нет, потому что сверху слышать ничего не хотят, так как все уже знают, в данном конкретном случае я говорю о чиновниках образования. А статьи в журналах—это братская могила. Вот же вопрос в чем. (Олег, Новосибирск)

Но звучат критические оценки и в адрес самой «интеллигенции»:

Они [интеллигенты] не играют [никакой роли] — они все проиграли. Может, они плохо работали, в том числе интеллектуально. Очень мало. (Наталья, Москва)

Но как уже было видно из приведенных высказываний, в этой ситуации коллапса коммуникации и апатии представителями интеллектуально-активной группы тем не менее выделяется ряд групп, которые воспринимаются как значимые субъекты социального действия, социального влияния. В этом вопросе наши собеседники проявили редкое единодушие.

Доминирующей социальной группой, согласно оценкам подавляющего большинства наших собеседников, является *бюрократия* (чиновничество) в целом. В более дифференцированных вариантах ответа речь идет о контролирующих или силовых сегментах государственно-управленческого аппарата.

9.8. Социальная стратификация: влиятельные социальные группы

О том, что бюрократия является наиболее влиятельным обществом в современной России, говорят практически все без исключения представители интеллектуально-активной группы:

Сложилась ситуация, когда единственным влиятельным игроком на этом поле является власть и ее структуры. Бюрократический аппарат. (Тимофей, Москва)

В последние годы, мне кажется, бюрократия, региональная, центральная и так далее. Причем доминирует она не только в политическом смысле, она доминирует в больнице, местная бюрократия, там, скажем, главный врач, бухгалтер и так далее, они определяют, а не заведующий отделением. В университете функционеры, а не академическое сообщество, ученый совет и так далее. То есть да, бюрократия, функционеры в разных областях. То есть люди, наделенные властью, и

люди, имеющие доступ к каким-то финансовым потокам, но, как правило, это государственные чиновники. (Роман, Ростов-на-Дону)

Признание этого не обязательно сопровождается рефлекторной отрицательной оценкой:

Чиновничество. Я не в смысле осуждения произношу это слово. У нас принято сейчас ругать чиновников, они плохие... Менеджмент, политический менеджмент—они наиболее влиятельны. (игумен Афанасий, Владимир)

Эта ситуация может восприниматься как само собой разумеющаяся, она констатируется как факт, не более того:

Я думаю, что это прежде всего, конечно, чиновники, бюрократия. Я не беру, конечно, клерков, которые вряд ли там какую-то политику определяют. Но бюрократия, начиная, допустим, вот с уровня региональных министров, глав муниципальных образований и выше,—вот они определяют все. Потому что... понятно, что народ никакой власти не имеет, у нас это естественно. (Мидхат, Казань)

Высказываются и далекие от такой взвешенности суждения, в которых неприятие «чиновника» доходит до уровня социально-психологического отторжения:

Чиновник по определению туп... чиновниками становятся по сути отбросы общества, те, кому нечем заняться в жизни. Они не любят ни медицину, ни науку, ни искусство. Это в принципе неумные люди. Они компетентны в чем-то, но по мировоззрению они недалекие люди. (Дмитрий, Архангельск)

Бюрократический слой в современной России может надеяться определенным групповым самосознанием, т.е. выступать как полноценная социальная общность:

Можно говорить о социальной группе бюрократии, которая выполняет позитивную функцию, потому что функционирование страны происходит благодаря ей, но эта группа как целое играет негативную роль. Эта группа относит себя к некоему слою, касте, которая стоит над другими. (Михаил Р., Москва)

Указание на бюрократию как наиболее влиятельную группу связывается с ее отрицательной оценкой в силу того, что отсутствует

доверие к честности выполнения ею своего общественного долга (приведем уже цитированное в другом контексте высказывание):

Есть стойкое ощущение, что то, что делается, делается в чьих-то интересах. То есть ощущение превалирования частных интересов над общественными. (Марина, Казань)

Логика действий бюрократов или политиков (симптоматично, что эти два понятия никогда четко не различаются в высказываниях наших собеседников) рассматривается как подчиненное не этосу служения обществу, а как реализация, например, экономических по своей сути интересов:

Я прихожу в политику... я реализую определенную программу, то есть получаю эффект или не получаю с определенными издержками. Экономический ход мысли. (Дмитрий, Москва)

Оценки представителей православной церкви по этому вопросу были весьма осторожны:

Действительно ли это порядочные люди, я не берусь судить... простите, я не готов к таким разговорам. (отец Андрей)

В ряде случаев наши собеседники вводили в свои размышления историческую перспективу:

После девяносто первого года, в принципе, было три слоя, которые играли какую-то роль. Первое, это бандиты, они определяли микросоциальные правила, второе—это интеллигенция, она господствовала по схеме дискурса определения ценностей, третье—это бюрократия, она господствовала где-то в промежутке между микро- и макросоциальными слоями. Вот, а что касается нынешней ситуации, то получается что бандиты, по сути, ушли, сейчас микросоциальные правила тоже устанавливает бюрократия, она же по-прежнему диктует правила между микросоциальным и макросоциальным, вот эти инструкции бюрократические и т. д. (Андрей, Москва)

В некоторых высказываниях понятие «бюрократия» или «чиновничество» в роли наиболее влиятельной группы конкретизируется. В частности, речь идет о службах безопасности как части этой структуры. Причем свое лидирующее положение эти группы заняли постепенно—по мере того как другие обнаруживали свою «неэффективность»:

Это как бы уже тоже часть мифологии, не хочется ее в очередной раз воспроизводить. Но тем не менее все-таки это люди, как-то связанные со спецслужбами, не обязательно ФСБ... Обидно это признавать, что единственной эффективной структурой и единственными профессионалами, которые хоть как-то способны оказались организовать экономическую, политическую, социальную жизнь в стране, единственным институтом... оказалось все-таки, ну если по-простому, тип КГБ. Больше никто. Ни образованные либерально-демократически мыслящие экономисты, ни интеллигенция. (Илья, Петербург)

В качестве наиболее влиятельных указываются и другие сегменты бюрократии. В частности:

Чиновничество, работающее в регулирующих, контролирующих сферах. (Марина, Казань)

В качестве второй по влиятельности группы в современном российском обществе наши собеседники чаще всего выделяют бизнес. Точнее, речь идет о единой структуре, в которой бюрократия и бизнес представляют собой взаимопроникающие элементы одного целого:

У нас кто хозяин страны? Бюрократия и привластный бизнес. Есть власть и бизнес, тесно связанный с властью. Изменилось только соотношение сил в этой паре. Теперь все забирает чиновник и дает пятнадцать процентов бизнесу. (Александр П., Москва)

В России появился такой самый настоящий класс чиновничества и крупного бизнеса, который в значительной степени основан на коррупции, и вот этот коррумпированный государственно-монополистический капитализм предельно неэффективный, глубоко антинародный, глубоко антидемократический, так он в настоящее время оказался доминирующей тенденцией развития нашего общества, мне это крайне не симпатично. (Николай, Санкт-Петербург)

Чиновники среднего звена—это доминирующая группа. Вторая группа, в регионах по крайней мере, это прослойка успешных предпринимателей, которые успели отстроить бизнесы, ограниченно завязанные на чиновниках. (Тимур, Калининград)

Сейчас играет большую роль, так сказать, первую голову—бизнес, вторую голову—бюрократия и третью голову—силовики...

Других слоев активных нету... То же студенчество, рабочий класс задавлен. (Петр, Москва)

Значительно реже, и то с определенными оговорками (как важный для экономического существования страны), на первое место ставится бизнес:

Ну, у нас, ну значительную, смотря в каком плане, конечно, социальная группа, которая называется бизнес, она играет сейчас очень большую роль, ну потому что понятно, это основа экономики, это тут внутренние есть ресурсы самовывживания, саморазвития, и здесь особо надо только им как бы не мешать, а если немножко еще поддержать, то это вот как бы работающий механизм. (Анатолий, Тула)

За рамками перечисленных устойчивых типов высказываний происходит дисперсия оценок. Как правило, высказывания просто не распространялись на более низкие уровни социальной стратификации. Значение отдельных групп подчеркивалось лишь в особых контекстах. В частности, отмечалась возросшая роль Церкви, но отмечался непостоянный характер ее востребованности:

Если общество поставить в серьезные условия, то есть в условия опасности, то всегда самым влиятельным голосом будет голос религиозный. Когда приближаемся к барьеру жить-умереть, выжить—не выжить, как тревога—то до Бога. Как сказал один парень, герой России, батюшка, на войне неверующих нет. Пока все хорошо, не нужен ни патриарх, ни попы, когда что-то серьезное, то... (отец Георгий, Владимир)

В Сибири в качестве активной группы неоднократно назывались активисты экологического движения.

Вопрос о влиятельных социальных группах помимо фактической составляющей (какие группы наиболее влиятельны?) имел также нормативную (кто должен играть большую роль, чем сейчас?). Здесь можно выделить несколько устойчивых ответов. Во-первых, представители интеллектуально-активной группы считают, что желательным является большая влиятельность предпринимателей, прежде всего средних и мелких:

Вот бизнес—это альтернативный властному интерес все-таки, и если бизнес включится не столько в отстаивание собственных экономических интересов... а поднимется чуть выше и поймет все-таки, что его судьба связана в том числе

и с политически-культурной средой в этой стране, и если начнет играть и на этом поле, то это совсем другое дело. (Вадим, Иркутск)

Сейчас самая здоровая сила... это бизнес-класс, какой-то более или менее не сырьевой бизнес-класс — и тоже размываемая сила. Но сейчас я особо другой и не вижу. (Борис М., Москва)

И крупный, и мелкий бизнес должны играть очень активную роль. Бизнес должен почувствовать некую социальную ответственность. (Роман, Ростов-на-Дону)

Во-вторых, из соображений ли собственной значимости и ощущения невостребованности, из желания ли предоставить социально-одобряемый ответ, из искренней ли уверенности в собственных силах и возможностях, из ностальгии ли по прошлому, но, так или иначе, респонденты нередко выражали уверенность в том, что интеллигенция, преподаватели, творческие работники и «приходская интеллигенция» должны играть более значимую общественную роль:

Прослойка интеллигенции должна бы играть такую роль. Потому что они постоянно думают — о прошлом, о будущем, о смысле жизни. Просто думают, в конце концов. Кто-то из них может не то что учить людей жить, а открывать им какие-то двери, показывать, вот, смотрите, как надо жить. Никакой чиновник так не сможет, его дело функционировать, это механизм. Никакой художник, писатель, композитор не функционален. Он свободен. Поэтому он как раз представляет интерес. (Дмитрий, Архангельск)

Некоей силой могло бы быть интеллектуальное сообщество или приходская интеллигенция, которая могла бы иметь общую идею. (Петр, Москва)

Я думаю, ведущую роль должны играть лучшие представители общества, профессура, я не знаю... люди искусства. Вообще, как бы сказать, даже в обезличенном, не то чтобы кто-то, а вообще культура должна играть ведущую роль, мне кажется. (Максим, Архангельск)

Несмотря на характерную для интеллектуально-активной группы фрагментарность и отсутствие четкой иерархической структуры, у представителей данной группы все же осталось стремление к господству, к преследованию своих собственных интересов как группы. В этом смысле интеллектуально-активная группа, как и прежде,

стремится к обладанию авторитетом, который когда-то был ей присущ, и преследованию своих собственных интересов.

Встречаются и более редкие суждения, например, помимо «ученых», в целом подчеркивается роль «аграриев»:

Две группы населения должны, подчеркиваю, должны сыграть ключевую роль в развитии России. Это группа аграриев и группа ученых. Я не просто так говорю. Ведь аграрии — это те, кто могут организовать не просто продовольственную безопасность, но они могут организовать территориальную безопасность... Вот, а теперь другая группа — ученые. Дело в том, что в классическом понимании инновационных процессов как продуктовых насыщений рынков мы безнадежно отстали, и в этом смысле наш импорт вполне закономерен в связи с ростом наших потребностей... (Александр, Дубна)

Однако в большинстве случаев акцентирование необходимости повышения социальной значимости интеллектуальных профессий не просматривается. Напротив, может утверждаться, что интеллигенция не может и не должна играть какую-то там «особую роль» в общественно-политической жизни страны, постольку-поскольку она уже свою роль либо сыграла, либо вообще должна находится как бы вне этой системы координат:

Хотя у меня тут есть своя версия. Просто это понятно: интеллигенция выполнила свою функцию — и все. И все! (Сергей, Казань)

Мне кажется, что интеллектуальные элиты должны занимать место вне этой системы. Находиться рядом с той системой различных элит — государства, бизнеса, общественных институтов, институтов гражданского общества — начиная от конфессиональных объединений и заканчивая общественными объединениями. (Евгений, Нижний Новгород)

Эти высказывания, однако, имеют дисперсный характер, по отношению к которому можно отметить устойчивость и регулярность суждений относительно бюрократии и связанного с бюрократией бизнеса как наиболее влиятельных и заметных социальных групп, выделяемых представителями интеллектуально-активной группы в современной российской социальной реальности.

Виталий Куренной, Анна Турчик

CASE STUDIES

Дмитрий Rogozin

В ПОИСКАХ УРАЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В трагическом и горько-недоуменном положении находится российский «интеллигент» — явление поистине достойное жалости и смеха и, во всяком случае, серьезного изучения, как нечто безмерно своеобразное и в истории небывалое.

Леонид Андреев.

«О русском интеллигенте»

Первое, что бросается в глаза при въезде в центр Екатеринбурга, — хаотичное нагромождение строений, отсутствие общей перспективы, невозможность уловить хотя бы намек на архитектурный замысел, выходящий за пределы одного строения. Глянцевые небоскребы, нависающие над одинокими покосившимися деревянными домами, кое-где завешенными броскими вывесками; недостроенные высотки, уже примелькавшееся типовые строения «элитных» домов и торговых центров, закрывающие добротную застройку позапрошлого века. Затеянная несколько лет назад и тогда же успешно проваленная кампания по созданию генерального плана была вовсе не лишней городу. Не нужно быть специалистом в архитектуре, чтобы увидеть — общие перспективы площадей, проспектов, улиц давно никем не рассматривались. Над городом тяготеет частный, мелкособственнический интерес людей, чье воображение заканчивается за входной дверью. Идею фрагментарного, атомарного городского ландшафта легко перенести на отношения между горожанами, не менее разорванные и обособленные.

Разговор об интеллигенции на семинаре¹ поначалу не задался. Долго рядили, что же из себя последняя представляет. Ни к чему не пришли. Осталось лишь расписаться в отсутствии таковой. Но на этом не остановились. Порешили, что нет не только интеллигенции, но и места для нее. Социальное пространство, ранее обживаемое этой группой, сомкнулось, перестало существовать. Распались скрепы, удерживающие интеллигентов в круговороте социальных отношений,

¹ В Екатеринбурге семинар был проведен 10 июня 2008 года в Институте философии и права.

позволяющие говорить об общей идентичности столь разнородных по устремлениям и манерам людей, когда-то объединенных единым светом просвещенческой миссии.

Интеллигент и интеллектуал. С первого раза обнаруживаются скорее исторические, нежели содержательные различия. Трудность заключается не в понятии, а в том насколько разнородные группы примеряли его для собственной социальной идентификации. Народники, русская интеллигенция, эмиграция разных волн, шестидесятники, советская интеллигенция, варяги перестройки, постсоветские интеллектуалы. Сейчас кажется легким отказ от именованного интеллигентом, что в общем-то интеллигентно по сути. Скромность и невозможность самопрезентации продиктовано особой мессианской и послушнической ролью интеллигента. Иначе откуда взять ресурсы на столь грандиозные задачи — преобразование и просвещение общества, противостояние властным, обобществляющим человеческое естество порядкам? Легко отказаться от наименования, но трудно от качества. Интеллигентный человек, воспринимаемый чужаком, в современном маркетализованном мире может вызвать улыбку, но никак не осуждение. Моральная составляющая интеллигенции возносит ее над текущими материальными невзгодами, позволяет, несмотря ни на что, быть в этом мире.

Возносит, но не всех. Здесь и проходит межа, разделяющая интеллигента от интеллектуала. Первый нацелен на служение некоторой независимой от текущего состояния, мнений людей и собственных настроений идеи. Второй ориентирован на рыночную составляющую, его профессионализация требует рационального обоснования, его продукт — запроса сторонних лиц. И не важно, в какой сфере производятся и потребляются интеллектуальные услуги — политической, рыночной или культурной. Значим лишь элемент потребления, переработки отходов собственного интеллектуального труда. Интеллигент всегда знает свое место, попадая в новое, занимается его обустройством, налаживает локальную коммуникативную среду. Интеллектуалу подобные заботы безразличны и непонятны. Он не просто потерял прежние ценностные ориентации культурной оседлости. Интеллектуал отказался от них, перечеркнул максимы рынка, потребления и обмена. Он ищет и находит заказчика, служит ему в той мере, в которой позволяют собственные ресурсы. Чистые типы интеллектуала и интеллигента уже распались, их трудно обнаружить. Разве что сравнивая глубинку, Крайний Север и крупные мегаполисы вроде Москвы и Санкт-Петербурга, можно остановиться перед открывшимися противоречиями жизненных миров. При внимательном рассмотрении мы видим лишь смешение установок, раздробленность сознания и стремление хоть как-то укорениться в изменяющемся на глазах мире. Ускользающая интеллигентность манит своими светлыми идеалами расширяющийся класс потребительски настроенных интеллектуалов. Загадка российских образованных людей, зарабатывающих на хлеб интеллектуальным

трудом, заключается в их изначальной двойственности, зияющим разрыве между интеллигентом и интеллектуалом.

Так, рассуждая о вневременьи интеллигента, об отсутствии места у интеллектуала, екатеринбургские коллеги, привыкшие к обобщающим суждениям, избегали разговора о специфике Екатеринбурга. Слишком трудно точно представить настоящее, существующее здесь-и-сейчас, затрагивающее жизнь каждого из говорящих. Вынесение себя за скобки разговора, избегание личных тем, рассказ о себе в третьем лице — типичная интеллигентская маска, защищающая от ненужного, подчас разрушительного проникновения чужака в приватное пространство личных идей. Разговор об интеллигенции Екатеринбурга вылился в рассказ о культурных событиях и громких именах тех, кто проявил себя на театральных подмостках, в постановке биенале, организации выставок. Изначально социализировавшиеся как политические консультанты и аналитики, коллеги из Екатеринбурга с нескрываемым разочарованием констатировали схлопывание политической сферы, а значит, их собственной востребованности в качестве интеллектуалов, работающих на обслуживание политических элит.

Методика анализа

Основным теоретическим инструментом для обработки записанных на диктофон обсуждений выбран конверсационный анализ (conversational analysis), или анализ разговора. Отчасти это обусловлено полученными ранее навыками по обработке и интерпретации транскриптов в рамках конверсационной методологии, отчасти убежденностью автора в наибольшей адекватности и реалистичности данного метода для анализа речевых взаимодействий. Внимание исследователя в конверсационном анализе прежде всего приковано к обмену репликами, их последовательности, особенностям формулировок, логической структуре высказываний. Другими словами, анализируются совместные речевые практики, которыми руководствуются участники коммуникации [Holstein, Gubrium, 1994, p. 265]. Интерпретация содержания высказываний ведется исключительно в контексте их производства, в качестве которого выступают высказывания других участников обсуждения. Ни одной реплике не приписывается статус индивидуального речевого действия [Sharrock, 2001, p. 257]. Постольку-поскольку она произнесена в определенной последовательности, создающей контекст и определяющей смысл сказанного [Heritage, 1997, p. 162], в той или иной мере авторами реплики становятся все участники разговора. Наиболее очевидным основанием конверсационного анализа как эмпирического приложения этнометодологического подхода (изучение методов организации социального взаимодействия) является то, что социальное действие, производимое в разговоре, организовано не столько набором некоторых правил или статистических регулярностей,

сколько последовательным, пошаговым обменом репликами [Schegloff, 1987, p. 102]. Именно поэтому первостепенное внимание уделяется очередности реплик, последовательности, в которой произносятся те или иные замечания. Отдельно анализируется то, каким образом производится прерывание или поддержка высказываний собеседника, вносятся новые семантические различия в разговор. Каждая новая реплика интерпретируется и понимается в контексте предыдущих. Таким образом, контекст определяется не как набор некоторых предзаданных условий, а как продукт разговора [Heritage, 1997, p. 163]. Контекст создается в ходе общения самими участниками социального взаимодействия. В то же время он не является продуктом индивидуальных ожиданий или целевых установок, контекст — результат совместного действия. Отказ от рассмотрения индивидуальных мотивов и выходящих за пределы коммуникации особенностей ее участников (установки, верования, другие психологические признаки) впервые обозначен основателем этнометодологии Г. Гарфинкелем. «Он утверждал, что совместное понимание (или производство смысла) во всех ситуациях, начиная с обычного разговора и заканчивая работой в наиболее структурированных организациях (в 1950-х Гарфинкель проводил исследование в армейских подразделениях, госпиталях и тюрьмах), требует постоянного внимания и компетентного использования разделяемых методов организации действий по его достижению» [Rawls, 2008, p. 702]. Понимание и контекст ситуации попросту невозможно объяснить без анализа принимаемых всеми участниками коммуникации методов организации социального взаимодействия, в данном случае — методов построения речевой коммуникации по заданной теме.

Для проведения конверсационного анализа составлен специальный язык транскрибирования, который принципиально отличается от привычных стандартов орфографии и пунктуации. Основное требование записи — максимальное приближение к разговорной речи. Отсюда следует написание слов так, как они слышатся. Знаки пунктуации уступают место знакам, отражающими фонетический строй высказывания (табл. 1).

Процесс транскрибирования в конверсационном анализе чрезвычайно трудоемок², поэтому, как правило, анализируются небольшие, наиболее значимые с точки зрения исследователя отрывки.

²Устоявшаяся в качественных исследованиях практика составления транскриптов делает их абсолютно непригодными для конверсационного анализа. Погоня за скрытыми смыслами приводит к небрежности и невнимательности в расшифровке записей. Зачастую пропускаются не только, казалось бы, ненужные междометия, повторы, паузы и т. д., но и переформулируются высказывания с целью придать им более литературную, подходящую для письменного текста

форму. Таким образом, уже на этапе первичной обработки данных создаются эпифеномены реальных разговоров, в которых реальность подменяется нормативными представлениями о допустимых лексических конструкциях устной речи. К сожалению, прикрываясь погружением в смыслы сказанного, легитимность перефразирования записанной речи пытаются сконструировать многие социологи. Например, Р. Стейк рекомендует не стремиться к передаче дословной

Таблица 1. Словарь транскрипции
для РЕГИСТРАЦИИ РЕЧИ *

Знак	Описание
(о,о)	Цифрами в скобках обозначаются паузы между высказываниями (в секундах)
()	Фрагмент речи неясен и не может быть транскрибирован
(.)	Знак короткого промежутка между высказываниями (десятые доли секунды)
(())	Комментарий автора, не является частью высказываний
(слово)	Сомнение в правильности транскрибированного отрывка
[]	Наложение высказываний
(xx)	Смех, улыбка в голосе
.xx	Вдох
-xx	Выдох
слоххво	Слово произносится со смехом или улыбкой в голосе
=	Между высказываниями паузы нет вообще
слово-	Прерванное слово
, , ? !	Знаки, символизирующую интонацию: завершающую, перечисляющую, вопросительную и восклицательную
:	Растягивание буквы; количество значков приблизительно показывает длину растягивания
слово	Подчеркнутая буква означает интонационное ударение на этом слове
СЛОВО	Слово произносится очень громко, крик
<u>слово</u>	Слово произносится подчеркнуто энергично и чуть громче обычного
°слово°	Высказывание произнесено заметно тише обычного
↑↓	Повышение и понижение интонации
→	Указание на элемент транскрипта, описываемый в тексте
слово'	«Проглоченное» слово или часть слова, разговорный вариант
(...)	Часть текста, следующего между высказываниями, опущена
<>	Замедление речи
><	Ускорение речи

* Составлен в соответствии с основными требованиями к транскриптам конверсационного анализа, см., например, Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974, p. 731–734; Hutchby, Wooffitt, 2001, p. vi–vii.

Для отражения общей структуры состоявшейся коммуникации и дополнительного механизма прослушивания каждой реплики по несколько раз³ было использовано кодирование реплик, разработанное в конкурирующей конверсационному анализу когнитивной методологии. Последняя привлекается лишь в качестве методического инструмента, позволяющего отобразить особенности прохождения семинара как целостного речевого взаимодействия, опосредованного создаваемым по ходу воспроизводства реплик контекстом.

На уровне методической обработки речевого материала наибольшее внимание в обоих подходах уделяется моменту перехода в высказываниях участников коммуникации. В конверсационном анализе основная сложность заключается в объяснении того, каким образом собеседники осознают возможность начала собственной реплики и, как правило, вступают в разговор без наложений высказываний и прерываний собеседника или, напротив, неоправданно затянутых пауз [Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974]. Другими словами, фундаментальной проблемой конверсационного анализа является непроблематичная и последовательная передача реплик, как если бы разговором руководил некоторый внешний дирижер⁴. В когнитивном подходе затруднение вызывает корректное выделение реплик для составления матрицы данных. Неудачные прерывания, наложенные высказывания, возвращения к предыдущей реплике без какого-либо комментария и т.д.— все это делает проблематичным механическое выделение реплики, отталкиваясь от высказывающего ее субъекта.

Мы выбрали наиболее крупное дробление реплик. В качестве единицы перехода определили семантическую конструкцию, что

речи респондента, поскольку «более важны смыслы сказанного, а не сами слова» [Stake, 1995, р. 66]. На наш взгляд, нельзя придумать более явной легитимизации, казалось бы, незначительных фабрикаций полевого материала.

³ Основным требованием качественного исследования выступает необходимость многократного обращения к собранному материалу. Это позволяет избежать немотивированного присвоения собственных мыслей и убеждений участникам коммуникации, отказать от использования материала лишь в качестве примеров и комментариев к общему теоретическому нарративу, выбранному исследователем заранее. Как ни парадоксально, требование медленного чтения, прослушивания и анализа собранной информации является наиболее трудным для исполнения. Сознание человека устроено таким образом, что любая фраза порождает веер ассоциаций, в конкретной ситуации чтения текста или прослушивания аудиозаписи одна из них может представляться наиболее верной и правдоподобной.

Однако подобная уверенность таит в себе множество опасностей и недоразумений, связанных с контекстуальным давлением (прошлым опытом, обстановкой, в которой проводится анализ, настроением, мнениями коллег и т.д.) на ход мысли исследователя.

⁴ Для описания ситуации перехода выделяются речевые инструменты, помогающие участникам коммуникации определять релевантность своих и чужих реплик: «единица, конструирующая переход» (turn constructional unit—TCU) и «место, релевантное для перехода» (transition relevance place—TRP). См. подробнее: Selting, 2000. В качестве единицы, конструирующей переход, могут выступать отдельные слова, предложения, а также фонетические, интонационные способы мотивирования собеседника к вступлению в разговор. Место, релевантное для перехода, определяется контекстом или набором последовательных реплик, которые позволяют говорить об осмысленности наблюдаемой очередности высказываний.

Таблица 2. КОДИФИКАТОР РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Переменная	Коды (примечание)
1 Порядковый № реплики	
2 Время начала реплики	мин:сек
3 Время завершения реплики	мин:сек
4 Инициатор реплики или основной говорящий	Участники семинара
5 Вмешивающийся в реплику	Участники семинара (переменная неальтернативная, поскольку в каждой реплике в пределах могли участвовать все участники семинара)
6 Вид вмешательства	0 Нет вмешательства 1 Вопрос 2 Ирония, шутка, смех 3 Корректировка, предложение изменения содержания реплики 4 Поддержка, одобрение, продолжение высказывания 5 Параллельный разговор 6 Сомнение в высказывании, критика, спор 7 Ответ на реплику 8 Прерывание реплики, удачное или неудачное, отсутствие паузы между высказываниями (неальтернативная переменная)
7 Адресация реплики другому	Участники семинара (наличие явного адресата реплики, реак- ция или направленность высказывания к высказываниям других участников)
8 Тематическое разнообразие	Количество тем, присутствующих в реплике
9 Тематическое строение реплики	1 Целостная реплика, законченное, развернутое высказывание, подчиненное единому замыслу 2 Сложная, многоаспектная реплика с парал- лельным изложением нескольких тем 3 Диалоговое строение реплики, выстроенной в режиме общения с другими участниками 4 Незаконченное высказывание, требующее продолжения
10 Тематика реплики	Краткий перечень основных тем

позволяет говорить о «единице семантического перехода». Критерием перехода служит семантическая законченность высказывания, начатого одним участником. Поддержка, комментирующие высказывание реплики, неудачные прерывания включаются в одну реплику до тех пор, пока не исчерпана заданная инициатором реплики общая семантика высказывания. Принципиальная сложность в членении реплик начинается тогда, когда невозможно однозначно определить инициатора разговора. Все случаи подобного строения реплики регистрировались под кодом «диалоговое строение разговора» (табл. 2). В структурированном семинаре это происходит не часто, в отличие от разговора. Поэтому такой подход к определению единицы наблюдения вполне оправдан для институционализированных речевых практик и практически неприемлем для обыденных разговоров.

Всего в семинаре выделено 98 семантически однородных реплик. Каждая из них соотнесена с десятью переменными (табл. 2).

Формат общения и его участники

Семинар, посвященный интеллигенции и интеллектуалам, проходил в кабинете заместителя директора института. Предполагалось, что на него придут люди, зарабатывающие интеллектуальным трудом, так или иначе связанным с публичной сферой. Круг участников изначально был составлен таким образом, чтобы он не замыкался лишь ближайшими знакомыми организаторов. Но сжатые сроки, обоюдная занятость и ограниченность ресурсов привели к тому, что из приглашенных гостей пришли лишь те, кто составлял круг единомышленников, в прошлом или настоящем работающих в одной команде. Семинар трансформировался в разговор, в котором оперативный обмен репликами доминировал над целостным выражением собственной позиции. Купленные накануне конфеты и чай по большей части остались нетронутыми. Не до них было. Жаркие споры, рабочая обстановка и заранее заданные (вовсе не нами) временные рамки встречи диктовали свои правила коммуникации, наблюдать за которыми было чрезвычайно интересно.

Расселись за Т-образным столом (рис. 1). Замдиректора не поднялся со своего места, время от времени отвечал на телефонные звонки и после одного из них уведомил всех, что пришло время

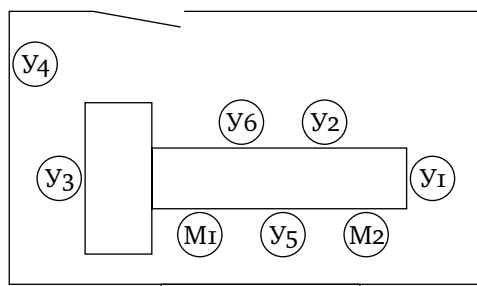

Рис. 1. Расположение
за столом

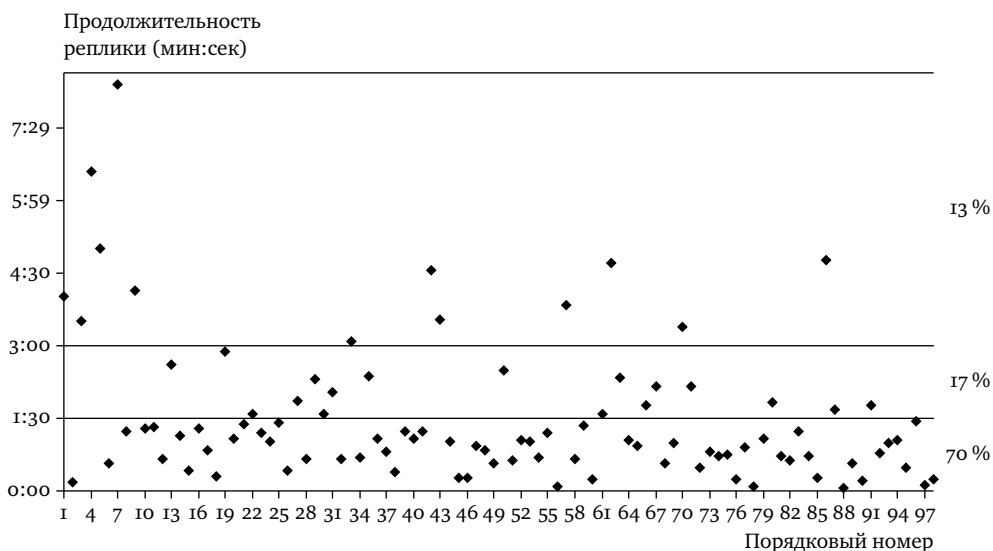

Рис. 2. Продолжительность реплик в семинаре

заканчивать, закрывать кабинет и расходиться. Так проводятся деловые совещания, обсуждается актуальная повестка дня в кругу единомышленников и коллег. Мы были весьма обрадованы подобным поворотом событий и польщены неожиданным включением в таинство коммуникации довольно узкой группы интеллектуалов. То, что для традиционной социологии маркировалось бы сломом рамки исследования, для нас стало вхождением в мир обыденных взаимодействий, а значит, действительным поддержанием целевых установок исследовательского проекта⁵. Любое направленное или специализированное общение — не более чем трансформация обычного разговора [Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974, p. 730–731]. Приближение к последнему позволяет добиться естественной речевой среды, что так важно для поддержания осмысленной коммуникации, лишенной подчас излишних ритуальных реверансов.

В результате мы получили весьма интересную и отличную от семинаров, организованных в других городах, коммуникативную структуру состоявшегося разговора: продолжительность 70 % семантически однородных реплик не превышало полутора минут и лишь 13 % — заняли более трех минут (рис. 2)⁶.

⁵ Речь не идет о том, что такой формат семинара дает более достоверные или валидные данные. Мы можем лишь утверждать, что получили возможность наблюдать за иными институциональными рамками, нежели те, в которых обычно проводятся фокус-группы или семинары внешними по отношению к участникам модераторами. В обоих случаях мы имеем дело с институциональным взаимодействием, то есть разговором, проводимым

с определенной целью, разделяемой его участниками, и в предзаданном институциональном контексте [Heritage, 1997, p. 163–164]. Однако в первом случае определяют ситуацию участники обсуждения, во втором — приезжие модераторы.

⁶ Методы проведения анализа, правила обработки материала, особенности выбора единиц наблюдения см. в разделе «Методика анализа».

В начале разговора все складывалось по традиционному для семинара сценарию. Реплики с максимальной продолжительностью пришлось на первые двадцать минут. Мы могли получить вполне обычный по своей структуре семинар. Затем все смешалось. Несогласие и поддержка высказываний, чередовались с необычной для любого семинара скоростью. Участники обсуждения перебивали или подхватывали ключевые мысли друг друга, снабжали их примерами, аргументировали собственную позицию, высказывали возражения. Динамичность общения захватывало, и участие модератора требовалось лишь в обозначении приоритетов, в указании на небольшие повороты беседы. Более того, управление семинаром проводилось и самими участниками. Они задавали вопросы, обращались друг к другу с предложением высказаться, одним словом, создали атмосферу «перекрестного модерирования». Всего закодировано 26 переадресаций реплик, и лишь восемь из них принадлежали нам. Более всех в этом преуспел заместитель директора. Он изначально выбрал роль следящего за общей структурой разговора, чем способствовал успешной реализации нашего первоначального замысла — как можно точнее передать спонтанность мыслей участников, приблизить коммуникацию к привычной для собеседников форме общения.

Разговор продлился чуть менее двух с половиной часов. Из них полтора часа ушло на обсуждение роли интеллигенции, ее места в современном мире (рис. 3). Эта тема была обозначена нами вначале, и мы попросили к ней вернуться во второй половине семинара. Один из участников вскользь упомянул о том, что интеллигенция осталась законсервированной лишь в малых северных городах. Было весьма интересно услышать развернутую аргументацию этой точки зрения. Следующей большой темой стал рассказ об интеллектуальной среде

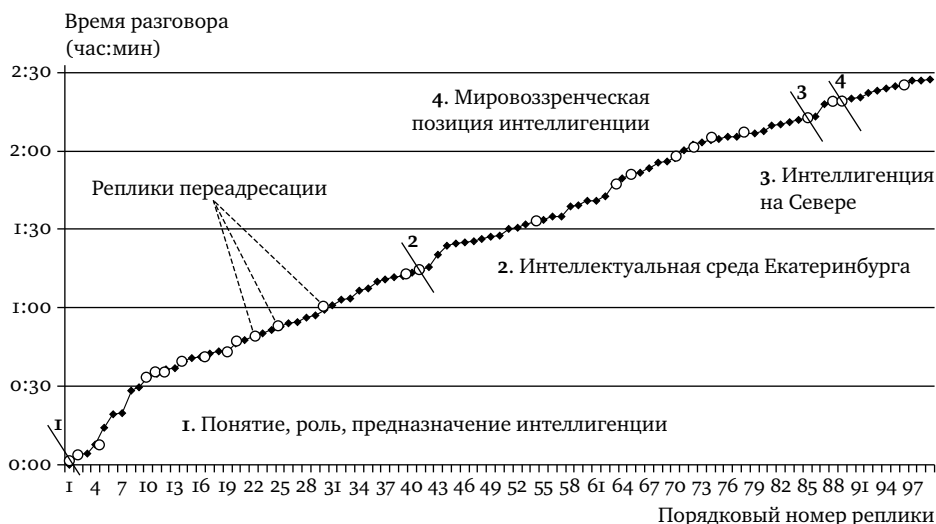

Рис. 3. Хронология семинара

Екатеринбурга. И уже в конце семинара, когда замдиректора института предупредил о его завершении (фрагмент 10, строка 1), очень коротко были обозначены представления о мировоззренческой позиции интеллигенции.

Невозможность интеллигенции

Разговор об интеллигенции показался нашим собеседникам несколько надуманным и даже неуместным. Скорее эта затея объяснялась причудами московских гуманитариев, нежели насущной необходимостью изучать интеллигенцию и интеллектуалов в регионах. Если первые по большей части остались в прошлом и перестали играть заметную общественно-политическую роль, то вторые позиционируют себя в качестве профессионалов, исполнителей сформулированных за них целей и задач. В повседневной жизни, по мнению одного из участников семинара, об интеллигенции говорят лишь как о качестве, присущем человеку, подменяя существительное «интеллигент» прилагательным «интеллигентный» (фрагмент 1, строки 14–18). Не случайно одно из наиболее продолжительных выступлений семинара посвящено раскрытию понятия «интеллигентный», противопоставлению интеллигента, точнее интеллигентного человека, и интеллектуала. Ключом к подобному противопоставлению выбирается «самоидентификация». Слово трижды повторяется, что в данном контексте подчеркивает важность выбранного термина (строки 11–13). Фразы ломаются, вытесняя друг друга. Автор как бы ищет наиболее точное выражение пришедшей в голову мысли. Центральный вопрос: кто может назвать себя сейчас интеллигентом? Ответ на него дан заранее: «Никто никогда не признается, что он интеллигент» (строка 3). Высказывание прозвучало ровно, без запинок. Интонационно невыделенное двойное отрицание «никто никогда» подчеркивает очевидность для автора представленной позиции. Тем неожиданной становятся возражения, поддержанные общим смехом (строка 4–6). Любопытно, что в качестве противоположного аргумента выбирается не логическая конструкция, а отсылка *ad hominem*, имеющая наибольший вес в разговорной ситуации. Собеседник указывает на другого участника семинара, разом предотвращая какие-либо возражения против своей позиции (строка 5)⁷.

⁷ Весьма показательно, что ни один участник семинара не называет себя интеллигентом. Более того, образ интеллигента представлен в ироничных, подчас весьма непривлекательных тонах. Однако в качестве наиболее весомого аргумента в споре время от времени роль интеллигентов участниками семинара приписывалась своим собеседникам (приведенный фрагмент не является единичным случаем подобной аргументации). Так, обобщающее высказывание о том, что

не скажет ни один из интеллигентов (фрагмент 1, строки 1–3), получает контраргумент: «Это ты Францу скажи» (строка 5), что однозначно прочитывается следующим образом: «Перед тобой сидит интеллигент и философ, который поведет себя иначе, и он может это подтвердить, поскольку он присутствует при разговоре». Но подтверждение реплика не получает. Шуточное «за интеллигента могут... дать» (фрагмент 1, строка 10) как бы снимает приписываемую роль, переводит

Фрагмент 1. ОТСУТСТВИЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
У ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, 4:14–7:57⁸

- 1 U2: (...) ну давайте я скажу >первое что пришло в голову< во-первых, по
2 интеллигенции (.) это как с философами ↑да:: все знают что они есть
3 но никто никогда не признается что он интеллигент и что он философ =
4 U6: = °ну почему же° ((общий шум))
5 U3: Это ты францу ((имя участника семинара, U6)) скажи =
6 U2: (××××) ((общий смех)) =
7 U3: = он признается что он интеллигент, что философ =
8 U2: = (×××) =
9 U1: = абсолютно точно =
10 U6: = °за интеллигента и ((неразборчиво)) дать° =
11 U2: (×××) ↑да: то есть если говорить о проблемах самои:де:нтификации
12 ↑да, то есть любой социальный круг он все равно иден:тифицирует
13 себя определенным образом ↑да то есть (.) самоидентификации
14 интеллигенции нету но (.) с другой стороны мы все равно об этом
15 постоянно ↓говорим ↑да (.) то есть в обыденной речи осталось
16 интеллигентный человек ↑да, то есть как минимум это слово
17 употребляем признавая что а::: за интеллигентным человеком ряд
18 определенных качеств ↑да, то есть понятно, что разговоры рожденные
19 советской властью или там предсоветской властью ↑да >если
20 вехи упоминать < о роли интеллигенции и о: (.) том что такое
21 интеллигенция? они были актуализированы гораздо сильнее в те
22 времена чем сейчас. Сейчас (.) проблемы (.) места и роли
23 интеллигенции просто никак не обсуждается Я просто вспоминаю (.)
24 где то я читал про что, где то обсуждения какие то (.) их нету ↑да
25 просто напосто вопрос такой не стоит Почему? Ну: опять же причин
26 можно попытаться выявить несколько ↑да Все таки а::: современное
27 общество общество а::: (.) более дробное раздробленное ↑да
28 фрагментарное а: по причине узкой специализации ↑да то есть почему
29 начинает больше употребляться слово интеллектуал чем
30 интеллигент? Потому что э: (.) по формальным признакам объединить

разговор вновь в сторону обобщающих категорий. Х.Сакс обращал особое внимание на то, с какой тщательностью люди контролируют представление о себе, возникающее в разговоре [Sacks, 1992, р. 560]. Д.Сильверман, комментируя это наблюдение, подчеркивает, что собеседник ответственен не только за описание, но и последствия, связанные с его интерпретацией другими участниками коммуникации [Silverman, 1993, р. 741]. Вынесение себя за скобки категории «интеллигенции» даже при наличии прямой адресации со стороны собеседника подчеркивает сильную моральную нагруженность понятия. Интеллигентом можно назвать лишь другого, да

и то зачастую в ироничной, метафорической форме. Во-первых, слишком за многое придется отвечать, если допустить подобную категоризацию по отношению к себе. Во-вторых, невозможно оставаться интеллигентом, выставляя свою интеллигентность в качестве аргумента в споре. Слишком чувствительна эта категория к столь прямолинейной аргументации.

⁸ Здесь и далее в минутах и секундах указаны начало и завершение фрагмента в общей коммуникативной структуре разговора. Участники семинара обозначаются аббревиатурами U1, U2, ..., U6; модераторы — M1, M2.

- 31 двух людей в одну группу становится все сложнее даже в том числе
32 интеллигенции >потому что у каждого< есть своя специализация
33 у каждого есть своя сфера компетенции ↑да То есть получается что
34 интеллигент это человек который не вписывается ни в э: (.) какую то
35 компетентную схему (.) ну у него нет определенной сферы
36 компетенции ↑да И когда мы говорим интеллигентный человек
37 мы не имеем в виду его уровень знаний ↑да мы чаще всего говорим
38 о:: стиле и манере поведения ↑да то есть там (1,0) Ну вот так.
39 И поэтому э:: обсуждать с точки зрения как там стиль поведения
40 >как социальная группа людей ведущих себя определенным образом<
41 ↑да это тоже само по себе абсурдно (.) Может из за этого разговоры
42 об интеллигенции они ушли на второй план. Но э: (2,0) Вот что ↑да
43 конкретно на вопрос отвечая что я думаю можно ли говорить об
44 интеллигенции ↑да то есть я тут стал бы скорее последовательным
45 номиналистом ↑да Есть имя и имя(ххх) ↑да и имя важнее оказывается
46 чем (.) чем реальное значение. То есть интеллигенция это не актер ↑да
47 то есть не люди которые там >со своими проблемами
48 повседневными, поведением, практиками стратегиями живут< ↑да
49 Это скорее определенная (.) мифологема которая существует в языке
50 и с точки зрения обсуждения почему бы не обсуждать мифологему?
51 У6: = °номен есть а феномена нет° =
52 У2: = да да согласен. В принципе на нас же многие мифы оказывают
53 влияние. Многими мифами мы подвержены ↑да >и с этой точки
54 зрения< интеллигенция так же (.) об интеллигенция имеет смысл
55 также говорить (.) не как о феномене а как о номене ↑да то есть
56 такого плана
57 Мг: Мгм
58 У6: Я может быть продолжу эту мысль
59 Мг: Мгм =
60 У6: = Вы в общем затруднили себя исследование взяв крайне
61 неоперациональное понятие (1,0)
62 Мг: (ххх) ((общий смех))

Тем не менее подобное возражение привело к развернутому обоснованию выбранной ранее позиции. Дополнительные аргументы о возросшей профессионализации и специализации современного общества и мифологичности понятия «интеллигенция» были уже поддержаны возражавшим ранее собеседником (фрагмент 1, строки 51, 58, 60). Итак, никто не может назвать себя интеллигентом, поскольку это лишь понятие, слишком размытое и неопределенное, чтобы иметь отношение к повседневной жизни (строки 60–61). Подобные соображения отнюдь не уникальны и относятся не только к «интеллигенции». Сомнения в операциональности подобных понятий регулярно высказываются обществоведами, приступающими к исследованию группы публичных людей, занимающихся интеллектуальной деятельностью,

не ограниченной лишь их профессиональными компетенциями. Например, Р. Познер в предисловии к книге, посвященной публичным интеллектуалам, пишет о множестве хаотичных и случайных представлений, которые он смог привести в порядок только после нескольких лет скрупулезного анализа [Posner, 2004, p. 2]. Уникальность русского понятия «интеллигенция» заключается отнюдь не в трудностях операционализации, а в причине их возникновения. Как отмечает Д.С. Лихачев, русские люди предпочитают эмоциональные концепты логическим определениям. Потому и понятие «интеллигенция» преимущественно ассоциативно-эмоциональное [Лихачев, 1993, с. 3]. Оно не поддается стандартизированным приемам работы с дефинициями, которые многим научным деятелям представляются единственно уместными. Любые попытки выстроить строгие логические схемы проваливаются под давлением веера ассоциаций, связанных с этим понятием. Не потому ли увлеченность рациональным схематизмом, привнесенным за последние десятилетия в среду российских гуманитариев, приводит к отрицанию столь неудобного для описания понятия?

Основным признаком, характеризующим интеллектуальную среду Екатеринбурга, участники семинара вновь и вновь называют профессионализм, необходимость быть специалистом в каком-либо деле, грамотно и четко выполнять поставленные задачи (фрагменты 2, 3). Обоснованность, осмысленность самих задач при этом не обсуждается. Они буквально выносятся за рамки компетентности интеллектуалов.

Фрагмент 2. Потеря связующих скреп, 37:04–38:14

-
- 1 У5: (...) на тему почему трудно каким то(хх) образом вытащить
 2 интеллигенция ↑да как какую то социальную группу? Э:: С одной
 3 стороны потребности в ней как таковой, как в: группе которая несет
 4 какой то: особый смысл > на самом деле < ↓отсутствует. То есть есть
 5 какие то технократические задачи очень локальные, очень
 6 конкретные, требующие одного специалиста, двух специалистов.
 7 Собственно говоря вот в этом вот роде и существует вот эти вот
 8 ↓интеллектуалы команды которые существуют либо стабильно там в
 9 составе двух трех человек, либо формируются под ↓проект.
 10 Выполнили. Они могут остаться. Найти другое себе применение,
 11 смысл своего ↓существования могут ↓разойтись =
 12 У1: = >пролетарии умственного труда< =
 13 У5: = по большому счету да то есть [это: нормальная:(ххх)]
 14 У3: [>продажные абсолютно <]
 15 У5: абсолютно рыночная такая стихия. Если может быть раньше были
 16 какие то скрепы которые эти вот: э: (.) эту общность соединяли ↑да
 17 ну например университеты (.) во:т то сегодня нет на самом деле
 18 такой среды которая бы формировала группу и держала (.) людей (.)

- 19 ↓ вот. В качестве именно группы. То есть очень-
20 У6: -нет институтов
21 У5: очень трудно представить себе структуру в которой эти бы люди
22 концентрировались, удерживались, и стабильно бы находились
23 вместе. (...)

Интеллектуалы ограничены «технократическими задачами» (фрагмент 2, строка 5). Основная цель интеллектуальной работы — их выполнение. На этом делается акцент в высказывании, это приводится в качестве основного условия для объединения интеллектуалов в группы (строки 10–11). Выполнение цели влечет разрушение общности. Это отнюдь не означает, что интеллектуалы могут избежать решения моральных и этических вопросов. А. Этциони отмечает, что любая техническая точка зрения интеллектуалов не свободна от нормативных положений, лежащих в области морали [Etzioni, 2006, р. 3]. Другой вопрос, насколько стабильны и долгосрочны те или иные моральные установки? Насколько транспарентны они в публичной дискуссии? И каким образом снимается конфликт противоречащих установок при выполнении определенных «технических» заданий?

«Пролетарии умственного труда» (фрагмент 2, строка 12) — реплика, произнесенная в быстром темпе, буквально вклинивается в рассуждение об интеллигенции, но не ломает, а дополняет общий настрой высказывания. «По большому счету, да» (строка 13), — мгновенно, без какой-либо остановки отвечает говорящий. Осмысленное дистанцирование от любых намеков на морально-этическую компоненту работы интеллектуалов иллюстрирует особенности современной политической среды, которая поглотила и переработала мессианский потенциал интеллигенции. С.С. Рапопорт замечает, что «настоящая моральность, как известно, дело сугубо индивидуальное и даже интимное (стыд, совесть); она не может быть коллективной, групповой или массовой» [Рапопорт, 2006, с. 203]. Политическая борьба, напротив, требует обобществления морали, вынесения суждений о состоянии нравов больших коллективных образований (народ, общество, государство), выходящих за пределы индивидуального опыта. Конструирование мессианской добродетели на политической сцене С.С. Рапопорт называет «политической семантизацией, то есть приданием гражданственного, политического смысла тому, что, по сути, такого смысла не имеет» [Рапопорт, 2006, с. 202]. Интеллигенция, поддерживающая свою идентичность романтическим ореолом «служения народу», оказавшись в зоне торговли моральными установками, вынуждена либо отказаться от усвоенной когда-то мессианской роли, либо перейти в иную социальную страту. Стремление к духовному совершенствованию незаметно вытесняется стремлением к власти и престижу, а место интеллигентов на общественной арене заняли профессиональные политики.

Девальвация ценностных установок, всеобщая семантизация нравственности как таковой привели к разрушению среды, необходимой для воспроизводства интеллигентского сообщества. Участники обсуждения не видят иных «скрепов», кроме профессиональных объединений, способных сохранить социальные связи, придать им более устойчивую форму (фрагмент 2, строка 16). «В современных обществах число профессий растет, а число любителей сокращается» [Арон, 2005, с. 185]. Единственным легитимным основанием для социальных отношений становится «рыночная стихия» (фрагмент 15), в которой долгосрочные связи устанавливаются на основании товарных обменов, извлечении выгоды и рационализированной пользы⁹. Примечательно, что это описание разделяется всеми. Мы наблюдаем лишь поддерживающие реплики (строки 12, 14, 20), усиливающие основную идею автора: интеллектуальная работа ограничена сферой профессиональной компетенции. Ничего нет вне профессиональной деятельности, что могло бы объединить людей, создать некоторое сообщество (фрагмент 3)¹⁰.

Фрагмент 3. Неинституционализированное
сообщество, 40:45–41:07

- 1 У6: (...) Современные интеллектуалы институционализированы только
2 ↓ профессионально (.) ни социально не институционализированы, ни
3 культурно не институционализированы, ни как то еще (.)
4 У4: °ни функционально° =
5 У6: = да совершенно верно. То есть мы можем говорить о
6 интеллектуалах только (.) исключительно э: (.) профессиональном
7 ↑ аспекте (.) > во всех остальных аспектах их не схватить <
8 нет институтов.

⁹ Со второй половины прошлого века представление о тотальности рынка типично для риторики западных интеллектуалов (великолепный обзор литературы см.: [Amadae, 2003, p. 183–189]). «Экономическая теория стала восприниматься как основная теория рационального поведения, нежели как описание исключительно рыночного поведения в капиталистических экономиках», — заключает Мансур Олсон в рецензии на революционную для своего времени книгу Джеймса Баханана и Гордона Туллока «Калькуляция согласия» [Olson, 1962, p. 1218]. Теперь разговоры о политике уже не мыслимы вне рыночной терминологии. Даже самые, казалось бы, значимые понятия гражданственности, суверенитета, политических свобод, демократичности правления все чаще стали переопределяться в терминологии рынка. «Потребитель занял место гражданина», — пишет Э. Хобсбаум [Hobsbawm, 2001]. Неимоверно возросшая роль рыночных ценностей, по его мнению, не поддерживает, а

напротив, разрушает принципы либеральной демократии, уничтожает политическую сферу как таковую.

¹⁰ Недостаток институционализации, о котором упоминают участники семинара, напрямую связан со стремительным свертыванием политической сферы, выходящей за рамки прямого государственного управления. Вероятно, в таком контексте единственной легитимной задачей «свободных» интеллектуалов становится поддержка и оправдание существующего режима. «Сегодня везде говорят о необходимости повышения уровня доверия к государству, без чего никакое прогрессивное развитие невозможно. Это можно услышать и на заседаниях правительства, на съездах промышленников и банкиров, на гражданском форуме, на различных научных конференциях» [Устинович, 2007, с. 9]. Пожалуй, трудно отыскать более показательный пример подобострастного преклонения

В этом контексте вовсе не упоминаются какая-либо деятельность, основанная на отличных от рыночных мотивах. Профессиональная, деловая среда отдана на откуп интеллектуалам. Они же проявляют себя в политике и общественной жизни. Места для интеллигенции здесь не осталось. Энциклопедичность, мессианство, просветительские амбиции вытеснены прагматическими инструментальными мотивами, направленными на выполнение своей работы, знания своего дела¹¹. К. Манхейм называет этот процесс вытеснением гуманистического идеала культурным, основанным на принципе «профессиональной специализации» [Манхейм, 1993, с. 72]. Первый основан на служении некоторой общей, объясняющей реальность утопии. Вторым объединяет частные, узкопрофессиональные и прозаичные представления о своем локальном месте в сегрегированном мире. Разрушение утопического знания переводит разговор об интеллигенции в описание качеств интеллигентного человека, обсуждение стиля и манеры поведения (фрагмент 1, строки 36–38). К этому вновь возвращаются участники дискуссии, отождествляя интеллигента и культурного человека, помещая его лишь в область воспроизводства некоторых культурных образцов.

Интеллигентность как «культурность»

Обживание и наращивание культурного слоя—единственная задача, оставшаяся не предавшей прошлые идеалы интеллигенции. Сама интеллигентность воспринимается не более чем синонимом культурности (фрагмент 6, строки 1–4), качеством, отвечающим за поддержание предзаданных образцов поведения. То, что еще совсем недавно, каких-то сто лет назад, определялось «этическим мещанством»¹² [Иванов-Разумник, 1993 (1907), с. 78] и изгонялось за пределы

перед властью, в котором атрибут всеобщности—«езде»—приписывается исключительно околосударственным институтам.

¹¹Трудно даже представить, чтобы кто-либо из участников дискуссии в своих высказываниях мог хотя бы приблизиться к патетической риторике, характерной для русских интеллигентов начала прошлого века. Н.Ю. Богатырева, реконструируя убеждения Д.И. Шаховского, в качестве основополагающей установки последнего выделяет борьбу с собственным «эго», как постоянной и обязательной заботе человека [Богатырева, 2008, с. 95]. Посмотрим на позицию И.А. Ильина, столь типичную для интеллигентов начала прошлого века: «...задача интеллигенции состоит именно в том, чтобы вести свой народ за национальной идеей и к государственной цели, и образованный слой, не способный к этому, всегда будет исторически приговорен и свергнут» [Ильин, 1993, с. 276–277]. Различия

между «современниками» и «классиками» настолько глубоки, что излишне упоминать о политических или социальных мотивах. Дискурсивные средства, привлекаемые для описания своих взглядов, настолько диаметрально, что не могут быть даже сопоставлены в рамках одной семантической конструкции. Слишком разнится интерпретация таких понятий, как «национальная идея» и «государственные цели», слишком много в них включено исторических коннотаций, неведомых нашим предшественникам.

¹²Вслед за А.И. Герценом борьба с мещанством, преодоление «середины посредственности, той абсолютной, совершенно-плотной, как Китайская стена, сплоченной посредственности, „conglomerated mediocrity“» [Мережковский, 1993, с. 83], считалась чуть ли не основным призванием российской интеллигенции. «С мещанством стираются личности, но стертые люди сытнее; платья дюжинные, незаказные, не по талии, но

интеллигентной группы, у наших собеседников выступает чуть ли не единственным критерием сначала интеллигентности, а затем и интеллигенции. Соблюдать нормы этикета, ходить в театр, еще что-то в этом роде (фрагмент 6, строки 7, 8). Культурность предстает воплощением частной, повседневной жизни, индифферентной помыслам и устремлениям власти. Культура может быть представлена как «сумма всех идеологий», направленных на упорядочение поведения и сознания (следование культурной норме) [Флиер, 2006, с. 34–35], что позволяет А.Я. Флиеру отождествлять культуру и власть. Культурность, напротив, антипод власти, она как бы проживает в другом пространстве, не пересекающемся с властными порядками, попросту не видит их. Культура — прерогатива государства, культурность — человека.

Фрагмент 6. Культурность, 51:42–52:16

-
- 1 У3: (...) у нас понятие интеллигентный >как определение< оно
 2 достаточно широко используется. На самом деле оно является
 3 синонимом слова куль[турный]
 4 У5: [культурный]
 5 У3: ↑да то есть оно ↓воспринимается интеллигентный значит культурный
 6 а затем из этого определения дее:лают существительное
 7 <интеллигенцИЯ> ↑да интеллигенция это человек который
 8 соблюдает какие то нормы этикета, ходит в театр, °еще чо то там°
 9 ну и так далее (.)
 10 У4: И еще по поводу [э:тимо:: этимологии]
 11 У2: [не сморкается на пол]
 12 У3: да, не сморкается в ↓занавески совершенно верно
 13 У4: [по пово- по поводу]
 14 У5: [а если это делает] то эстетически ((общий смех))

Проведя социолингвистическое исследование понятия «культурности», В.В. Волков обнаружил, что оно стало массовым лишь в 1930-х годах [Волков, 1996]¹³. До середины XIX века «культурность»

число носящих их больше. С мещанством стирается красота породы, но растет ее благосостояние» [Герцен, 1993, с. 32]. Мещанство хуже смерти, поэтому его нужно уничтожить, не думая о созидании. Анархические, бакунинские представления о разрушении любой ценой существующего порядка — лишь доведенные до логического конца представления российской интеллигенции. Примечательно, что тема мещанства вовсе выпала из рассуждений наших собеседников. Вопросы мессианства интеллигенции, необходимости слышать ход истории как бы повисали в воздухе, без общего основания. Ради чего следует идти на явные жертвы?

Самоценность коммуникации и общения, к чему неоднократно возвращались в разговоре (см., например, фрагмент 8, строки 6–8; фрагмент 9, строки 34–37), отнюдь не очевидны без общих связующих идей, которые в настоящий момент подверглись сильнейшей девальвации. Дальнейшие же рассуждения о культурной жизни Екатеринбурга велись вовсе не в герценовском понимании искусства, приносящего наслаждение [Герцен, 1993, с. 30], а лишь с точки зрения потребления, мест, куда можно пойти.

¹³ Именно на этот период, по мнению Ю.А. Левады, приходится закат истинной интеллигенции

вовсе не употреблялось, впоследствии, вплоть до прихода к власти большевиков, скорее ассоциировалось с дурным слогом, нежели точным или образным описанием некоторого феномена. Актуальным «культурность» стала благодаря переосмыслению советской властью социальных катаклизмов послереволюционного периода и совершению «большой сделки» между сталинским режимом и лояльной ему интеллигенции. «Большая сделка заключала в себе также конверсию ценностей—переход от воинствующего революционного аскетизма и безвозмездной преданности общему делу к культивированию благополучной частной жизни, индивидуализации потребления, ориентации на цивилизованное поведение—«ценности частной жизни превратились в общественную норму [Dunham, 1979, p. 15]» [Волков, 1996, с. 198]. Культурность в общественно-политическом дискурсе 1930-х годов легитимировала восстановление порядков нормальной, мещанской жизни городского населения. Удивительно, насколько описания, почерпнутые В.В. Волковым из периодических изданий того времени, консистентны нынешнему разговору.

Театральная жизнь города, танцевальные и певческие коллективы, музейное дело—все это, по мнению участников семинара, выделяет Екатеринбург из остальных городов Урала и Сибири, позволяет говорить о его культурном уровне. Большие консервативные театральные коллективы тюза, драматического театров «подстегиваются» малыми, подвижными коллективами Каляды-театра, Волхонки, Малого драмтеатра. Танцевальное искусство, выставочная деятельность, галерейная деятельность, симфонические летние вечера в филармонии, деревянная скульптура, строительный конструктивизм... Мы слышим все новые и новые примеры «перетекания публичности из политической в культурную среду» (фрагмент 7, строки 1–5).

Фрагмент 7. ПЕРЕТЕКАНИЕ ПУБЛИЧНОСТИ, 97:27–97:46

-
- 1 У6: Тт:эзис то ведь был какой [перетекает
 2 У2: [да да
 3 У6: пу:публичность перетекает из [политики в иные сферы и
 4 У2: [есть есть есть
 5 У6: >в очень [большой степени в культурную<
 6 У1: [Не публичность! В том то и дело. Причем тут публичность?
 7 Смотреть можно трогать нельзя Тем более об этом разговаривать =
 8 У6: = А вот разговаривать как раз можно
 9 У2: да да
 10 У1: Где?

[Левада, 1993, с. 157–158], которая по своему духу несовместима с государственной службой, с производством воспитательных текстов в соответствии с доминирующей идеологией.

Но и на этом весьма благостном фоне обсуждения культурного развития города вдруг возникло явное напряжение в дискуссии: «смотреть можно, трогать нельзя» (строка 7). Интеллигентная среда перемещается в сторону потребления, опосредованного односторонней коммуникацией, отсутствием диалога. Таков диагноз одного из участников семинара. Нет места, где стало бы возможной и осмысленной дискуссия, более того, потеряны основные мотивы для конструирования такого места (фрагмент 8).

Фрагмент 8. АТОМИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА, III:42–III:24

- 1 Уг: Процесс атомизации он происходит (.) Есть правда параллельный
2 процесс ↑да то есть самоорганизации создания а:: на основе каких то
3 потребительских интересов ну: шкурных ↓абсолютно и это
4 ↓правильно каких то обществ Но пока еще он идет достаточно слабо
5 Автомобилисты ↑да вот та:м (.) мамы, дольщики вот это ↓есть Если
6 говорить о том что:: идет какое то объединение по:: принципу::
7 грубо говоря >давайте чо нибудь пообсуждаем< потому как мы
8 интеллигенты или интеллек(××)туалы ↑да или(××) как сделать наш
9 город лучше и как создать бренд города и как его продвинуть или
10 еще что то Этого естественно нет

При зарождении конверсационного анализа основным постулатом любого диалога считалось последовательность реплик. Любые наложения интерпретировались как слом или нарушение коммуникации, которые требовали соответствующего ремонта. Только через несколько лет кропотливых наблюдений за речью исследователи заметили, что наложение реплик может не только мешать, но и поддерживать говорящего. Речь идет не об эмоциональной поддержке в форме «гыканий» или кивков головы, а о полноценных наложенных репликах. Наличие подобных поддерживающих наложений Э.Щеглов назвал «феномен хорала» [Schegloff, 2002, p. 291], или концертным, а не последовательным исполнением речевых партий.

Отождествление интеллигентности с культурностью сопровождается хоровым исполнением смысловых конструкторов. Участники коммуникации буквально подхватывают реплики друг друга. Очевидные прерывания приобретают форму поддержки и одобрения высказываний (фрагмент 6, строка 4), что подчеркивается ведущим речевой партии повторением «да» (фрагмент 6, строки 5, 3). Любопытно, что выбивающийся из общей мелодии участник, пытающийся переключить разговор на другую тему, попросту игнорируется (фрагмент 6, строки 10–11, 13–14). Все его попытки заканчиваются неудачей, подытоженной общим смехом, завершающим коллективную партию (фрагмент 6, строка 14). Казалось бы, перед нами мимолетный эпизод обычного интеллигентного трепы, одобренный долей коллективной рефлексии

и самоиронии. Но обратить внимание следует на непроговоренное — воспроизводство структурной динамики в рядах интеллигентского сообщества. Действительно, свойства российской интеллигенции, когда-то воспринимаемые в качестве основных — мессианство, просвещение, преодоление невежества и борьба с тиранией¹⁴, в советском контексте заменены следованием моде, акцентом на внешнем виде и стиле [Волков, 1996, с. 200–204]. Другими словами, из социальной, по большей части революционной и опасной для власти группы интеллигенция вновь предстает эдаким милым, беззубым сообществом культурных, внимательных, хорошо образованных, но бездействующих и политически инертных людей. Неужели вновь воспроизводится мощь властного конструирования образованного класса? Навряд ли. Речь идет скорее об отступлении властного дискурса, нежели его переопределении.

Тотальная критика сложившейся ситуации в интеллектуальной среде, озвучиваемая диссидентствующими обществоведами (см., например, Гудков, 2006, с. 212–213), грешит определенной близорукостью. Осуждая советскую и постсоветскую интеллигенцию за инертность и конформность по отношению к власти, они не задумываются над тем, что подобная позиция в основании практически не отличается от противоположного, критикующего власть дискурса. «...Как лояльная режиму группа обществоведов, так и внутренне-диссидентская являлась носителем идеологически инфильтрированного (т.е. „интегрального“, интеллигентского) знания» [Куренной, 2006, с. 9]. Не случайно критика власти слишком часто вытесняется критикой или полным отрицанием общества как такового, «погрязшего в мещанстве, экономических интересах и частной жизни», что ставит под сомнение осмысленность и необходимость государственного устройства и политической борьбы, инициируемой властными амбициями. Именно власть выступает основным модератором общественно-политического дискурса, формируя ту или иную повестку дня исходя из собственных интересов [Белоусов, 2008, с. 166]. Интеллигенции же отводится роль поддержания актуальной идеологической риторики. Современные интеллектуалы, делающие акцент на профессиональной самореализации, пытаются преодолеть сложившиеся паттерны социального поведения, направленного на согласование собственной активности с интересами власти. Напротив, интеллигенты, критикующие или поддерживающие последнюю, несомненно, совпадают в одном — конструировании власти в качестве единственного рефрена своей социальной активности. Даже, казалось бы, фактологический материал массовых опросов или

¹⁴ Современные авторы нам также постоянно напоминают о мессианской роли интеллигенции: «Так уж сложилось, что быть интеллигентом означает выполнять определенную историческую миссию, выступать нравственным образцом для других членов общества, участвовать в просвещении

народа. Интеллигент — человек высокой идеи, посвятивший себя заботам об общем благе, служению правде, истине, справедливости» [Фирсов, 1995, с. 21]. «Назначение интеллигенции — выработать относительно целостную картину общественного сознания» [Гуревич, 1993, с. 18].

экспертных интервью скорее востребован для обоснования выбранной ранее позиции, отвечающей политическим предпочтениям и установкам, нежели проверке исследовательских гипотез или описанию социальных взаимоотношений. «Если советский период что-то изменил в русской интеллигенции, так это именно то, что в качестве ее рефрена утвердилась на сей раз государственная власть; интеллигент XIX — начала XX веков определяет себя через отрицание власти и референцию к „народу“, а советская и постсоветская интеллигенция — явно или скрыто — референтно соотносится преимущественно с государственной властью» [Куренной, 2006, с. 11]. Интеллигентность как культурность, интеллектуальность как профессионализм — пока лишь слабые знаки протестного отношения к тотальному властному дискурсу, поддерживаемому интеллигенцией на протяжении долгих десятилетий.

Проектируемая публичность

На протяжении всего семинара интеллигенции раз за разом отказывали в публичности. Упоминание о культурности как основном качестве интеллигента определяло его локальное, периферийное место в политическом и социальном контексте. Разговор о публичности мог бы и вовсе не состояться, если бы я намеренно не ввел это понятие в дискуссию (фрагмент 4, строки 1–6). В ответ получены спонтанные, но чрезвычайно однородные реплики об «искусственной» (строка 10) и «проектируемой» (строка 26) публичности¹⁵.

Фрагмент 4. Искусственная публичность, 43:13–44:26

-
- 1 *Мг*: (...) вступая уже как участник дискуссии с мнением все таки мне
 2 кажется тут >речь то идет< не о: культурных компетенциях в
 3 большей степени а о таком понятии как публичность. То что сейчас
 4 обсуждается много, приписывается разным дисциплинам (.)
 5 публичная политология, публичная социология, публичная там еще
 6 черт знает что-
 7 *Уб*: -и здесь есть мнение =
 8 *Мг*: = *Мгм*
 9 *Уб*: публичность она:: э: современная публичность она:: э: она
 10 искусственна, она создаваема, она формируема. *И*:: э: формируема

¹⁵ Описание публичности как искусственной и проектируемой, казалось бы, производится вне какой-либо оценочной лексики, как некоторый состоявшийся факт, выходящий за рамки моральных суждений. Если же поместить подобные рассуждения в контекст господствующего на Западе либерального дискурса, нетрудно заметить негативные, разрушительные для него последствия от столь прагматичной позиции. Не случайно

С.Амадае решительно говорит о все возрастающем негативном отношении к публичности, которое сопровождается переопределением в языке понятия суверенитета [Amadae, 2003, p. 4]. Последнее уже не воспринимается как неотъемлемое качество политического гражданства. Напротив, ему приписываются характеристики потребительского поведения, определяемого правилами рационального выбора, в прямом

- 11 под определенные >цели, определенные задачи, определенные
 12 интересы а вовсе не под миссии < ↓ вот Соответственно интеллектуал
 13 здесь не более чем обслуживающий класс который обслуживает
 14 те или иные задачи которые ставятся-
- 15 Мг: -Но если это так значит нужно говорить
 16 об этой существующей группе об
 17 обслуживающие [группе]
- 18 У2: [ну да] получается что
 19 тоже реальность-
- 20 У3: -Вся ↓ публичность пиар ↓ публичность на самом деле =
- 21 У6: = которая делаема (.) <и:: поэтому говорить> (.) в этом смысле о:::
 22 >то есть интеллигенция у нас как то не коннотируется с пятой
 23 личностью < =
- 24 У2: = с доступом к сми ↑ да (.) То есть можно ли назвать человека
 25 который имеет доступ-
- 26 У6: -с ↓ проектной с проектируемой публичностью =
- 27 У2: = да да

Сфере социально-политических действий участниками семинара присваивается исключительно профессиональный, а по Майклу Буравому, заказной (policy) характер. На это прямо указывает реплика об обслуживающем характере интеллектуального труда, рефреном повторяющая общее настроение участников дискуссии: «интеллектуал здесь не более чем обслуживающий класс» (фрагмент 4, строки 12–13). Удивительно, но из публичной области полностью исключается область свободного волеизъявления. Публичность «делается» (строка 21) и вовсе не представителями интеллектуальных групп. Тогда кем? Властью, элитами, обладающими ресурсами для контроля и управления средствами массовой информации. Даже вспоминая дореволюционную интеллигенцию, дискуссанты отказывают ей в публичности, открытости широкому слою населения. Единственная референтная группа для прошлой, «истинной» интеллигенции — «акторы, субъектные люди» (фрагмент 5, строки 19–21), то есть те, кто может принимать решения, кто действует, значит, обладает властью. Подтверждением этому служит ассоциация, возникшая на словоформу «субъектные люди» — это чиновники (строка 24). Пусть и образованные, читающие литературу, преклоняющиеся перед искусством, но все же чиновники, состоящие на государственной

веберовском понимании этого слова, как калькулируемого целерационального решения. Тем самым сетуя о схлопывании политической сферы, de facto наши собеседники поддерживают этот процесс. Они принимают навязываемые правила игры, в которой политические решения замещаются риторикой о качественной и профессиональной работе. Профессионализм из обслуживающего, требующего обязательного

пояснения (профессионализм в чем) понятия, становится идеологической конструкцией. Не случайно наши собеседники ни разу не уточнили, о каком именно профессионализме идет речь. Размышления о росте профессионального самосознания слишком сильно конфликтуют с сетованиями об отсутствии образованности, методологической и методической грамотности политических деятелей.

службе. Следовательно, это люди, принципиально несвободные в ценностных, идеологических ориентирах, вынужденные подстраиваться под государственные интересы, чтить волю суверена.

Фрагмент 5. Монополия на интеллектуальную
деятельность, 52:43–53:41

-
- 1 У6: В общем нету властелинов духа (.) а:: стало быть интеллигенции нет =
 2 У1: Я во-
 3 У2: -Да >это правильная скорее всего [позиция<
 4 У1: [а:::]
 5 они [были когда то властелины духа?]
 6 У2: [были]
 7 У6: [да конечно]
 8 У1: [когда и где?
 9 У6: [всякие толстые, чеховы и так далее
 10 У1: толь- только в своем сообществе которое было крайне узкое и потому
 11 могло коммун- тировать друг с другом достаточно ↓ просто [все
 12 У6: [а:
 13 правильно оно было единственным- оно было монополистом на
 14 интеллектуальной деятельности =
 15 У3: = другого то и не ↓ было
 16 У1: так яа:: так я: понимаю но:: в: для кого опять же для кого? для себя? =
 17 У6: = крестьянская масса [она существовала
 18 У1: [вещь в себе? =
 19 У3: = для акторов, для субъектов =
 20 У2: = да да
 21 У3: для субъектных людей она ↓ существовала те кто не были субъектами-
 22 У1: -для субъектных людей существовала? =
 23 У3: = да
 24 У1: °ей богу° Я не думаю что:: чиновник ↑ да который а:: определял что-
 25 У3: -> для него пушкин был важен <

Обратим внимание, насколько эмоциональным становится обсуждение: возрастает количество наложенных (overlap) высказываний (строки 5–7, 8–9, 17–18), наблюдаются обрывы и прерывания речи другого (строки 2–3, 11–12, 21–22), поддержка и мгновенное подхватывание реплик (строки 19, 20, 23). Интеллигенция вновь ассоциируется с властью. Значимость и весомость ее определяется через возможность влияния. Не случайно столь оживленную реакцию получает типично романтическое¹⁶ высказывание об отсутствии «властелинов

¹⁶ В данном контексте речь идет о немецком романтизме, преимущественно гегелевского типа, в котором история воспринималась как целостный поток сложного и порой противоречивого

всемирного Духа. Задача истинной интеллигенции состоит лишь в принятии общего потока, смешении с ним. Для этого нужно лишь иметь особый талант угадывания общих тенденций,

духа» (строка 1), которые могут существовать лишь при условии монополизма в производстве интеллектуальных продуктов (строки 13–14). Тем самым публичность воспринимается исключительно как средство влияния, а интеллигенция как сообщество, потерявшее таковое. Причем потеря влияния произошла не потому, что интеллигенция выбрала иной способ самореализации, отвернувшись от власти. Нет, по-прежнему возможность «влиять на умы» остается, судя по общему тону дискуссии, одним из наиболее привлекательных мотивов публичной интеллектуальной деятельности. Действенность и опасность новых идей, умение обращаться с ними перестало восприниматься в качестве опасности самой властью. Именно подозрительность к производству идей, чувство опасности, исходящее от интеллигенции, превосходящей в интеллектуальном плане своих правителей, вызывало интерес к этой социальной группе со стороны власти [Берлин, 2001b, с. 507], создавало государственный заказ на массовое производство интеллектуального продукта. «Задача советской интеллигенции состояла в легитимации советской власти и обеспечении поддержки режима»,— напишет Б. Фирсов по прошествии нескольких десятилетий после коллапса СССР [Фирсов, 2001, с. 172]. Теперь этого нет. Идеи перестали быть подозрительными¹⁷. Власть нуждается в слишком ограниченном составе идеологов, чтобы поддерживать и взращивать довольно обширную интеллектуальную среду.

«Замороженные» места интеллигенции

Единственная территория, где продолжает воспроизводиться интеллигентная среда, по мнению одного из участников обсуждения,— поселения Крайнего Севера (фрагмент 9). Об этом было вскользь упомянуто в начале семинара, и я попросил вернуться к этой теме уже по его завершению. Развернутое, аргументированное выступление никем не прерывалось. Лишь в первую минуту сделано дополнение, и то произнесено оно в быстром темпе, поддерживающем общий тон

умения подчинить им собственную судьбу, а значит, встать над ними. «Задача философа—прозревать ход истории, ее, выражаясь более туманным языком, «Идею» и различать пути человечества. История—огромная река, но направление ее могут предугадать люди с особым даром внутреннего, сокровенного зрения. Сколько ни наблюдай за внешним миром, ничто не подскажет, куда обращен этот подземный поток. Постигнуть его дано лишь тем, кто с ним заодно...» [Берлин, 2001a, с. 15].

структур, идеи непостижимым, с нынешней точки зрения, образом складывались в идеологии. Власти угрожали «власть неумирующая». Именно в создании идеологии Раймон Арон увидел опиум, вдохновляющий и увлекающий интеллигенцию на странный с точки зрения здравого смысла путь революционных преобразований. См. русский перевод фрагмента нашумевшей когда-то монографии «Опиум интеллигентов» (1957) [Арон, 2005]. Насколько же насыщенной была интеллектуальная дискуссия тех лет, что уже в 1950-х Даниэль Белл увидел конец идеологии в западном обществе [Bell, 2007, p. 195], а значит, и потерю привилегированной роли интеллигентов.

¹⁷ «Идеи сами по себе подозрительны»,— напишет в 1958 году Гарольд Розенберг [Rosenberg, 2007, p. 185]. Тогда в кругах, отдаленных от властных

высказывания (фрагмент 9, строка 7). Говорящий воспринимался всеми участниками семинара как эксперт, предоставляющий полезную и вовсе не дискуссионную информацию.

Фрагмент 9. СЕВЕРНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, 133:06–134:46

1 Уг: Там просто очень специфические условия. Впервых э::: два
2 ↓фактора Поселенческая структура ↑да то есть э:: по большей части
3 это э: новые города Они очень ↓небольшие, они очень ↓локальные.
4 Взять тот же ямалоненецкий автономный округ вот есть их там семь
5 ну: будем считать что семь городов есть. Три больших но больших
6 опять же [сто тысяч
7 Уз: [>восемьдесят тысяч <
8 Уг: Огромный город ноябрьск ↑да Огромный город новый уренгой
9 Столица тридцать тысяч населения. Одни чиновники вообще одни
10 чи:нов:ники ну еще плюс obsлyгa >кто в магазинах работает<
11 больше никого нет ↓вот Они очень локальны
12 (...)
13 У них фактически у большинства даже у тех кому сейчас пятьдесят
14 ↑да (.) две роины >вот там где они сейчас живут где они уже своих
15 детей ↓родили < и там куда они уедут с севера А уехать хотят все
16 (...)
17 В любом случае вот когда они оказываются вот в та- в достаточно
18 замкнутых социальных образованиях ↑да: и: (.) потому что (.) ну это
19 объективно так все замкнуто по большому счету ↑да Плюс если
20 учитывать то что далеко не худшие люди туда ехали достаточно::
21 такие пассионарные личности ↓ехали ну: за деньгами ехали меньшая
22 там часть ехала за запахом тайги В основном за деньгами. Высокий
23 ценз э: ↓образовательный достаточно то есть не худшие люди туда
24 ↓приехали. И вот эти традиции семидесятых годов вот этих кухонь
25 (.), интеллигентских посиделок, бардовской песни (.) они там в
26 замороженном состоянии °находятся° Но так как никого другого
27 досуга нет зачастую вот эти кухни переносятся в ку:культурные
28 учреждения А они там хорошие просто. Я такого как в новом уренгое
29 дворца культуры не видел ↓нигде Он там может с любым залом
30 екатеринбурга: (.) или москвы ↓посоперничать зал конечно поменьше
31 но там и населения гораздо ↓меньше. Вот (.) всяческие кружки
32 детские (.) взрослые любые начиная там э:: от вязания до игры на
33 скрипке ну все что ↓угодно, спортивные сооружения (.) это тоже
34 присутствует. И поэтому они они э::: как бы вот постоянно
35 коммуницируют постоянно общаются и:: (1,0) а так как вот (.) если
36 вы помните традиции интеллигентские они сохраняются с
37 семидесятых ↓годов еще и север мы же с сурового севера как мы
38 добываем газ даже если его в глаза не видел и к нему не имеет
39 ↓отношения или там про оленя северного которого тоже они раз в

40 год в праздники ↓ видят Вот это вот э::: местечковый патриотизм
 41 в местном- (.) он очень сильный и со- соответственно такой вот тип
 42 социальности он все равно э::: рождает лидеров общественного
 43 мнения, которые там есть. Вот здесь нет а там всегда с десятков ты
 44 ↓ наберешь То есть группа ориентируется э::: на > совершенно
 45 определенные фигуры < ↑ да которые чаще всего какиенибудь
 46 балагуры с хорошим образованием, песни поют ↑ да на все имеют
 47 свое мнение, иногда могут ругаться с ↓ властями особенно с
 48 федеральными а не собственным мэром поскольку мэр близко он
 49 дюже свой ↑ да Фактически мы там ви(хххх)дим модели которые
 50 были свойственны может быть классической интеллигенции ну и
 51 советской интеллигенции отчасти Вот там они есть в них нужда
 52 просто на просто есть (...)

Перечисляя особенности северян, спотыкается, подбирая общее слово, характеризующее их состояние. Наконец, после протяжного «э» в качестве означающего термина выбирается «местечковый патриотизм» (фрагмент 9, строка 40) — не больше и не меньше, а тип социальности, благоприятный для сохранения и развития интеллигентного сословия. В очередной раз убеждаемся, что первоначальный критерий интеллигентности недостаточен для определения интеллигента. Важнейшей составляющей последнего является возможность влиять на происходящее, иметь реальную власть на умы окружающих людей. Не удивительно, что подобная претензия на влияние отпугнет любого здравомыслящего человека, не поглощенного властными ожиданиями. Видимо, поэтому интеллигент не может называть себя таковым. Это форма для внешнего описания людей интеллектуальных, культурных и влиятельных, чьи качества в обязательном порядке должны быть установлены окружением. Конструирование же последних чревато воспроизводством эксгибиционизма, претенциозности и какой-то детской доверчивости перед собственными силами и возможностями. Образ интеллигента, построенный нашими собеседниками, наделен патологической, всепоглощающей и неистощимой увлеченностью социальными и нравственными проблемами. Отсюда и балагуры с хорошим образованием, имеющие свое мнение по всем вопросам, ругающие власть и имеющие огромное влияние в своей референтной группе, в ограниченном и замкнутом пространстве (строки 45–48). Служение «гуманистическим идеалам» (по Манхейму) позволяет им преодолеть прозаичность собственных профессиональных компетенций¹⁸, хотя бы

¹⁸ К. Манхейм подчеркивал, что прозаичность в представлениях и делах позволяет преодолеть «лживые и не соответствующие действительности идеологии» [Манхейм, 1992, с. 75]. Казалось, весьма привлекательная социальная активность северян способствует сохранению особой со-

циальности, столь необходимой современному обществу. Однако обратная сторона такой социальности — воссоздание утопического сознания, поддерживающего «лживые» идеологии и конструирующего огромную дистанцию между периферией и центром.

в глазах очевидцев преодолеть пути провинциальной биографии. Не удивительно, что в современном информационном мире подобный типаж встречается чрезвычайно редко. Другой вопрос, почему интеллигент воспринимается в такой двойственной позиции? С одной стороны, жесткие нравственные требования к себе, влекущие за собой смирение и послушание. С другой — претензии к окружающему миру, стремление к его преобразованию по части идеологических, мировоззренческих представлений, что делает из интеллигента истинного революционера. Но революционер теперь получается какой-то локальный, «местечковый», знающий свое место в общей социальной иерархии. И. Берлин, анализируя советскую интеллигенцию 1950-х годов, заметил, что опасная для любого властного режима черта русской интеллигенции была полностью истреблена вместе с ее носителями. На место воинствующих интеллектуалов пришли «подлинно цивилизованные, восприимчивые, равнодушные, часто талантливые, но слишком запуганные, политически пассивные специалисты» [Берлин, 2001b, 509]. Их окружение локально, их претензии не распространяются дальше досугового пространства. «Никакого другого досуга нет» (строка 26–27) — приводимая в качестве аргумента развития интеллигентной среды на Севере реплика тем самым и ограничивает эту среду непротиворечивыми и проблемными для властей рамками свободного времяпрепровождения.

Мировоззренческая позиция интеллектуала

Оставаясь людьми действия, сильно отягощенными политическим опытом, «интеллектуалами в политике» (по Т. Драперу)¹⁹, наши собеседники с трудом могут себя ассоциировать с «мякотелыми» интеллигентами, утопающими в заботах о культурной традиции, поддерживающими всеми силами стандарты должного поведения. Эстетически сморкаться в занавеску (фрагмент 6, строки 12–14) как снижение общего пафоса интеллигентной позиции — вот грубая правда почувствовавших вкус к политической борьбе интеллектуалов²⁰. Их притягивает не только гротесковая эстетика, но и возможность выйти за

¹⁹ Теодор Драпер различает интеллектуалов в политике и интеллектуальных политиков. Если первые приходят в политику, имея научный статус, обладая определенным багажом знаний и умений в образовательной или исследовательской сфере, то вторые профессионально социализируются в политике, интеллектуальная среда для них — не более чем побочный инструмент или форма неординарного досуга [Draper, 2006, p. 202]. Наши собеседники более чем отвечают критериям интеллектуалов в политике. Каждый из них имеет собственный путь участия в политических баталиях 1990-х: кто-то

со стороны политконсультантов, кто-то управленческого состава действующих политиков.

²⁰ Несмотря на то что в статье представлено достаточно перенасыщенных патетикой ранних текстов об интеллигенции, иронический настрой уральских интеллектуалов не является чем-то новым даже по отношению к далекому прошлому. Сравните, насколько перекликается не только эмоциональный подтекст, но и содержание фельетона Л. Андреева с рассуждениями наших героев: «С самого раннего детства, когда интеллигент был еще только малоосмысленным

рамки учебных аудиторий и наукообразных проектов, окунуться в гущу будничной жизни, в которой ощущаешь реальное влияние и власть²¹. Так, в течение всего разговора никто не упомянул о своей профессиональной деятельности в качестве преподавателя, не привел в качестве аргумента результаты проведенных исследований. Но много говорилось о «реальных» делах и достижениях на ниве политического консалтинга и выполнения заказа тех или иных политических фигур.

Примечательно, что профессионально состоявшиеся в политике диспутанты избегают политически клишированных определений мировоззренческой позиции. Лишь однажды прозвучали слова о коммунистических и либеральных взглядах, разделяемых разными группами интеллектуалов, и тут же были подвергнуты общему сомнению (фрагмент 11, строки 1–14). Признаваемой всеми в качестве мировоззренческой доминанты остается личная самореализация, основанная на профессиональном росте (фрагмент 10, строка 12; фрагмент 11, строки 16–20). Профессионализм как критерий успеха и единственная цель, оставшаяся в идеологически деконструированном мире. За оберегом из слов о денежном вознаграждении, рыночном характере услуг, потребительских пристрастиях, о чем высказал обобщающее суждение модератор (фрагмент 10, строки 3–5), скрывается религиозная позиция послушания. Делать свое дело, невзирая на обстоятельства, пренебрегая моральными оценками оппонентов.

Фрагмент 10. АКТОРЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН,
139:31–142:04

-
- 1 У3: Я прошу прощения Время
2 М1: Последний может быть тогда вопрос и: на этом завершим (.) Все. >До
3 меня дошло < что интеллигенция у нас живет в традиционном
4 обществе э: современный город э: погряз в консюмаризме и
5 потреблении и так далее Ну вот в этой перспективе
6 мировоззренческая позиция у интеллектуалов в данном случае э:: она
7 какова? И я адресуюсь на екатеринбург в большем случае >в
8 большей степени < Вот какие мировоззренческие позиции, какие

мальчуганом, подобным всем иным мальчуганам на свете, ему начинают внушать разные правила: правила грамматические, правила умножения и деления, правила благопристойности, правила приличия и все прочие бесчисленные правила вплоть до того, каким манером подобает сморкаться с наименьшей затратой энергии» [Андреев, 1913, с. 172].

доходчиво преподносить, в описаниях или устной речи [Posner, 2004, p. 72–75]. Публичные интеллектуалы (по Познеру) не могут прийти к великим научным открытиям, им в общем-то закрыт путь на пантеон социальных наук. Слишком различаются политические и научные цели, слишком разными представляются истины политикам и научным сотрудникам, чтобы была возможность их совмещения. Публичные интеллектуалы, успешно реализующие поставленные политические задачи,— это виртуозы сегодняшнего момента, в гораздо большей степени создающие, нежели понимающие происходящие события.

²¹ Ричард Познер в качестве значимого различия публичных интеллектуалов от типичных научных сотрудников выделяет способность видеть то, что находится перед глазами, и умение это

- 9 ценности превалируют в среде [интеллектуалов
10 У1: [ну очень >очень< коротко
11 М1: да]
12 У1: в первую очередь профессиональная реализация и: какое то::
13 смутное неартекулируемое чувство что чего то: еще: и хочется
14 ((смех))
15 М1: ну: может быть каждый [выскажется?
16 У2: [деньги есть а счастья нету(ххх)
17 У4: [традиция на самом деле может возникнуть
18 только если (.) она будет не такой как сейчас это апологетика статус
19 ↓кво Только в этом (.) как бы (.) по крайней мере в политике (.)
20 востребована (.) то есть если интеллигент будет себя
21 позиционировать как носителя, генератора каких то:: <будущих,
22 социальных ↓перемен> то есть ус- будет выступать за какие то
23 перемены и предлагать варианты решения альтернативы которые <на
24 его взгляд> окажутся лучше чем окружающая действительность, если
25 будет ддо-достаточно много людей (.) которые с ним согласятся а
26 таковой спрос >на самом деле есть< недовольных ↓много просто они
27 не совсем публичны вот в этом пространстве которое сжимается как
28 ш:шегренева ↓кожа Но тем не менее они есть Может быть их б:удет
29 все больше и больше в связи вот с консервацией статус кво которая
30 на самом деле проблемы никакие не решает по большому ↓счету
31 только усугубляет, либо консервирует, либо замораживает (.) и так
32 далее Ну это вот (.)
33 М1: Мгм
34 У3: Я бы сказал что очень разное-
35 У4: -К::как как сказал в свое время то ли
36 Дмитрий Быков это такой как законсервированный труп если отта-
37 оттает очень плохо будет пахнуть (.) Э:: >Поэтому все время нужны
38 какие то< изменения И когда до элит дойдет что <изменения будут
39 нужны> они рано или поздно случатся (.) Только либо они будут
40 управляемы, либо это будет какая то катастрофа, взрыв (.) вот и
41 угроза которая реализуется извне и так далее Тогда эта позиция
42 связанная с переменами с какими то <социальными> С тем что
43 перемены это есть хорошо а стабильность плохо то есть это будет
44 востребовано
45 М1: Мгм
46 У4: И вот это на мой взгляд единственный выход для того чтобы каким
47 то образом снова расширить пространство публичности в России

Подмеченный В. Куренным феномен разрушения представлений об «интегральной личности» [Куренной, 2006, с. 8] в интеллигентской среде и последовавшие за этим потеря мессианских установок и редукция интеллигентности до культурности отражают занявшую доминирующие позиции в общественном дискурсе профессиональную

риторику. Интегральное мировоззрение не терпит различия внешнего и внутреннего, своего и чужого. Жизнь интеллигента целостна и подчинена внятным критериям, интегрирующим все многообразие социальных взаимодействий к общим принципам. Профессионал представляет противоположный тип. Его «драматургическая роль состоит в умении отделять внешнее от внутреннего таким образом, что семантика внешнего преобладает над семантикой внутреннего. <...> Профессионал-продавец демонстрирует доброжелательное внимание к привередничающему покупателю, хотя мысленно уже назвал его сволочью, и будет делать это всякий раз, когда сложится аналогичная ситуация» [Батыгин, 2007, с. 7]. У наших героев утверждение о приоритете в профессионализации соседствует с некоторым внутренним чувством о чем-то большем (фрагмент 10, строки 12–14). В такой раздвоенности внутреннего «Я» и внешнего «Ме» (в терминах классического интеракционизма) существование интегральной личности невозможно.

Анализируя зарождение русской интеллигенции, И. Берлин заметил, что «Россия не внесла в сокровищницу человечества ни одной новой социальной или политической мысли: любую из них легко возвести не просто к западным корням, но к той или иной конкретной доктрине, исповедовавшейся на Западе восемью, десятью, а то и двадцатью годами раньше» [Берлин, 2001а, с. 19]. Аналогичная ситуация и с нашими героями. Рефреном проходящее рассуждение о профессионализме отражает общую экспансию американизированного, менеджериального мышления, обрушившегося на российских интеллектуалов в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Тогда новой и необычной представлялась позиция всеобщей профессионализации, то есть рассмотрение любой политической, социальной или управленческой деятельности сквозь призму профессиональных навыков, умений и норм²². Видимо, через пару десятилетий вакцинация профессиональной этикой оказалась вполне усвоенной в интеллектуальной среде.

²² Безусловно, профессиональная этика имеет куда более давнюю историю. Достаточно вспомнить веберовские работы о политике и науке как призвании и профессии [Вебер, 1990а, 1990б] или мангеймовские — о вытеснении идеологий и утопий профессиональными идеалами [Манхейм, 1992, 1993]. И. Берлин, рассуждая о русской интеллигенции, в качестве альтернативного мировоззрения приводил профессиональную ориентацию: «Они (французские писатели XIX века) исходили из того, что интеллектуалом или художником движет взятое перед собой и публикой обязательство делать то, что умеешь, по возможности лучше: художником — создавать самые прекрасные полотна, которые может, писателем — наилучшие романы, на какие способен» [Берлин, 2001, с. 24]. Представляя советской публике американскую интеллигенцию, И.С. Кон

пишет все о том же упадке интеллигентности, свободы духа и независимой нравственной позиции в связи с необходимостью профессионального, экспертного обслуживания властвующих элит [Кон, 1968]. Удивительно, насколько устойчивы основные различия, имеющие отношения к понятиям интеллигента и интеллектуала, насколько мало новых признаков привнесено в них за последнее столетие. Однако массовые, клишированные интерпретации подчиняются своей, историко-социальной логике. Обозначение собственной позиции как ограниченного во многом профессионала в России стало массовым как раз в перестроечный период, когда появилось множество публикаций (в основном подверженных экономическому доктринерству в объяснении сугубо социальных трансформаций), отходящих от традиционных взглядов о

В свою очередь, выпадающие из общего тона дискуссии, ни-
кем не поддержанные, путанные объяснения о социальных преобразо-
ваниях, их необходимости для возникновения социальной общности
интеллигентов (фрагмент 10, строки 17–32) скорее напоминают о про-
шлых различиях, связанных с понятием интеллигенции²³, нежели о се-
годняшних реалиях.

Фрагмент 11. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ,
142:08–144:43

-
- 1 У3: -Я бы сказал что очень разное все:: вот даже >даже< по академии
2 наук ↓взять (.) то (.) есть большая часть ученых настроена
3 коммунистически >то есть если говорить о политике< Для
4 меня это был парадокс =
5 У4: = Вы наверное имеете в виду академиков?
6 У3: Ну да (.) всех вот этих вот ↑да: (1,0) и есть >естественно< ну
7 противоположный-
8 У1: -чтобы иметь соответствующий лайф стайл-
9 У3: -А?
10 У1: соответствующий стиль жизни иметь
11 У3: Вот да:: (.) Если говорить об экспертном сообществе то::
12 большинство: э: конечно э::: ли::бералы вот (2,0)
13 У6: °ну не факт°
14 У2: xxxxxxxxxxx ((общий смех))
15 У5: (xxx)и не только в вопросах внешней политики
16 У6: Вот. Я бы сформулировал следующим образом как мне видится
17 э::: само:: самопозиционирование интеллектуалов (.) То есть в
18 основе согласен абсолютно это прежде всего ↓самореализация
19 это фундамент, это база. Все что не сводится к фундаменту и базе
20 оно выглядит примерно следующим образом (.) Те кто э:::
21 соответствии со своей профессиональной квалификацией не
22 понимают сложности э::: существующего мира и тех вызовов
23 которые в этом мире ↓возникают там по отношению >к городу,
24 региону, стране и так далее< те пытаются формировать какие то
25 собственные ответы на эти вызовы (.) Те кто отдает себе отчет в
26 колоссальной сложности этих вызовов и понимает что это высоко

целостности и энциклопедичности любого об-
разованного человека, претендующего на роль
интеллектуала или интеллигента.

основного признака интеллигенции определяет
преемственность, связывающую людей общим
социальным действием— борьбой за освобож-
дение [Иванов-Разумник, 1993 (1907), с. 74]. Он
не уточняет, с кем и от чего следует вести по-
добную борьбу. Не иначе преподносится и опи-
сание необходимости социальных преобразова-
ний (строки 41–43) как некоторой значимой и
непроблематичной доминанты.

²³ Упоминание о «возникновении традиции» (фраг-
мент 10, строка 17) и необходимой нацеленности
интеллигента на социальные преобразования
(строки 20–23) напрямую перекликаются с раз-
мышлениями об интеллигенции начала про-
шлого века. Так, Иванов-Разумник в качестве

- 27 профессиональная ↓ деятельность тот понимает что эта деятельность
28 может осуществляться только как профессиональная,
29 высокооплачиваемая, по соответствующему заказу.
30 Нет заказа нечего браться.
- 31 Мг: Мгм, мгм (.) Наталья, а вы что-
32 У5: Я: абсолютно согласна еще наверное присутствует тоска по уровню
33 задачи по сложности задачи =
34 У6: = да согласен
35 У5: То есть если-
36 У6: -по масштабу =
37 У5: = ↓ Да по масштабу. Да и поскольку
38 масштаб сократился последнее время > наверное за последние десять
39 лет колоссально < =
40 У6: = °измельчал°
41 У5: (xxx)то соответственно и все присутствующие здесь испытывают
42 глубокие нравственные страдания(xxxx) (.) Вот а на самом деле
43 действительно масштаб задачи, ее сложность, ее интересность Вот в
44 этом наверное личная реализация профессиональная на самом деле
45 и происходит (....)
- 46 Мг: Мгм. А в части ценностей и мировоззренческой позиции?
47 У5: ну(xx) °индивидуальное спасение° по моему вообще для
48 интеллектуала характерна позиция одна (.) это позиция
49 автономности (.) то есть его личная какая то стратегия должна
50 быть успешная и по большому счету этого вполне достаточно.

Вероятно, отказ от статуса интеллигента связан не только с сущностными трансформациями. Не в меньшей степени на это повлияли и значительные преобразования в языке, приведшие к гротескному восприятию понятий высокого штиля. «Самосознание народа», «развитие критически мыслящих личностей», «творческое становление человека» «властины духа» и прочие перешедшие в класс эпитетов понятия, характеризующие когда-то интеллигента, теперь вызывают улыбку. Видимо, и в этом проявляется эмоциональность концепта «интеллигенции», подмеченная Д.С.Лихачевым. Жизнь слишком иронична, чтобы с серьезным видом заниматься ее преобразованием. Напротив, следует высмеивать спонтанно возникающий пафос, подшучивать над собой, поддерживать смех других. Только таким образом можно избежать фальши, связанной с употреблением подобных понятий. Наши собеседники—не исключение. Как только произнесена фраза о «глубоких нравственных страданиях», следует смех, дабы смягчить возникшее эмоциональное напряжение (фрагмент 11, строка 42). Высказанная значительно тише обычного позиция интеллигентного человека—«индивидуальное спасение» (строка 47) тут же замещается более приземленным и прагматичным мотивом—успешной личной стратегией (строки 49–50). Но так ли прагматична и противоположна

позиция наших собеседников, позиции их предшественников, живших и работающих столетие назад? Не скрывается ли за словами о профессионализме и трудности поставленных задач все то же стремление к преобразованиям и личным свершениям? Насколько в унисон прозвучали слова о «тоске по уровню и сложности задач», масштабу поставленных вопросов (строки 32–40)? В далеких 1950-х Раймон Арон назвал Францию, с ее революционными порывами и общей критической настроенностью, раем для интеллектуалов. В то время как более благополучную со статистической точки зрения (доминирование интеллектуальных профессий как в абсолютных, так и относительных значениях) Америку — адом. Если в первой общий тон задавали гуманитарии с их вечной склонностью к морализаторству и доктринерству, во второй доминировал технократический дух профессионалов и экспертов [Арон, 2005, с. 193–203]. Продолжая ароновскую аналогию, можно сопоставить ситуацию в современной интеллектуальной России с чистилищем. В очередной раз принятые и усвоенные западные ценности профессионального, экспертного знания попали в один котел с мессианскими и пророческими устремлениями, наиболее популярными когда-то в родном отечестве. Возможно, расписавшись в несостоятельности интеллигенции как группы, несущей моральные ориентиры, мы лишь подготовили почву для ее возрождения. Молодой Лосев сетовал на постоянное одиночество и недостаток «простора жизни» [Подвойский, 2007, с. 11], которые, однако, создавали условия для творчества и созидания, пожалуй, последнего из великих русских философов. Отсутствие жизненных перспектив и места для диалога могут обернуться созданием новых, не привязанных к географическим координатам площадок, и тогда вопрос об уральской интеллигенции будет снят за ненадобностью. Поскольку истинная интеллигенция не нуждается в институциональной принадлежности, не знает географических и временных границ. Возможно, громкие и чрезвычайно популярные рассуждения о профессионализме и экспертном знании создали слишком сильный фон для понимания собственных рассуждений. Как хорошая музыка не нуждается в максимальных, предельных для человеческого слуха звуках, так и интеллектуальная позиция чужда чрезмерной увлеченностью одномерными и слишком рациональными понятиями, подавляющими своим звучанием остальные доводы и аргументы. «Люди глохнут, потому что включают музыку все громче и громче. Но поскольку они глохнут, им ничего не остается, как включать ее на еще большую громкость», — рассуждает в кундеровской «Невыносимой легкости бытия» главный герой. Остановиться и прислушаться к наступившей тишине — не это ли стало насущной необходимостью российской интеллигенции?

Заключение

Казалось бы, разговоры о вымирании интеллигенции, замещении ее классом интеллектуалов и экспертов, нацеленных на профессиональное выполнение поставленных за них задач, подтверждают идею социальных трансформаций в интеллектуальной среде, столь распространенную в 1990-х годах среди исследователей. По всей видимости, интерпретации, эксплуатирующие метафору прогресса, неистребимы среди обществоведов. Только в этом случае предсказание становится делом техники, воображения и незначительных мыслительных спекуляций. Исследователь предстает оракулом, определяющим будущие перспективы, указывающим на скрытые от других тенденции. В таком ракурсе его востребованность очевидна.

Именно от подобных суждений хотелось бы предостеречь читателя. Конституирование в речи профессионального детерминизма в интеллектуальной среде отнюдь не свидетельствует о его наличии вне дискурсивных практик. С определенной степенью условности мы можем лишь описывать прозвучавшие в разговоре черты, приписываемые современному интеллектуальному пространству. Невозможность интеллигенции, сужение понятия публичности до проектируемой, заказной области и исключительно прагматичная, нацеленная на выполнение конкретных задач мировоззренческая позиция современного интеллектуала — всего лишь рамка, очерчивающая сюжетную линию состоявшейся дискуссии. Типичность и адекватность построенных интерпретаций может проверяться лишь посредством включения данного текста в публичное пространство, обсуждения и критики предложенной аргументации. Другими словами, любое социологическое исследование остается незавершенным даже после публикации аналитических материалов. Критерии объективности, валидности и надежности полученного знания в гуманитарной среде определяются его коммуникативными характеристиками. «Демократический ум отвергает всякое знание, которое может быть приобретено через особые каналы, открытые лишь для избранных. Он воспринимает как истину только то, что может быть установлено каждым в обычном опыте, или то, что может быть неоспоримо доказано путем, доступным каждому» [Манхейм, 1993, с. 31]. Именно это имеет в виду М. Буравой, когда определяет истину через «коммуникативный консенсус»²⁴. На этом же основан

²⁴ М. Буравой выделяет четыре типа социологического знания [Burgawoy, 2007, p. 43]. В первом, профессиональном, доминирует теоретическое и эмпирическое знание, критерием истины выступает их соответствие. Во втором, заказном, на первый план выступает конкретное, прикладное знание с прагматическим приматом истины. В третьем, критическом, вырабатывается фундаментальное знание посредством

рассмотрения фундаментальных основ социологии. В четвертом, публичном, знание является коммуникативным, его истинность проверяется посредством публичных дебатов, в которых достигается динамичный консенсус. Для достижения истинности социологического знания требуется выйти за рамки профессиональной среды, вести диалог с разными группами населения. То, что в других типах знания в лучшем случае

этнометодологический поворот в социальных науках. Для получения осмысленного, понятного, востребованного и полезного социального знания оно должно быть возвращено в среду, в которой происходило его формирование. Валидность полученных теоретических описаний и практических рекомендаций определяется в коммуникации с участниками изучаемых социальных взаимодействий.

Несмотря на ограниченность времени, встреча с уральскими гуманитариями была насыщенной различными ассоциациями, идеями, суждениями и примерами, выходящими за рамки предложенных в тексте интерпретаций. Представленная в тексте перспектива — всего лишь авторский срез состоявшейся беседы. Препарируя записанные диалоги, можно извлечь какой угодно смысл из прозвучавших реплик. Кому как не политическим консультантам, к коим по большей части относятся или относились наши собеседники, знать, насколько виртуозной может быть риторическая игра. В отношении подобранных суждений (см. фрагменты I–II) мы можем утверждать лишь о «приземленности» (в стрессовском смысле слова) и натуралистичности проведенного анализа. Основным отличием этого текста от иных возможных интерпретаций является методика работы с транскриптами. Никаких личных «сопереживательных» объяснений, никаких догадок и домыслов об истинных мотивах участников беседы, никаких аргументов, выходящих за рамки сказанного. Таковы основные требования конверсационного анализа, которых мы старались придерживаться. Утверждение об авторской перспективе лишь усиливает натуралистичный пафос повествования, включая в него рефлектирующую составляющую. Объективность описания можно достичь лишь посредством преодоления объективируемых техник, к сожалению, слишком широко распространенных в среде обществоведов. По крайней мере, именно этому были посвящены многие дни дотошной и временами чрезвычайно нудной работы над собранным материалом.

выступает в качестве принципа верификации (см., например: Angrosino, 2007, p. 113–114), в публичной социологии служит основным условием получения знания. Основная угроза такого знания — кратковременность проекта, что типично для иных форм, особенно профессиональной и заказной социологии. Коммуникативная

истина, по Буравому, возможна лишь при непрерывном согласовании основных положений теории со всеми заинтересованными участниками описываемых явлений. Истина контекстуальна, и она должна соответствовать тому социальному контексту, в котором вырабатывается и проходит проверку.

Литература

- Андреев Л. О русском интеллигенте // Полное собрание сочинений Леонида Андреева. Т. 5. СПб.: Издание т-ва А.Ф. Марксъ, 1913. С. 172–176.
- Арон Р. Опиум интеллектуалов / Пер. с англ. А. Черняк; под ред. Т. Дмитриева // Логос. 2005. № 6. С. 182–205.
- Батыгин Г.С. Карьера, этос и научная биография: К семантике автобиографического нарратива // Человек, сообщество, управление. 2007. № 1. С. 4–13.
- Белоусов А.Б. Повестка дня для интеллектуалов: как власть управляет общественными дискуссиями в современной России // Общественные науки и власть: Интеллектуальные трансформации / Под ред. В.Н. Руденко, К.В. Киселева. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2008. С. 141–169.
- Берлин И. Рождение русской интеллигенции / Пер. с англ. Б. Дубина // Берлин И. История Свободы: Россия / Предисловие А. Эткінда. М.: Новое литературное обозрение, 2001а. С. 9–32.
- Берлин И. Советская интеллигенция / Пер. с англ. Г. Кружкова // Берлин И. История Свободы: Россия / Предисловие А. Эткінда. М.: Новое литературное обозрение, 2001б. С. 499–509.
- Богатырева Н.Ю. «В Русь одну поверил...»: Духовные искания российского интеллигента // Обсерватория культуры. 2008. № 3. С. 93–97.
- Вебер М. Политика как призвание и профессия / Пер. с нем. А.Ф. Филиппов, П.П. Гайденко // Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990а. С. 644–706.
- Вебер М. Наука как призвание и профессия / Пер. с нем. А.Ф. Филиппов, П.П. Гайденко // Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990б. С. 707–735.
- Волков В.В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: Советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1 / 2. С. 194–213.
- Герцен А.И. Концы и начала // Интеллигенция. Власть. Народ / Ред.-сост. Л. И. Новикова, И.Н. Сиземская; научно-вспомогат. работа М.В. Горелкин, И.Б. Рябушкина. М.: Наука, 1993. С. 26–44. [1862]
- Гудков Л. В отсутствии «общества»: эмпирические социально-политические исследования в России // Мыслящая Россия: Картография современных интеллектуальных направлений / Под ред. В. Куренного. М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2006. С. 201–220.
- Гуревич П.С. Демократия как культурный феномен // Манхейм К. Проблема интеллигенции. Демократизация культуры. Ч. 1 / Пер. с англ. Л.Ф. Вольфсон; предисл. П.С. Гуревича. М.: инион РАН, 1993. С. 5–19.
- Иванов-Разумник Р.В. Что такое интеллигенция? // Интеллигенция. Власть. Народ / Ред.-сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская; научно-вспомогат. работа М.В. Горелкин, И.Б. Рябушкина. М.: Наука, 1993. С. 73–80. [1907]
- Ильин И.А. О русской интеллигенции // Интеллигенция. Власть. Народ / Ред.-сост. Л. И. Новикова, И.Н. Сиземская; научно-вспомогат. работа М.В. Горелкин, И.Б. Рябушкина. М.: Наука, 1993. С. 275–280. [1927]
- Кон И.С. Размышления об американской интеллигенции // Новый мир. 1968. № 1. С. 173–197.
- Куренной В. Интеллектуалы // Мыслящая Россия: Картография современных интеллектуальных направлений / Под ред. В. Куренного. М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2006. С. 5–26.
- Левада А.Ю. Статьи по социологии. М.: Изд-во Фонда Макартуров, 1993.
- Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Новый мир. 1993. № 2. С. 3–9.
- Манхейм К. Идеология и утопия. Часть 2 / Пер. с нем. М.И. Левиной. М.: инион РАН, 1992.
- Манхейм К. Проблема интеллигенции. Демократизация культуры. Ч. 1 / Пер. с англ. Л.Ф. Вольфсон; предисл. П.С. Гуревича. М.: инион РАН, 1993.
- Мережковский Д.С. Грядущий хам // Интеллигенция. Власть. Народ / Ред.-сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская; научно-вспомогат. работа М.В. Горелкин, И.Б. Рябушкина. М.: Наука, 1993. С. 81–104. [1906]
- Подвойский Л.Я. В зеркале самосознания: По юношеским дневникам А.Ф. Лосева // Гуманитарные исследования. 2007. № 1. С. 10–14.
- Рапопорт С.С. Интеллигенция и политика // Социологический журнал. 2006. № 3 / 4. С. 187–210.
- Устинович Е.С. Информационное взаимодействие государства и общества // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. 2007. № 1. С. 6–13.
- Фирсов Б.М. Интеллигенция и интеллектуалы в конце XX века // Звезда. 2001. № 8. С. 164–173.

- Фирсов Б.М. Интеллектуалы, власть и коммуникация // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 21–30.
- Флиер А.А. Культура как власть // Обсерватория культуры. 2006. № 1. С. 33–37.
- Amadae S.M. Rationalizing Capitalist Democracy: The Cold War Origins of Rational Choice Liberalism. Chicago: University of Chicago Press, 2003.
- Angrosino M.V. Naturalistic Observation. Walnut Creek, CA: Left Coast Press, 2007.
- Bell D. The End of Ideology in the West // The New York Intellectuals: Reader / Ed. by N. Jumanville. New York: Routledge, 2007. P. 195–204.
- Burawoy M. For Public Sociology // Public Sociology: Fifteen Eminent Sociologists Debate Politics and the Profession in the Twenty-first Century / Ed. by D. Clawson, R. Zussman, J. Misra, N. Gerstel, R. Stokes, D.L. Anderton, M. Burawoy. Berkeley: University of California Press, 2007. P. 23–64. [Первые опубликована: Burawoy M. For Public Sociology: 2004 Presidential Address // American Sociological Review. 2005. Vol. 70. P. 4–28].
- Draper T. Intellectuals in Politics // Public Intellectuals: An Endangered Species? / Ed. by A. Etzioni, A. Bowditch. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2006. P. 201–226.
- Dunham V. In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Action. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Etzioni A. Are Public Intellectuals an Endangered Species? // Public Intellectuals: An Endangered Species? / Ed. by A. Etzioni, A. Bowditch. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2006. P. 1–30.
- Heritage J. Conversation Analysis and Institutional Talk: Analyzing Data // Qualitative Research: Theory, Method and Practice / Ed. by D. Silverman. London: Sage, 1997. P. 161–182.
- Hobsbawn E. Democracy Can Be Bad for You // New Statesman. 2001. 5 March. P. 26.
- Holstein J.A., Gubrium J.F. Phenomenology, Ethnomethodology, and Interpretive Practice // Handbook of Qualitative Research / Ed. by N.K. Denzin, Y.S. Lincoln. London: Sage, 1994. P. 262–272.
- Hutchy I., Wooffitt R. Conversation Analysis: Principles, Practices and Applications. Cambridge: Polity Press, 2001.
- Olson M. [Rev.] Buchanan J.M., Tullock G. The Calculus of Consent. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962 // American Economic Review. 1962. Vol. 52. P. 1217–1218.
- Posner R.A. Public Intellectuals: A Study of Decline. 3rd printing. With a new preface and epilogue. Cambridge: Harvard University Press, 2004.
- Rawls A.W. Harold Garfinkel, Ethnomethodology and Workplace Studies // Organization Studies. 2008. Vol. 29. No. 5. P. 701–732.
- Rosenberg H. Twilight of the Intellectuals // The New York Intellectuals: Reader / Ed. by N. Jumanville. New York: Routledge, 2007. P. 185–194.
- Sacks H. Lectures on Conversation. Vol. 1 / Ed. by G. Jefferson. Oxford: Blackwell, 1992.
- Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. A Simplest Systematics for Organization of Turn-Taking for Conversation // Language. 1974. Vol. 50. P. 696–735.
- Schegloff E.A. Analyzing Single Episodes of Interaction: An Exercise in Conversation Analysis // Social Psychology Quarterly. 1987. Vol. 50. No. 2. P. 101–114.
- Schegloff E. Accounts of Conduct in Interaction: Interruption, Overlap, and Turn-Taking // Handbook of Sociological Theory / Ed. by J.U. Turner. New York: Kluwer Academic Publisher, 2002. P. 287–321.
- Selting M. The Construction of Units in Conversational Talk // Language in Society. 2000. Vol. 29. No. 4. P. 477–517.
- Sharrock W. Fundamentals of Ethnomethodology // Handbook of Social Theory / Ed. by G. Ritzer, B. Smart. London: Sage, 2001. P. 249–259.
- Silverman D. The Machinery of Interaction: Remaking Social Science // Sociological Review. 1993. Vol. 41. No. 4. P. 731–752. [Review of Sacks's «Lectures on Conversation»]
- Stake R.E. The Art of Case Study Research. London: Sage, 1995.

Александр Никулин

РЕЛИГИЯ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Представители интеллектуально-активной группы о религии

Среди 20 семинаров — круглых столов и 100 интервью нашего исследования обсуждение значения религиозных вопросов для интеллигенции и вообще российского общества заняло совсем немного места. Исключение тут, конечно, составляет лишь владимирский круглый стол, участниками которого были именно православные интеллектуалы, а также несколько персональных интервью со священниками из различных городов России. Обзор и интерпретацию непосредственно этих религиозных бесед см. во второй и третьей части нашего анализа.

На самых многочисленных, а также, как правило, самых многоговорливых московских круглых столах фактически о религии не упоминалось вообще. В большинстве остальных городов, где прошли семинары, также о религии или не говорили, или говорили немного. То же самое можно сказать и о персональных интервью, подавляющее большинство из них оказалось не затронуто какой-либо религиозной рефлексией. Если попытаться объяснить причины такого забывчиво-индифферентного отношения российских интеллигентов к значению религиозной жизни, то, пожалуй, на ум приходит единственное упоминание значения регионального православия и отношение к нему, прозвучавшее на екатеринбургском семинаре:

— У нас Верхотурье было северной столицей православия и где теперь это Верхотурье?

— При чем здесь Верхотурье?

— Ну как при чем, так все проходит. Мы ж тоже не вечны на земле, да.

— Когда пройдет, тогда будем об этом и говорить, пока еще не прошло.

— Прошло, прошло.

— По Екатеринбургу пока можно сказать, что здесь высокая концентрация творческих ресурсов.

Итак, про творческие (креативные), политические, академическо-университетские, массмедийные, виртуальные и прочие интеллектуальные ресурсы светские участники нашего исследования говорили несравненно больше, чем про ресурсы религиозно-духовной

жизни, порой подразумевая, что религия, конечно, играла большую роль в России, но все это в основном осталось в прошлом.

В тех же редких случаях, когда разговор все же заходил о значении религиозной жизни, то, как правило, он строился вокруг различных конфликтных ситуаций, в которые так или иначе была вовлечена и церковь.

Конфликты конфликтам рознь, упоминались тут и относительно локальные конфликты, например, связанные с полемикой о православии в Интернете, или по поводу передачи церкви ее храмов, находящихся со времен советских репрессий-реквизиций в светском пользовании, или полемики интеллектуальных группировок либеральных и религиозных на кафедрах и семинарах университетско-академической жизни.

Пожалуй, больше всего и серьезней всего говорили о значении религиозной жизни, правда в основном в социально-политическом аспекте, в двух городах нашего исследования — в Калининграде и Казани. В обоих городах в основе упоминаемых конфликтов лежали проблемы мультикультурализма, сосуществования различных национальных и религиозных культур на территории бывшей Восточной Пруссии и нынешнего Татарстана, которые, как отмечалось, в настоящее время идеологически пристально контролируются Москвой.

Вообще, тема тесного взаимодействия государства и Православной церкви в постсоветский период также иногда констатировалась без особых комментариев как факт современной социально-политической данности. Также иногда в дискуссиях на круглых столах проводились сравнения в сходствах и различиях в религиозной и светской идеологиях в советских и постсоветский периоды российской истории.

Более-менее развернутую и достаточно критическую рефлексию о значении православной религиозности в целом в современной России нам, пожалуй, удалось зафиксировать лишь на архангельском семинаре. В связи с этим приведем из него достаточно объемный отрывок:

— А вот как вы относитесь к тому, что сейчас в целом подменяется духовность исключительно религиозной духовностью? Когда часть интеллигенции, например, в нашем университете заявляет, что наше спасение только в этом, именно в православной религиозной духовности?

— Хороший вопрос, замечательный. Они иногда из этого стараются такую монополию идеологически православную создать.

— Ну, мне представляется, имеется такая историческая тенденция в жизни русского государства и церкви, тесно связанных меж собой, пути, как вы сказали, спасения, искать и предлагать исключительно в форме православной духовности. Со стороны государства эта тенденция все-таки сейчас носит по преимуществу рекомендательный характер.

—Но не только от государства, это также снизу от самой интеллигенции исходит.

—А если взять интеллигентов-деревенщиков—они же это, безусловно, поддерживают.

—Но это также и среди определенной части научной интеллигенции и творческой интеллигенции. Как с этим быть. Это есть и в нашем Поморском университете, где целые группы, коллективы настроены очень агрессивно православно.

—Ну, тогда, пожалуй, можно было бы поставить вопрос о давнишнем разделении нашей интеллигенции на славянофилов и западников, на прогрессистов и почвенников. И как себя меж этими направлениями интеллигенция определяет.

—Ну, так, может, не совсем получится определиться. Я, например, занимаюсь изучением русского фольклора, традиционной культуры русского Севера, в том числе, конечно, и религиозной. При этом я бы себя по Гаспарову определила как православно-неверующего. Занимаясь вопросами традиционной религиозной культуры, меня формально можно было бы отнести к славянофилам, той группе, что очень воцерковлены и полагают, что православие только и есть национальная идея. Многие мои коллеги мыслят именно так, как мыслят...

—А я можно про это расскажу анекдот из архангельской жизни. Одна из наших крутых областных начальниц (сейчас она уже перевелась на работу в Москву) приезжает на Пасху в Сийский монастырь. Ее встречает наш архиепископ Трифон и спрашивает участливо: «Матушка, как дела?» А она ему торжественно отвечает: «Слава богам! Слава богам!» (Смех за круглым столом.) Вот вам наше государственное православное воспитание. Я тоже крещеный и исторически я должен быть православным, но по всему моему воспитанию и жизненному опыту я атеист. Ведь художник, он же живет в противовес всему. Религия была заманчива и интересна до тех пор, пока не стала государственной религией. Всякая государственная религия, по крайней мере, левой интеллигенцией начинает отрицаться, потому что когда видишь крестящегося президента или премьер-министра, а вокруг них теток, которые орут «слава богам!», то от этого становится смешно, противно и из этого охота выйти, как из г...на, на которое наступил. Не стоит верить этому государственному религиозному экстазу. А так как государство через часть своей нефтяной трубы финансирует церковь, то ясно, что они все больше и больше связаны меж собой.

—Я думаю вопрос тут в чем. Вот мы были на родине, на Валдае, и там Иверский монастырь. Это на острове, но остров этот совсем рядом с берегом, там был понтонный мостик, а

съездил туда президент, так построили туда бетонный мост, и там такое строительство началось, все там отбивалось и гремело. Причем строили все это там молдаване. И где-то по осени, в ноябре, осталось там лишь главный храм расписать. И вот к этому можно по-разному относиться. Вот когда мы туда приехали, я же там вырос. Я же с детства помню этих валдайских рыбаков, их черные просмоленные лодки, запах озера, рыбы вокруг заброшенного монастыря. С одной стороны, все разрушенное в монастыре восстановили, но вот ты ходишь теперь и ощущаешь, что святость-то исчезла. Это теперь что-то туристическое. Поэтому, с одной стороны, никогда бы без приезда сюда президента не восстановился бы так быстро монастырь. С другой стороны... Ну, вот восстановили они монастырь и даже дорожки там по новым технологиям переложили, а рядом там было кладбище старинное, так там они до сих пор ничего не сделали, и в запустении плиты битые валяются, как в советские времена...

— Это у нас как Соловки, нарушили туризмом сакрализацию места.

— Вот там еще есть такое место, Мишенцы называется, там туда окунаются... Вот источник в Мишенцах очень стал популярным, и многие туда приезжают окунаться, и на джипах в том числе, а рядом стоит церковь, там никаких пожертвований, ничего, а почему? А потому, что местный священник — это интеллигент. Не ходит он по этим хозяевам джипов, иконы для его церкви пишет бесплатно один питерский художник. Дети у этого священника ездят в музыкальную школу в Бологое заниматься, а ведь это достаточно долгий путь. Вот он ведет свой образ жизни как интеллигентный сельский священник. И таким он запомнится всем окружающим. А смотреть неприятно, как приезжают туда эти крутые ребята — окунулись три раза, уехали. Вот этот священник, он не сможет воздействовать на этих ребят, но, по крайней мере, вот кусочек этой среды (своей родины) он сможет сохранить. И дети его будут культурными.

Православные об интеллигенции

Специальный семинар, посвященный проблемам православной интеллигенции, состоялся в древнем русском городе Владимире, собрав в свои ряды местных священников и светских православных интеллектуалов. Несмотря на кажущуюся религиозно-идеологическую однородность участников (все участники семинара являлись православными верующими), на семинаре возникли интересные дискуссии, в центре которых находилось обсуждение следующих тем: сущность

православной интеллигенции, значение религиозного просвещения, особенности религиозного диссидентства и профессионализма, соотношение интеллектуализма и антиинтеллектуализма в религиозной жизни, проблемы разрыва и преемственности поколений, социальные функции церкви.

На семинаре изначально были представлены два базовых определения православной интеллигенции, отчасти противоречащие друг другу.

В основе первого определения находится понимание православных интеллигентов как носителей норм православного воспитания, просвещения и образования:

Православная интеллигенция существует. Сюда я включаю тех верующих православных людей, независимо от сана, и священников, и мирян, которые занимаются именно интеллектуальным трудом в своей сфере, то есть преподаватели семинарий, духовных школ—вообще преподавательский контингент, так сказать, учителя верующие и вообще верующие, образованные люди, те, кто из интеллигенции ассоциирует себя с православной церковью, считает себя членами православной церкви.

Второе определение православной интеллигенции основывалось прежде всего на способности личностных духовных исканий, подкрепленных развитием углубленных знаний в области православия (в богословии и лингвистике, например). При этом в данном определении была прослежена некоторая духовная историко-поколенческая динамика развития православной интеллигенции последних десятилетий:

В шестидесятых и в семидесятых годах мыслящая и диссидентствующая молодежь, у которой советская власть была поперек горла, искала и находила альтернативную идеологию в православии, тогда многие интеллектуалы, которые не хотели участвовать в поддержании официального интеллектуального декора, пошли в православие. Они воцерковлялись, некоторые ездили в церковь в деревни, многие устраивались в епархиальное управление там, где их брали. В свое время я с одним своим знакомым, у нас тогда уже было высшее образование, и у него, и у меня, это был конец семидесятых и начало восьмидесятых годов, мы пытались устроиться сторожами в епархиальное управление. Мы все-таки считали, что церковь, пусть она это и не декларирует, она противостоит материалистическому учению, и там чистота идеи блюдетсЯ свято. Вот мы решили устроиться в епархиальное управление, нам было отвечено: «Нам больше сторожа с высшим образованием

не нужны». То есть к этому времени церковь уже обзелась диссидентствующей молодежью. И я думаю, что вот это была собственно интеллигенция... она шла преподавать именно те научные дисциплины, которые священники не преподавали. Это были языки, иностранные языки, древнееврейский, греческий язык и даже церковнославянский, потому что языки, преподавание языков—это сложная система. Этим, как правило, занимались миряне.

После того как церковь вторично была легализована (постсоветское время), интеллектуалы опять-таки попробовали найти с церковью общий язык, но я думаю, что этот процесс теперь закончен. Как сказал один из корреспондентов журнала «Континент», церковь занялась требоисполнительством и храмостроительством. То есть никаких по сути дела особых интеллектуальных проектов не реализуется, и я думаю, что в принципе и у интеллигенции, и, в общем, у представителей церкви будут какие-то свои пути, понимаете, что они рано или поздно разойдутся. Не столько потому, что интеллектуализм противопоказан церкви, а так сказать, церкви противопоказан плюрализм, какие-то разногласия, атмосфера религиозного поиска.

Центральное противоречие в сравнении двух вышеприведенных определений, пожалуй, заключается в отношении к интеллектуализму как таковому.

В первом определении интеллектуализм воспринимается прежде всего как совокупность нормативных умственных практик, полезных в православной жизни. Интеллектуализм как нечто большее, как особый свободный и личностный способ познания у сторонников первого определения находился в целом под глубоко критическим подозрением. Такой интеллектуализм, по мнению некоторых участников семинара, может способствовать греху гордыни, поверхностно-высокомерного отношению к основам религиозной жизни. Приведем ряд голосов, критиковавших на семинаре так понимаемый интеллектуализм:

А понимаете, а вот этот интеллигент, он, я считаю, так устроен, что вот истинной веры у него нет, как у всех, как у большинства, чтобы пойти и спокойно с легким сердцем исполнять обряды, как это делает там рабочий, крестьянин, чиновник или военный, он так не способен по своему устройству... В общем-то он и символ веры не выучил, но зато он в курсе всех вот этих тонкостей, что сказал один епископ, что там крестьянская вера мешает правам человека... Я сейчас просто пример конкретный приведу... Один мой коллега, уже, значит, ему за пятьдесят, он работает в сфере СМИ, естественно с высшим

образованием, у него педагогическое образование и так далее... И вот этот человек, ну настоящий интеллигент, он там из низов, учился, выучился, до сих пор всем интересуется, он гордится своим званием, он меня и спрашивает: вот я тут читал, значит, полемику Кураева с Кротовым в Интернете, мне там все понятно, а ты знаешь, вот ты мне не объяснишь, Сретение—это что такое? Когда зима с весной встречаются? Это очень показательный пример. Вот это есть, вот это интеллигент, которому все про полемику ясно, а про Сретение нет!

Вот еще пример другого критического выпада против интеллигентов-интеллектуалов:

Я думаю, основная масса интеллигенции, называемой православной, посиживая в стороне, рассуждает об очень интересных книгах и с большими изысками... Они (интеллигенты) пишут всякие исследования, и очень умные, и заумные, и всякие звания носят, а в общем-то не в церкви находятся и в общем-то, в принципе не православные, потому что сам дух, аскетика, духовный аскетизм в принципе ими не воспринимается, потому что ужимается плоть, так или иначе, в том или в ином порядке.

Несколько раз в подобного рода критических замечаниях было заявлено, что интеллектуализм в конечном счете противостоит самому институту церкви. За интеллигента-интеллектуала это противостояние было пересказано следующим образом:

У церкви есть голос духа святого, вот это им (интеллигентам) непонятно. Да какой голос? Голос—это я (интеллигент). Значит, Владыко такой же человек, ну у него свое мнение, у меня свое мнение, в общем-то мы, в принципе, равны. Мы можем ранжироваться по власти и административной, там все, я понимаю, что я должен ему подчиниться, потому что он начальник выше меня, я это понимаю, а вот понять, что ему (Владыке) может иногда прийти некая мысль такая, которую я в общем-то не знаю, может, мне она и не предназначена, что есть некое дыхание и голос в церкви, говорящий... Есть мистические моменты в церкви... Для интеллигенции это тяжело понять или вообще совершенно непонятно, или она считает, что это все такие пустые красивые слова.

В целом на примерах из Священного Писания также доказывалась второстепенность интеллектуализма в сравнении с первопричиной возникновения и развития христианской организации:

А призвал Он кого изначально? Ну, совсем не интеллектуалов, а рыбаков, необразованных людей. Ну, вскоре Павла призывает, человека образованного... там Варнава появляется, все же образование имел, там, допустим, философ придет и так далее... но, в общем, не на этом строится церковь и православие, и христианство не на интеллигенции строится.

Этой многоголосой критике интеллектуализма на семинаре противостоял находившийся в меньшинстве призыв не разделять ум и душу православных, обнаруживать в развитии интеллектуальных искажений не шаткость православия, а его опору, укрепляющуюся благодаря привлечению в церковь интеллектуализма различных общественных и поколенческих когорт, кроме вечно безумной церковной преданности старой гвардии бессмертных бабушек:

— Не знаю, как церковь, но в массе своей православное духовенство в России с подозрением относится к разного рода умникам, говоря о том, что нужно верить сердцем, что не нужно, так сказать, ломать голову и так далее... Кто сейчас пришел в церковь, какое сейчас духовенство, кто? Бывшие инженеры, бывшие военные, представители свободных профессий в массе своей... Церковь открыла широко ворота миру, и вот этот весь мир, еще советский мир хлынул теперь в церковь... И тогда ему (миру) будут говорить о вере сердцем, противопоставляя ту же самую душу, противопоставляя интеллекту, чего делать совершенно нельзя. И поэтому будут и требовать от прихожан послушания, исполнительности, чтобы не перечили. А интеллигенцию этим не привлечешь. То есть тут сотрудничества не получится. Я думаю, что в ближайшее время, до тех пор пока у нас не будет интеллектуальных и просвещенных батюшек, до тех пор пока церковь не поймет, что ей нужно привлечь интеллектуалов, этого не будет никогда. Потому что они (батюшки) думают, что они проживут, ну... на старушках, ничего, подрастут новые старушки, которые в храме...

— Как говорил митрополит Питирим: наши бабушки бессмертны!

Итак, дискуссия о значении интеллектуализма довольно часто связывалась с проблемой осмысления понятий поколений и профессионализма в православной среде.

О противоречивом значении преемственности и прерывистости в поколенческой интеллигентской религиозности свидетельствует следующее любопытное утверждение:

Мы знаем, кто такие были интеллигенты, это были люди типа Луначарского со всеми вытекающими последствиями. То есть люди, вышедшие из церкви и прекратившие с ней связь. Почему нынешняя наша интеллигенция так тяжело воцерковляется в массе? Именно потому, что они потомки людей, ушедших из церкви. Вся наша интеллигенция бывшая — это в большинстве своем внуки и правнуки духовенства русского. Не внуки дворян, не внуки купцов, а именно внуки духовенства, куда ни посмотри. И что самое интересное, что если во втором поколении дети духовенства, они еще верующие, хотя уже мало практикующие в большинстве своем, то в третьем поколении они уже не только не верующие, они уже и антицерковно настроены. Это тоже я могу много примеров привести из своего собственного опыта. И возвращаться как-то, видимо, обратно и психологически тяжело, и, может быть, даже наследственно это как-то тяжело.

Что касается значения профессионализма среди православной интеллигенции, то неоднократно на семинаре приводились конкретные примеры из филологии как интеллектуальной дисциплины, оставляющей открытые пространства для толкования значения профессионализма в религиозности:

Что касается моей сферы деятельности, филологии, то в последнее время появилось такое направление, как религиозная филология... И я хочу сказать, что здесь сложились как бы две крайние точки зрения, что филология может быть либо только религиозной, либо совершенно нерелигиозной. И я бы хотела напомнить слова протопресвитера Александра Шмемана, который говорит о том, что очень часто атеистически настроенные литературоведы обладают лучшей богословской интуицией, чем литературоведы, считающиеся православными.

От обсуждений проблем профессионализма один шаг до обсуждения значения вообще социальной, в том числе общественно активной жизни религиозной интеллигенции. Сам ведущий семинара несколько раз специально предлагал обсудить возможные аналогии в православии таких сюжетов и примеров как интеллектуальное направление в католицизме, занимающееся разработкой концепции общества социального благосостояния или успешная социальная активность англиканских священников еще XIX века в борьбе с пьянством рабочего класса в период индустриальной революции. Итак, на семинаре ставился вопрос о православной интеллигенции, занимающейся социально значимыми вопросами и пытающейся разрешить их в мирской жизни.

Но в ответах на такую постановку вопроса фактически среди всех участников семинара прозвучали умеренность, отстраненность, фактически означавшие неуверенность в оценках активной социальной деятельности как таковой с точки зрения церковной православной жизни:

По существу, конечно есть, и особенно на местах, люди, которые, являясь чадами церкви, как это называется, ведут активную общественную деятельность социальную и помогают бездомным и, соответственно, это самое, ну, социальной работой занимаются, и с детьми, и прочее и прочее. Но тут главное — не впасть в крайности. Церковь всегда помнит, что мимо везде пребывающего града, но грядущего взыскуем, церковь объединяет не только граждан и не столько граждан государства, как граждан небесного царствия, прежде всего. И каждый член церкви должен себя ощущать прежде всего гражданином царствия божия, а потом уже гражданином государства. И когда вот эта палка перегибается, нарушается вторая заповедь, и уже из социальной справедливости, из справедливости вообще творится определенный кумир, который ставится на место Христа.

В этой связи подчеркивалось, что лучше церкви сосредоточиться сперва на проповеди развития нравственно религиозных чувств, которые с советских времен находились в репрессивном запустении, а уж потом и позже обращаться к непосредственно социальной активности религиозной паствы:

— Церкви служению есть общее — это то, что Пушкин называл, помните, «чувства добрые я лирой пробуждал», понимаете? Вот пробуждение в народе этих чувств добрых, вот это нравственное воспитание народа, оно и есть главное служение православной интеллигенции, поскольку народ наш, он даже не в хлебе нуждается, не в хлебе, действительно, как по Писанию: и будет голод не хлеба, а голод Слова Божьего. Ведь действительно крещены, но не просвещены большинство нашего народа, и вот главная задача — это духовное просвещение для православной интеллигенции, иначе она будет просто интеллигенцией, которая делает комфорт в этом Вавилоне, у стен Вавилонской башни.

— Бытоулучшательство, как говорится, да.

— И все.

— У церкви есть самое главное служение, оно так и называется — литургия. Вот это и есть общественное служение церкви. И дело в том, что уже в Риме литургия была просто особая

форма налога на общественные нужды, просто человек, обеспеченный горожанин на это, может быть, отстегивался, давал деньги, а здесь, а христианская литургия— это опять всех собрать вместе. Вот оно. А для этого и есть, по сути дела, ведь церковь на этом держится, это общественное богослужение. А вот интеллигенция, она всегда говорит: а зачем мне общественное богослужение, я у себя дома спокойно помолюсь.

Итак, в заключение вновь обращаясь к обсуждению позиции интеллигенции в православии, приведем одно мнение, которое критерием православной интеллигентности считает прежде всего личностное отношение к тягостности жизненного пути и в связи с этим различает два типа так называемых русских православных интеллигентов:

Фуделевский¹ тип и розановский тип по отношению к православию как религии крестоношения. Вот без тяготы какой-то, которую Бог-промыслитель неким образом возлагает на человека по жизни, невозможно быть православным, то есть православие, оно ведь более или менее говорит о том, что хочет довести человека к жизни вечной.

Так вот христиане-интеллигенты фуделевского типа— это те, которые не чураются крестоносного пути, которые не только говорят о нем, но и идут по нему, вот почему и Сергей Иосифович Фудель трижды во всяких местах, так сказать, в заключении был, из ссылки так он и не смог вернуться в Москву, его так и не пустила уже советская власть позднего времени, в 1977 году он умер. Вот это люди, которые идут вот этим путем узким, через тесные врата в Царство Небесное. Они приносят на этот алтарь свою одаренность, свою образованность, свой уровень интеллектуальный, так сказать, и свое слово, все. А вот интеллигенты розановского толка, они, как Сергей Иосифович говорит, сидят у церковных стен и, покуривая, так сказать, очень красочно рассуждают об этом—о лишениях и тягостях, посматривая при этом со стороны. Я думаю, основная масса интеллигенции, называемой православной, именно относится к этому типу—посиживать в стороне.

Как видим, на семинаре было проявлено достаточно критичное, а временами дискуссионно-самокритичное мнение о православной интеллигенции. Также на семинаре были подтверждены в целом

¹ Речь идет о духовном писателе Сергее Иосифовиче Фуделе (1900–1977), который последние 15 лет своей жизни прожил в городе Покрове Владимирской области. Подробнее о С.И. Фуделе см.,

например: Чтения памяти С.И. Фуделя. Владимир: Издательский отдел Владимирской епархии. 2008.—Прим. ред.

сомнения православных интеллектуалов в ценности как интеллектуальной, так и социальной деятельности как таковых, не подчиненных церковно-христианской нравственности.

Образы православной интеллигенции

Интеллектуально-активная группа православной интеллигенции в нашем исследовании была невелика. Эта группа фактически составляла основу семинара, прошедшего во Владимире. Также в эту группу благодаря персональным интервью попало несколько православных священников и интеллектуалов из Владимира и Владимирской области, по одному из Калининграда и Казани. Анализ ряда биографических интервью привел нас к попытке реконструкции некоторых образов православной интеллигенции. Именно этим образом, сознавая всю степень условности подобного рода поименований, мы определили, прежде всего, по частым ключевым, как правило, профессиональным, характеристикам своей собственной деятельности, дававшимся нашими респондентами.

Так, православный литератор из Владимира, в интервью особо часто и последовательно размышлявший над особенностями российской современности с точки зрения российской истории, получил у нас обозначение *Летописец*.

Иконописец — имя художника, который через писание икон обратился в православие, стал православным батюшкой, продолжающим писать иконы и обучать иконописному ремеслу.

Устроитель — имя церковного деятеля, смысл своей деятельности нашедшего в обустройстве православных храмов и монастырей, особо размышляющего о социально-экономических особенностях православной жизни.

Подвижник — священник, который стремился и стремится свою жизнь и деятельность, а также жизнедеятельность окружающего мира оценивать, прежде всего, по единству слова и дела, идеала и реальности.

Богослов — священник, особое внимание в своем интервью уделявший уточнению и обсуждению культурно-религиозных понятий, читающий курсы религиозного культуроведения.

Миссионер — священник, который с юности стремился именно к миссионерской деятельности и в настоящее время считающий миссионерство важнейшим направлением развития православия в России.

Рассмотрев биографические и мировоззренческие особенности каждого из шести интервью, в заключение мы попытаемся сформулировать базисные личностные сходства и различия в вопросах понимания интеллигенции, православия, государства, общества в России, обнаруженные в данной интеллектуально-активной группе православной интеллигенции.

Летописец

Как и подобает настоящему летописцу, ему прежде всего присуща углубленная рефлексия в исторические особенности прошедшего и настоящего времени. Недаром его последняя книга стихов называется «Навыки прежней эпохи» (книга заслужила высокие отзывы ряда мастеров российской литературы).

О собственном религиозном становлении Летописец рассказывает так:

Я как-то почувствовал в двенадцать лет, что Бог есть, что вот это те идеи, которые обладают вдохновляющим воздействием, структурируют личность человека, а потом... я прочел Евангелие, где-то лет с пятнадцати я стал посещать церковь, я тогда не знал еще церковнославянского языка, который я позднее преподавал уже в семинарии,—ничего не понимал, ни одного слова из песнопений, ни одного слова из того, что в церкви читалось, но мне там было хорошо, и я себя считал христианином.

В юности он собирался быть священником, но, как он сам не без иронии замечает, внезапно его похитили музы, и в результате он стал поэтом, литератором. Тем не менее по окончании филологического факультета он преподавал старославянский язык в духовном училище, 11 лет проработал в канцелярии епархии, переводил древние тексты, на старославянском сочинял стихи, для иерархов церкви разрабатывал вопросы богословской проблематики.

Некоторое время назад он оставил работу в епархии, чтобы полностью посвятить себя поэзии и литературе. Поступив так, Летописец признает, что обрек себя на скудное материальное существование. По его мнению:

Жить на литературные заработки невозможно, и те, которые сейчас уходят со службы, чтобы заниматься литературой, у них не будет пенсии, они об этом знают, этим жертвуют. Сейчас наступило время аскетизма в литературе...

Для гражданской позиции Летописца прежде всего характерны толерантность и чувство собственного достоинства. Хотя он в первую очередь поэт, ему присуще собственное продуманное политико-экономическое мировоззрение. С глубокой симпатией Летописец отзывается о Горбачеве, полагая, что одна из причин поражения первого Президента СССР заключалась в предательстве со стороны интеллигенции, стремившейся в результате перестройки получить все сразу и быстрее, не желавшей поддерживать медленный и извилистый путь горбачевских реформ.

По мнению Летописца, позитивной стороной современного российского президента является знание английского языка, да и внешне он смотрится лучше по сравнению с Брежневым.

В целом социальную, экономическую, культурную ситуацию в современном российском обществе Летописец оценивает с большой тревогой. По его мнению, одной из центральных проблем общества является громадная социально-экономическая дифференциация:

Сейчас уровень самоубийств возрос от бедности. Даже ввели такой термин «психологическая бедность». Человек не нищенствует, не побирается, он бедный по сравнению с теми, кого видит в телесериалах или о ком читает в газетах...

А в исторической перспективе в России происходит медленное и драматическое становление общества:

Результаты таких катаклизмов... мы только сейчас обращаемся назад и оцениваем великие реформы Александра Второго, которые у нас толком и не описаны... Только сейчас начинаем обдумывать, что тогда затевалось и что хотели сделать. Хотели сделать общество. Царю надоело управлять безынициативными людьми. То же надоело и Горбачеву...

Летописец не ксенофоб, он уважительно отзывается в целом о зарубежье, более того, полагает, что в России до сих пор не оценена по достоинству гуманитарная помощь Запада в 1990-е годы.

Интересны его размышления о церкви и государстве в России, их взаимоотношениях меж собой в связи с проблемами светской и церковной власти, проблемами многоконфессиональности и мультикультурализма:

Церковь неоднородна. Например, мне очень приятно ездить на чтения в честь Александра Меня, они проводятся с 9 по 11 сентября, я езжу с церковными деятелями. Вот там собирается интеллигентная церковная публика, и там они говорят о таких вещах, которые на архиерейских соборах обсуждаться не будут никогда.

Но церковь так устроена, что, пока так называемое священноначалие это не услышит, не примет к сведению и не разошлет, как в армии, ничего выполняться не будет.

Церковь даже свои решения, принятые на соборе 1917–1918 годов, не выполняет. Там же написано, что богослужение ведется на приходе на русском языке, если приход проголосует за это. Этого же не делается. Молитвы, которые священник тайно читает в алтаре, можно читать вслух для того,

чтобы собравшиеся понимали смысл литургии, что это благодарственная молитва. Сейчас же священник в алтаре, прихожане в храме, они ничего не видят... а раньше эта молитва читалась вслух, и это можно делать, собор 1917 года это утвердил. Если сейчас это сделать, все воспримут это как новшество, опять закричат — обновленцы.

И другое возможно. Например, устав прихода был принят не такой, как сейчас. Например, приход — это самоуправляемая единица. Что у приходского собрания широкие полномочия. А где сейчас приходские собрания? Но тогда и люди были другие, более активные. За семьдесят лет мы чудовищно онечевались, стали инертными...

— А то, что сейчас церковь очень сближена с государством, это на благо церкви?

— Ой, нет. Боюсь, что нет. Дело в том, что православная церковь всегда шла рука об руку с государством, начиная с Византии. Для нас это традиция. Некоторые считают, что этим церковь себя дискредитирует, нет, она просто продолжает давние традиции, которые начались в четвертом веке. Тут даже осуждать не за что.

А вот то, что власть делает церковь частью своего официального политического декораума, это свидетельствует о слабости правительства. Правительство должно быть вне этого. У нас же гражданское общество. А они постоянно демонстрируют вот это «царь и патриарх»... А как же многоконфессиональное государство?..

Образовался некий идеологический вакуум... Те тезисы, которые озвучивают наши правительственные чиновники, о росте благосостояния и прочее, это же программа коммунистической партии, они же ничего нового не придумали. И как это было на уровне деклараций, так остается и сейчас.

А с церковью... идеологический вакуум образовался, они решили его заполнить традиционным верованием. А не заполняется. Получается период шатаний, неуверенности. Вот почему хватаются за церковь, потому что это традиционные ценности. А христианство уже давно превратилось в личную ценность каждого верующего...

Или государство должно было бы отказаться: патриарх отдельно, государство отдельно. И не стояли бы со свечками, и не присягали бы на Библии. А как же тогда Коран? А куда мы денем часть Библии, именуемую Торой? Сразу приходит на ум православный государь, а не гражданское правительство. Это проблема государства, а не церковная. Я так считаю.

Иконописец

Он окончил московскую школу, учился в театральной студии МХАТ на художника театра. По его мнению, есть сходство между театральными декорациями и декорированием церкви.

Но театр сам по себе его не привлекал. По окончании института он начал работать как художник-график в издательстве «Детская литература». И всю жизнь как художник интересовался иконами, увлекался технологией живописи, ее древними рецептами. Постепенно стали появляться верующие друзья, художники. Он считает, что именно иконы привели его в церковь:

Оказывается, надо было понимать, что ты делаешь. Меня сначала внешние качества иконы интересовали, а потом пришло понимание, что это предмет для молитвы. Значит, надо было знать, что такое молитва...

Хотя он крестился в 16 лет, но по-настоящему верующим себя он тогда себя все-таки не ощущал, просто покрестился потому, что:

Ну, вроде все должны быть крещеными, интеллигенция. Но это не значило, что надо было быть в церкви с этими бабушками...

Но примерно к 24 годам он считает, что с церковью и верой определился вполне серьезно. Именно к этому времени он постоянно стал работать в церкви, тогда он попал в бригаду из двух десятков художников, расписывавших Даниловский монастырь. Тогда же стал работать по заказам, по церквям.

Он стал священником в 1986 году. Четырнадцать лет был священником псковского храма постройки XII века, и сам полностью расписал его.

В событиях вокруг этого храма лично убедился, насколько не просто между собой договариваться по поводу храма интеллигенции и власти, даже власти церковной:

Я еще попал в этот приход, в начале перестройки было модно, чтобы интеллигенция брала какой-то храм и создавала такой интеллигентский приход. Собирались музейщики, решили, давайте найдем батюшку... интеллигенция вообще любит так... кучковаться. Но не получилось интеллигентского прихода. Хотя были какие-то писатели, как-то группировались. А владыка (епископ) — шофер. И никак он не мог с интеллигенцией найти общего языка — а я между ними. Хотя я понял, что идея интеллигентского прихода не верна. Церковь тем и хороша, что в нее приходит любой, здесь

и академик, и бабулька встречаются — есть поле, на котором они оба могут существовать.

В конце концов Иконописец вместе с семьей перебрался из псковского храма в суздальский, и им здесь нравится. Хотя в здешней жизни есть свои трудности. Здесь мало народа — на двадцать действующих храмов — одиннадцать тысяч населения. Храмов много, прихожан мало. Местная интеллигенция специфическая:

Интеллигенция тут не ломится в церковь, а заходит. Вот мой прихожанин, учитель физкультуры, Андрюха... по здешним меркам, Суздаль это же деревня, а он интеллигенция, он же учитель, ездил во Владимир экзамены сдавал. При этом еще шофером подрабатывает, потому что на учительскую зарплату не проживешь. Верующий парень, это его выбор, ни мать, ни отец не верующие, жена в церковь не ходит. Причем толковый такой, веселый, цроничный. Не скажешь, что он книжки с утра до вечера читает. На самом деле он интеллигентный человек.

На мировоззрение Иконописца определенное влияние оказывают его регулярные посещения Италии, где он ежегодно уже в течение 18 лет проводит двухнедельные курсы живописи в одном из старинных бенедиктинских монастырей под Падуей. Свою итальянскую аудиторию он описывает так:

Приезжают учиться со всей Италии, ежегодно бывало от девяти... до двадцати четырех человек... Мы в течение двух недель занимаемся. Несколько студентов есть, которые со мной с первого года, я до сих пор не могу понять, для чего им это надо... Я им пишу иконы, они пишут сами, потом я им объясняю символику, провожу богословские лекции, что такое свет, что такое пространство в византийском понимании... Там свободное общение. Не представляю, чтобы у нас такое возможно было организовать... Там из всей Италии съезжаются, какие-то художники, священники, монахи. Но у нас понятие «интеллигенция» существует. Там такого нет. Те ребята, с которым я там общаюсь, интеллектуалы, специалисты в своей области... широкого образования у них нет, он что-то знает, рядом не знает ничего. Культуры задушевного интимного общения у них тоже особо нет, как мне кажется.

На вопросы взаимоотношения Церкви и власти Иконописец смотрит весьма скептически и критически:

Я просто держусь от власти подальше, это старая интеллигентская привычка. К нам власти заглядывают, это такое жлобье... Здесь дикие деньги на туризме зарабатывают, при этом церкви стоят никакие, по дорогам не проехать, только расцветающие гостиницы...

NN² был здесь на Рождество в церкви. Как мне сказал священник этой церкви, ничего в жизни этой церкви не изменилось. NN простоял до «Отче наш», не причастился, ушел... Это было так... Заранее приехали, проработали сценарий, священнику сказали с NN не говорить, сказали, что надо делать. Служба была очень недоходная, дело в том, что это бедная несчастная церковь, в которой был NN, и если ты всерьез верующий человек... и ни рубля не прибавилось от их визита... Действительно ли это порядочные люди, я не берусь судить.

Иконописец очень переживает за уровень современной иконописи в России, по его словам:

Те иконы, что я вижу в храмах... хоть святых выноси. Насколько это все непрофессионально, каждый, кто раньше Брежнева рисовал, теперь... (Вздыхает сокрушенно.)

Свой опыт иконописного мастерства, а также свои итальянские лекции по иконописи он обобщил в недавно написанной книге как практическом учебном пособии. Издавать ее пока не торопится, намеревается книгу еще доработать. Некоторые главы книги были опубликованы в нескольких номерах одного из православных петербургских журналов.

Устроитель

В старших классах школы города Петушки Владимирской области он увлекался обществоведением, историей XX века. Так как в советской школе преподавали только марксистский подход, то ничего удивительного в том не было, что по окончании школы устроитель собирался поступать в Московский университет на исторический факультет со специализацией по истории КПСС. Ему очень нравилась история партии, к своим 18 годам он собрал обширную марксистскую библиотеку.

Сразу после провинциальной школы поступить на истфак МГУ ему казалось малореальным, поэтому для получения стажа и характеристик, дававших льготы при поступлении в советский университет, он сначала отслужил два года в армии, потом пошел работать на завод. Но армейский и заводской опыт убедили его, что марксистские

² Упомянут крупнейший российский чиновник.

теоретические схемы не работают в практиках советской жизни. А тут еще и перестройка началась. В 1988 году он прочел в журнале «Октябрь» публикацию «Житие Войно-Ясенецкого». Из прочтения биографии хирурга-архиепископа он сделал вывод, что возможно органично, без противоречий быть и ученым, и верующим. Самого-то Устроителя крестили благодаря бабушке еще в 4 года, и с детства у него были интерес и благоговение перед церковью, подкрепляемые в его воспоминаниях мистическими событиями и озарениями.

Вспоминая свое последовательное обращение к церкви в юношеском возрасте, Устроитель рассказывает:

Сначала я ходил только на обедню, потом и на всенощную. Потом и на субботнюю службу, и постепенно втянулся. А ведь это был девяностый год, молодой человек двадцати двух лет, интеллигентный, это было редкость в церкви. И на меня положили глаз, староста церковная, Быкова, царствие небесное. Из крепкой верующей мордовской семьи, всю жизнь она проработала в торговле, а на старости лет пригласили ее в храм. И вера у них была крепкая, практическая. И вот я стою, молюсь, она подходит и говорит: молодой человек, мы собираемся в Дивеево ехать, тогда только-только отдали храм... А мне куда угодно, мне так хотелось попасть в эту общность, что я бы с ними и на край света поехал. Давайте паспорт, двадцать пять рублей, а большие деньги были, занял, отдал, и поехали. И дали мне в нагрузку тетю Нюру Ремизову, старуху мордовку. Тяжелейшую жизнь прожила, под чужим именем жила, сбежав из кулацкого поселения, и дети у ней умерли, но такая любовь исходила от этих старух...

И все далее с непременными экономическими подробностями Устроитель рассказывает свое обращение к церкви:

Отец Андрей говорит, хотите, возьмем вас на работу в храм алтарником... запишем истопником, будете петь на клиросе, алтарничать. Рублей сто пятьдесят будем платить. Как на заводе выходило. Так что я в материальном плане даже не потерял, а в духовном много больше приобрел. И я за три дня уволился. Директор мне говорит: а ты куда? Я говорю: в церковь ухожу. Я надеюсь, говорит, ты еще вернешься, доживу. Не доживешь, думаю. Началась моя церковная жизнь.

И эта жизнь Устроителя началась не без проблем. В перспективе из него готовили батюшку, да он и сам готовился к этому. Но батюшки должны быть женатыми. А как себя характеризовал Устроитель: «Я смолоду человек несемейный». В церковных кругах ему подыскивали

невест, а у него сердце к ним не лежало. В таком случае ему предлагали идти в монахи. И он готов был стать на путь монашества, но он жил со старенькой бабушкой, которая воспитывала его с детства. Он не мог ее бросить монашества ради.

Над судьбой Устроителя размышляли и в архиерейских кругах, его возили к старцу. Старец сказал, что Устроителю не надо жениться, ему предстоит служить Богу.

По словам Устроителя, он пробивался в монашество, не отрекаясь от бабушки, через такие диалоги:

Владыка не рукополагает, он строго к этому.

— Хочешь в монахи — пожалуйста в монастырь.

— Куда я в монастырь, у меня бабушка старая, она меня с четырех лет воспитывала. Мама нас с сестрой бросила, меня бабушка воспитывала, сестру — тетка. Мое социальное происхождение темно и пусто. Куда бабушку девать?

— А ты не веришь в Бога, Бог бабушку не оставит.

— Бог-то Бог, но что люди скажут?

— Ну, если так, то женись!

— Нет!

Так мы с архиереем препирались.

Вновь собирались и совещались. Поехали за решением и благословением к отцу Кириллу в Лавру. Отец Кирилл вынес Устроителю вердикт:

Бог тебя благословит, будешь монахом, будешь с бабушкой жить...

Так Устроитель вернулся в Петушки, откуда подали очередное прошение, его владыка наконец подписал, в виде исключения.

Устроитель принял постриг в Боголюбском монастыре, его рукоположили в дьяконы, потом в пресвитеры, отправили на два года в Петушки служить священником, потом Боголюбов, потом монастырь Козьмы Яхромского. По словам Устроителя, это были самые тяжелые годы:

Когда бабки пенсии не получали, на свечку у них денег не было, да Бог с вами, говорю, бери свечки так. Огурчики приносили нам с огорода, тем братия и питалась. Ну, пережили четыре зимы.

Потом благословили Устроителя строить храм Афанасия Ковровского в Петушках. Храм деревянный, с гимназией. Пять лет он был там настоятелем. Затем в Юрьеве-Польском он стал настоятелем Архангельского монастыря. Три года был в сане преосвященного, на последнем Синоде был утвержден. В Юрьеве-Польском Устроителю очень нравится. И здесь он собрал прекрасную (но уже не марксистскую)

библиотеку. Он очень доволен окружающим его интеллигентным религиозным обществом, в которое, по его мнению, могут входить разные люди. Кроме ортодоксальных православных Устроитель водит дружбу и с митрополитом-старообрядцем, и с директором церкви-музея, как говорится, лишь бы люди были хорошие.

Несмотря на такое миролюбиво-благодарное отношение к социально-интеллектуальной повседневности, Устроитель имеет собственные оригинальные четкие и резкие политические воззрения, которые он изложил следующим образом:

По крайней мере, я не либерал, я так скажу... Поскольку я понимаю, что такое марксизм, я не могу принять либерализм ни в коей мере. Либерализм в наших условиях—это наследие троцкизма по большому счету. Все либеральные нынешние политики были леваками в 1968 году, троцкистами. У троцкистов была замечательная идея—вырастить своих функционеров внутри буржуазных партий. Они специально засылали туда таких, как Йошка Фишер, и тому подобное. Если разобраться, нынешний либерализм—это марксизм...

Монархизм тоже, не люблю этих крайностей... Я понимаю, что, дай им сейчас волю, они нас загонят в такое гетто под видом православия... нельзя этого допустить. Для них церковь—инструмент политики. Для наших националистов Россия превыше всего, а православие—это такая подставка под Россию. Есть она—хорошо, нет—они другое что-нибудь найдут...

Вместе с тем, характеризуя культурно-политические особенности России, Устроитель стихийным образом развивал некую национальную идею вольнолюбивого государственничества:

Мы точно не Запад, на мой взгляд. Мы точно наследники Византии, от этого никуда не деться. Но это не значит, что нам чужда свобода. У нас, конечно, вольности больше, чем свободы. И в наши самые несвободные времена вольности у нас было больше, чем свободы на Западе. Как говорится, в русской бане демократии больше, чем в английском парламенте.

У нас чувства всегда превалируют над догмами. Справедливость у нас выше закона, поскольку каждый понимает ее по-своему, беззаконие творится... Почему я поддерживаю Путина? Вот поэтому тоже кисель, оставшийся после Ельцина, надо было подморозить, иначе нас бы уже ложками расхлебали...

Устроитель охарактеризовал и определенные недостатки в культурно-ценностной структуре России, а также выдал рецепт, как их преодолевать:

Леность и безалаберность. Пушкин прав — мы ленивы и не-любопытны, так оно и осталось. Я сам ленив, но, по крайней мере, любопытен иногда...

Строим храмы, восстанавливаем... И я вижу, не хватает нашему менеджменту, который даже себя православным ощущает, пунктуальности западной, что нужно по плану определенному работать, не бросаться из стороны в сторону. И точно, на десять русских надо немца с палкой поставить, но немца православного.

Оценивая текущее религиозное положение в России и мире, взаимоотношения между различными конфессиями, Устроитель сформулировал следующий ряд критических утверждений:

Мы живем сейчас как во времена князя Владимира, мы заново переживаем крещение Руси. Расцерковление произошло глубочайшее, как только коммунистические догмы пали, в наши пустые головы полилась такая оккультная дрянь... этих пятидесятников даже на Западе христианами не считают. Неужели с иеговистами нельзя посерьезнее бороться?.. Да, все конфессии равны, но не надо забывать, что мы Россия, и у нас свои корни есть.

Посмотрите, что во Франции творится, которая забыла, что она католическая страна, а в Германии? Если бы люди помнили, и дорожили своими корнями, и сохраняли... ведь они даже не внесли в преамбулу Евроконституции тезис, что Европа — христианская... Ведь Европа не только католическая, весь Север Европы не католический. Конечно, они Папы боятся, он имеет большую моральную власть... Даже если Папа будет иметь большую власть в Европе, что здесь плохого? Он же не учит убивать и прелюбодействовать... То, что мы говорим, что наше православие единственно правильное, — так все религии об этом говорят. И ислам, а уж про буддизм и говорить нечего. Почему тогда то, что можно одним, христианам нельзя? Почему, когда мусульмане говорят о своем возрождении, это хорошо, а когда русские, и не только русские христиане — так это фашизм. Это мне не нравится.

На вопрос, какая все же нужна России интеллигенция, Устроитель вновь подчеркнул первостепенное значение государственничества:

Хотелось бы, чтобы у нас родилась интеллигенция, знающая то, что прежде всего государство есть ось, вокруг которой строится нация. У нас на Руси по-другому не получится. Только при крепком государстве российский этнос

будет существовать. Сказать только русский, значит обидеть остальных. Полиэтническое государство может быть только сильным, крепким, централизованным. Иначе не может быть.

Подвижник

Священник из Петушков, у которого и дед, и отец также были священниками в советское время и претерпели всяческие репрессии от советской власти. Биографические воспоминания Подвижника об испытаниях, выпавших при Советах на долю его родителей и прародителей во времена рассказывания и Отечественной войны, а также его собственные мытарства в хрущевско-брежневский период могли бы стать хорошим источником для морализаторско-приключенческого романа подобного «Хижине дяди Тома» или «Оводу», где вместо американского раба или итальянского революционера борется за свою идентичность русский священник.

Критерий личной нравственной нестигаемости, пожалуй, является центральным в мировоззрении Подвижника. Хотя сам он упоминает, что в жизни приходилось идти на компромиссы, но делалось это прежде всего во имя сохранения жизни и душ как отдельных православных, так и всей церковной организации. Вот типичный пример из его рассказа об общении с представителями госбезопасности:

Во времена хрущевских гонений я старался защитить православное мнение, единственной трибуной был гроб покойника, хоронят сродничка — коммуняка приходит с мамой в церковь, чтобы отпели... старался им говорить доказательно, смотрю, лица меняются... они взялись за меня, дескать, я крестил и венчал, и так далее. Бумаги всякие писали в районное КГБ. Подсылали даже специально крестить, венчать, а потом вызывали. И допытывались, крестил таких-то? Венчал? И говорят: «Батюшка, а врать-то грешно!»

А я им в ответ такую притчу — вот бежит человек, спрятался, а за ним другой с дубиной гонится. И он меня спрашивает, не пробежал ли такой-то? Если я скажу, где он, он же его просто убьет. Я говорю: пробежал, вон в ту сторону. Вы за церковь гонитесь с дубиной, а я смотрю на это... Так что не крестил, не венчал, и, пока вы меня за руку не поймаете, не задавайте мне таких вопросов.

Как часто бывает, этически мужественный и принципиальный человек оказывается эстетически весьма романтичен и сентиментален — таковым в своих воззрениях на искусство явился и Подвижник:

Жюль Верна я читал, конечно, Дюма всего перечитал, Конан Дойла, и «Остров сокровищ»,—меня это интересовало, и сейчас еще не потерял к этому интерес. Из фильмов «Землю Санникова» иногда посмотрю... хотя это фантазия, а все-таки... и еще кино об Ихтиандре, «Гиперболоид Гарина»... Из серии вестернов, гдровская «Дефа» снимала, такие приключенческо-героические фильмы. Там за этим всегда должна стоять какая-то идея реальности, и героическая струя, которая говорит о крепости человеческой личности, мужества, это должно раздвигать горизонты, то есть я получаю некий прирост, я смотрю, как духовно человек растет... у души есть запас прочности и негативом ее нагружать не надо. Негативные образы обернутся против тебя, в конечном счете.

И другая сторона, литература, через чье слово слышишь аромат, воспринимаешь краски... Это все, что связано с человеком в природе, включая животный мир. Рассказы Сетон-Томпсона я прочитал один раз и до сих пор не отважусь перечитать еще раз, настолько я переживал.

Шмелев мне нравится. Не потому, что он только православный... от него благоухание идет, от этого быта. Не знаю, как он так сумел...

Я любитель сказок. За сказками, если они нормальные, есть какая-то реальность... Вот сказки Андерсена. Предметы там одушевленные и все в мире живое... Я как бы возвращаюсь в юность, прошел большой путь, сколько философов перечитал и возвращаюсь к этой детской простоте.

Переходя к оценке современной постсоветской религиозной действительности, Подвижник выразил серьезную обеспокоенность противоположным советским репрессиям нынешнему почтительно привилегированному положению православной церкви. По его мнению, это приводит к привлечению в церковь всякой «шушеры», которая при возможном наступлении новых испытаний побежит от церкви в разные стороны. Ведь еще в советское время Подвижник втолковывал гэбэшникам, как надо было бы бороться с Церковью:

Я вам посоветую так—сделайте попам распределители, как работникам обкомов. Дайте им жизнь более комфортную. Чтобы они выделялись среди народа обеспеченностью. И они не нужны будут людям... В наше время видим нечто подобное.

Критерий суровых испытаний является, пожалуй, главным для Подвижника в постижении истинных путей к Богу:

Если общество поставить в серьезные условия, то есть в условия опасности, войны, например, то всегда самым влиятельным голосом будет голос религиозный. Когда приближаешься к барьеру «жить—умереть», «выжить—не выжить», как тревога—то до Бога. Как сказал мне один парень, герой России: батюшка, на войне неверующих нет...

Церковь бывает здорова, как организм, только в условиях притеснения какого-то, тогда дерьмо не плывет вверх. Я же вижу, какая шушера вокруг... мы, отец, дед Евлогий—пошли на риск. У деда был прямой риск для жизни, у отца тоже, я это захватил. А теперь кто идет? Завтра будут испытания—половина их разбежится, как тараканы.

По мнению Подвижника, сейчас и в России, и во всем мире довольно смутное время. Как и вся церковь, Подвижник не может принять либеральную идеологию, для которой достаточно принципа своей свободой не попирает свободу другого и при этом вообще не нуждается в понятии греха. Для Церкви и для России очень важен авторитетный голос, но именно такого голоса Подвижник не слышит:

Такого авторитетного голоса нет, и в этом определенная трагедия. При авторитетном голосе создается упорядоченная структура, хороша она или худа. А сейчас все плывет.

Переходя к оценкам особенностей российской культуры, Подвижник в подкрепление своих соображений сослался как на идеи евразийства, так и в шутку процитировал Ленина:

Я считаю уникальность российской культуры, это ее евразийский вариант, принадлежность Востоку и Западу. Христианская Россия оказалась на стыке культур. Тут и восточная волна, монгольская. Не чисто только в географическом плане, евроазиатское положение создало определенную уникальность...

Я считаю, замечательно Ленин сказал: «Культура должна быть национальной по форме и социалистической (христианской) по содержанию». Это основной принцип христианского бытия, и Владимир Ильич это замечательно к себе приставил...

Что касается проблем российской интеллигенции, то, по мнению Подвижника, дело здесь обстоит следующим образом:

Беда интеллигенции в том, что в ней очень много серости. А философы, богословы крупные, они всегда в чем-то еретики, и они обречены ими быть, потому что интеллигенция часто не понимает, что интеллектуальный инструмент, которым

она обладает, поврежден. Что это не идеальный инструмент. Наше состояние — не лучшее состояние, у нас раздвоились мысли... Интеллектуальным местом не все возьмешь, и вот это тоже проблема.

Богослов

Этот калининградский священник в интервью пристальное внимание уделял многократному уточнению понятий, что есть интеллигенция, христианство, культура и так далее. Оказалось, что он сам преподает в нескольких учебных заведениях религиоведение и культурологию. По образованию он музыкант, специализация — хоровое пение. Сперва он руководил просто хором, потом церковным хором. Через церковное хоровое пение пришел к православию, стал православным священником. Но даже не музыка сама по себе, а прежде всего поиски смысла жизни привели его через ознакомление с разными формами восточного и западного религиозного опыта в конце концов к православию.

Кроме подробных и частых обсуждений различных понятий, в этом интервью было несколько моментов, где Богослов озвучивал собственную точку зрения без особых уточнений.

Один из вопросов был связан с проблемой позиции российского общества и позиции РПЦ в вопросах медицинской этики эвтаназии, абортов и клонирования.

По мнению Богослова:

Сама дискуссия идет и в российском обществе... Но то, что не такое легкое у нас отношение к этим вопросам, это не заслуга РПЦ, это заслуга менталитета российского, в этой ситуации есть плюсы и минусы, он менее европеизирован, что предполагает меньшую самостоятельность, меньшую автономность каждой человеческой единицы. Но, на мой взгляд, как православного священника, он в меньшей степени заражен этой псевдосвободой, которая существует на Западе, и мне кажется, что в этой нашей непохожести на Европу, которую многие интеллигалы называют отсталостью, есть как плюсы, так и минусы... И мне кажется, что причина, что в российском обществе более нетерпимое отношение к таким вещам, как аборты, эвтаназия, не потому, что РПЦ имеет достаточно жесткую позицию по этому вопросу, хотя это действительно так, а именно потому, что мы, слава Богу, еще в меньшей степени разрушены, чем европейское общество. То есть какие-то вещи, которые в принципе противоестественны человеческой природе, давно уже стали на Западе практически нормой, к ним уже все привыкли. Мы еще нет, и слава Богу. Хотя некоторые пытаются нас к этому приучить настойчиво.

Конечно же в интервью возник и вопрос о проблемах педагогической деятельности Богослова. Характеризуя собственную преподавательскую деятельность, Богослов пояснил:

Я не могу сказать, что мой курс носит научное значение. Я пытаюсь ликвидировать пробелы, занимаясь ликбезом, которые являются следствием семидесятилетней погруженности страны и общества в полнейший атеизм. Потому что во многих учебных заведениях на Западе существовали и существуют богословские факультеты...

На замечание социолога, что российская образовательная традиция не предусматривает наличия богословских факультетов, Богослов ответил, что это не так уж и важно, а проблема в том, что:

Семьдесят лет насаждалось в обществе отношение ко всему тому, что связано с религией, как к какому-то полному антиподу, полной противоположности знанию, вообще процессу познания. Противопоставлялись такие понятия, как научное познание и религиозная вера.

Когда социолог заметил, что это не только коммунистическое, но, в сущности, кантовское противопоставление, Богослову пришлось особо пояснять свое отношение к Канту (без выяснения отношения к Канту никак нельзя обойтись в российско-православном Калининграде-Кенигсберге):

Я бы не стал так однозначно говорить, потому что из всех нерелигиозных философов Кант наиболее близок религиозному мировоззрению. Он вплотную подошел.

— Кант был верующим человеком.

— Его так нельзя назвать...

— Другое дело, что он был еще и ученым.

— Мне кажется, все же нельзя так сказать. Я думаю, что верующий человек отдает себе отчет в том, что Бог — это личность. Не некий закон, который у меня в душе, а личность, которая имеет непосредственное отношение к факту нашего существования. Это главное. Если этот Рубикон перейдешь, то тебя можно назвать верующим человеком. Канта нельзя в полной мере назвать верующим человеком, хотя он очень близок к этому. Мне кажется, что он из философии максимум выжал в направлении именно вот познания трансцендентного.

Миссионер

Он родом из православной интеллигентной семьи. Как говорит о себе: «Я не приходил в православие, я в нем родился». Тем не менее так как его детство и молодость пришлось на богоборческие сталинско-хрущевские времена, то ему приходилось маскировать свое православную сущность. После школы он мечтал пойти в семинарию, а пошел в Казанский авиационный институт. Причины того выбора он объясняет следующим образом:

Мне очень хотелось пойти в семинарию. Но я решил, что вне сана, что ли, на другом месте, даже преподавателям работая, я православие принесу больше пользы, чем профессиональный священник. Потому что профессиональный священник в те времена был упакован в церковь и ни шагу из церкви сделать не мог. И конечно, никакого, так сказать, влияния на окружающих он фактически не имел. Он общался только с прихожанами, прихожанами были в основном старушки, которых уже и убеждать-то не нужно было. Так что священники в те времена, ну как сказать, осуществлять, что ли, свой миссионерский долг просто не имели возможности. Вот и поэтому я не пошел в семинарию.

По окончании института Миссионер действительно выбрал преподавательскую стезю. Он занимался исследовательской и преподавательской работой в нескольких вузах и везде, насколько тогда это было возможно, пытался своим студентам давать представление о значении религиозного мирозерцания. Порой ему приходилось виртуозно преподавать от обратного:

Я работал некоторое время в танковом училище — заведовал кафедрой общенаучных дисциплин. Ну вот, и на кафедре нам просто предписывалось вести антирелигиозную пропаганду. И во всех методических разработках у военных обязательно имела рубрика: идеологическое воспитание и антирелигиозное воспитание. Вот и приходилось писать в методичке всякую антирелигиозную галиматью, но я, конечно, никогда эту галиматью не доносил до студентов, до курсантов. Наоборот, пытался как-то внушить косвенно, доказать, что православие это в общем-то не предрассудок, что это часть нашей культуры и мировоззрения, которое в общем-то заслуживает уважительного отношения. ...Я косвенно влиял примерами верующих ученых. Если я пока не мог явно пропагандировать православие, то, во всяком случае, я защищал, оградил своих воспитанников от огульного атеизма.

С развалом СССР Миссионер открыто объявил себя православным, активно устремился к организационно-проповеднической деятельности. В 1992 году, когда в Дивеево переносили мощи Серафима Саровского, миссионер отправился туда, познакомился с представителями нескольких московских и российских православных братств и вернулся в Казань с идеей также создания и казанского православного братства. Он поставил в известность архиерея, тот его благословил. И Миссионер действительно такое братство в Казани создал.

Сначала он был гражданским председателем этого братства, публиковал статьи в газетах по текущим событиям православной жизни, потом втянулся в хлопоты по возвращении храмов православной церкви. По словам Миссионера:

За каждый храм приходилось бороться лет по пять... и мы боролись, чтобы вернуть один, другой храм.

В результате православных епархиальных дел становилось все больше, оставив свою светскую карьеру, Миссионер сначала перешел на работу в епархию, а вскоре архиерей благословил его на священство.

С чувством глубокого удовлетворения Миссионер заключил:

Меня поставили настоятелем храма, вот таким образом я пришел в церковь, когда появилась возможность сказать что-то вслух. Когда появилась аудитория, на которую можно было говорить.

В своей миссионерской деятельности последнего десятилетия он отметил несколько принципиальных направлений, которым уделял особое внимание.

Важнейшее направление — борьба за единство и целостность государства российского. В 1990-е годы в Татарстане существовало тревожное напряжение по поводу административных, экономических, культурных взаимоотношений между Республикой Татарстан и Российской Федерацией. По мнению Миссионера, слава Богу, возможный конфликт удалось предотвратить. Но уже в те времена Миссионер повел борьбу с отменой празднования 12 июня как Дня независимости России, обращая устно и письменно в верхи российской власти с указанием на бессмысленность празднования даты принятия декларации независимости Российской Федерации от СССР. Свои действия он пояснил следующим образом:

По моим понятиям, СССР как раз и есть многовековая Россия, только с другим названием. Изменился социально-политический строй, изменилось и название. То, что было Россией, стало называться СССР. Значит, СССР — это красная

Россия. Красная, но тем не менее Россия. И произошло выделение части России из общей Российской империи. Ну, и по-моему, это трагедия—разделение. И в СССР Российская Федерация была главнейшей, существеннейшей частью. Так от кого отделилась Россия? От самой себя—большой России?..

А Церковь в общем-то держится на идее объединения, интеграции. Значит, вот положительное движение—это объединение, а разделение—это разрушение. Объединение, единство, собирание, собирание земли, собирание народа—это положительное направление. И православие благословляет вот это положительное направление. Разрушение, разъединение—это нехорошо, это грех.

Эту идею Миссионер как православный интеллигент всячески стремится донести в своих проповедях и поступках. Вообще, по мнению Миссионера, *интеллигент—это тот, кто самостоятельно думает, кто не ходит в общем стаде*, но таких всегда меньшинство, а для тех, кто не может или не хочет самостоятельно думать, надо выставлять православные маяки:

Большинство-то людей у нас все-таки не самостоятельно выбирает, что ли, пути. Все-таки они идут стадом... на это стадо надо как-то влиять... чтобы показать все-таки людям, что есть какие-то маяки... маяки все-таки церковь должна выставлять.

Важнейший маяк в современной России, который совместно должны были бы выставлять, по мнению Миссионера, православие и государство,—повышение русского самосознания (обретение идентичности), которое среди русских и православных в силу их численности и титульности было исторически слабо развито в сравнении с самосознанием других народов и конфессий России:

Бросается в глаза, что самосознание русских гораздо ниже самосознания татар. Это я замечал еще и при Советской власти. Татарин всегда, во всяком случае в большинстве случаев, сознавал себя татарин, традиции соблюдал поприлежнее. Многие русские даже вообще не понимали, что это для них—быть русским. А почему? Вот как раз сейчас мы о причинах-то... Да потому, что русский—это в общем-то настолько большой народ, что ему не нужно защищать себя... Я провожу аналогию ситуации с Церковью. Русская Православная церковь была господствующей церковью до революции, и у нее не выработалось навыка активной миссионерской деятельности. Скажем, баптисты, они бы давно все исчезли и не приобрели бы такого положения в

обществе, если бы они активно не пропагандировали свои идеи. Они бы погибли. Ну, вот Православной церкви ничего не угрожало до революции, ей не нужно было защищаться, ей не нужно было себя пропагандировать. Вот два обстоятельства. Не было нужды до революции и не было возможности после революции. Вот мы и не набрали навыка. Потому что баптист, он с детства, с юности — миссионер. Каждый баптист — миссионер. Про православного этого не скажешь. Это наша беда. Даже какая-то бабушка, верующая бабушка, а внук у нее неверующий, это как-то бабушку и не волнует.

Заключение

Обозревая основные биографические вехи и мировоззренческие идеи данных представителей православной интеллигенции, мы можем обобщить их в нескольких заключениях.

По общему мнению респондентов, уровень православной культуры среди российского населения удручающе низок. Здесь сказывается не только результат советского атеистического воспитания, но в целом современное влияние глобально рыночно ориентированной массовой культуры.

Главная задача православного интеллигента в этих условиях — поддерживать и развивать высокие образцы истинного православия. Каждый из респондентов стремится развивать эти образцы прежде всего в поле собственной профессиональной деятельности.

Летописец в духе великой российской поэзии говорит о важности призыва милости к падшим и пробуждения добрых чувств лирой.

Иконописец стремится донести значение традиционных канонов российской и мировой иконописи для современной религиозной аудитории.

Устроитель руководит экономическим обустройством церквей и монастырей в древней провинциальной России.

Подвижник опытом собственной жизни распространяет вокруг идеалы православной стойкости и кротости.

Богослов занимается православным культурным просвещением в мультикультурном Калининграде, традиционно находящемся под воздействием кантианства Кенигсберга.

Миссионер видит свою задачу в пробуждении активистского самосознания православных, живущих в республике татар-мусульман.

Каждый из респондентов имеет собственное достаточно критическое мнение о российской интеллигенции, а также о путях достойного интеллигентского поведения в современной России.

По мнению Летописца, интеллигенция вела себя капризно и непоследовательно в период перестройки, а теперь пожинает результаты этих своих слабостей. Аскетичное, самоотверженное занятие высокой

культурой (литературой), демократизм и толерантность — таким должно быть поведение российской интеллигенции в современных условиях.

Иконописец полагает, что, обособливаясь, «кучкуясь» сама по себе (в своих интеллигентских приходах), интеллигенция приходит в результате к внутренним ссорам и конфликтам. Интеллигенция не должна обособляться от окружающего даже неправославного мира, но активно жить в нем с иронией любознательности, помня о евангельских идеалах, как «учитель физкультуры Андрюха».

Для Богослова важным является значение осмысления и сохранения интеллигенцией традиционных ценностей и традиционного уклада жизни.

Устроитель считает, что интеллигенция, часто ленивая и безалаберная, нуждается в дисциплинирующем воздействии, исходящем от идеи созидательного и сильного государственничества.

Подвижник полагает, что, с одной стороны, среди интеллигенции много серости, а с другой — достаточно ереси, и то и другое связано с интеллигентской верой в интеллект, который по природе своей ущербен и, предоставленный лишь сам себе, не способен к истинному постижению мира.

Миссионер утверждает, что истинность интеллигентского стремления самостоятельно мыслить должна воплощаться в созидании маяков для путей развития русского самосознания, укрепления и единения Российского государства.

Впрочем, по отношению к государству, его влиянию на церковь и общество, среди респондентов возможно обнаружить и наиболее противоположные точки зрения.

Представители так называемых свободных профессий Летописец (поэт) и Иконописец (художник) высказывают по отношению к государству глубоко критическую и независимую точку зрения, не ища с государством особых путей сотрудничества.

Наоборот, Устроитель и Миссионер подчеркивают первостепенное значение сотрудничества интеллигенции с государством.

Подвижник отметил, что не слышит в современном российском государстве, да и во всем обществе необходимого авторитетного голоса, Впрочем, и авторитетный голос, по мнению Подвижника, — это не панацея и не идеал.

По отношению к внешнему миру практически все респонденты подчеркнули культурно-религиозную особость России. Причем лишь один Летописец-поэт не проявил особой тревоги о возможной культурно-религиозной экспансии со стороны как Запада, так и Востока. Остальным респондентам в большей или меньшей степени было присуще подчеркивание особого значения русской культуры и православия, а также стоящей перед ними задачи противостояния иным религиозным и культурным направлениям, в особенности направлениям религиозного сектантства и массовой культуры.

ОБ АВТОРАХ

Куренной Виталий Анатольевич (1970 г. р.) — кандидат философских наук, заведующий отделением культурологии Государственного университета — Высшей школы экономики, научный редактор журнала «Логос», эксперт фонда «Наследие Евразии».

Никулин Александр Михайлович (1962 г. р.) — кандидат экономических наук, руководитель научно-исследовательского отдела «Интерцентр» Московской высшей школы социальных и экономических наук.

Пономарева Нина Сергеевна — социолог, сотрудник Института комплексного социологического анализа.

Рогозин Дмитрий Михайлович (1972 г. р.) — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Российской академии наук.

Турчик Анна Васильевна — Master of Arts in Sociology — ма (социология), научный сотрудник «Интерцентр» Московской высшей школы социальных и экономических наук, аспирант Института социологии Российской академии наук.

Мыслящая Россия:
Интеллектуально-активная группа

Редакционный совет серии «Мыслящая Россия»
Елена Козиевская, Виталий Куренной,
Елена Яценко

Общая редакция
Виталий Куренной

Дизайнер
Владимир Виноградов, © 2006–2008

В оформлении книги использованы графические
работы художника **Евгения Телишева**

Некоммерческий фонд «Наследие Евразии»
115035, Москва, Садовническая ул., 44, стр. 1
Тел. (495) 728-49-59

Подписано в печать 20.12.08. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ. л. 15. Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Аванти. Издательство и типография»
127287, Москва, Старый Петровско-Разумовский проезд, 1/23